

Исторический язык.

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

3
1977

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Марков Д. Ф.</i> За глубину и синтетичность научных исследований (К 30-летию Института славяноведения и балканистики АН СССР)	3
<i>Базылёв Людвик</i> (ПНР). Институт социалистических стран ПАН	12
<i>Багинский Э. С.</i> Санация и конституционный вопрос в Польше (1926—1929)	16
<i>Бирман М. А.</i> Промышленный пролетариат Болгарии начала XX в. (численность, структура)	34
<i>Свердлов М. Б.</i> Общественный строй славян в VI — начале VII века	46
<i>Непорожняя Н. А.</i> Гуманистическая концепция человека в антифашистском романе Михайло Лалича	60
<i>Белозерова О. М.</i> Йозеф Грегор Тайовский как представитель критического реализма в словацкой прозе начала XX века	68
<i>Скупский Б. И.</i> Спорные случаи дательного самостоятельного в евангельских кодексах	78

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Королюк В. Д.</i> «Славяне и Запад»	89
<i>Лаптева Л. П.</i> Книга о Яне Арноште Смолере	92
<i>Северная О. А.</i> Вопросы культурного строительства в европейских странах социализма	94
<i>Соловьева А.</i> Библиография трудов о Яне Неруде	97
<i>Данилова А. В.</i> Вулетий. Мисао и реч Светозара Марковића	99
<i>Супрун В. И.</i> «Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby»	100
<i>Виноградова А. И.</i> Проблемы средневекового города в словацкой марксистской историографии	102

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, выпущенные в Советском Союзе в 1976 г.	106
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1976 г.	113
Содержание иностранных журналов	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аксенова Е. П. 30 лет деятельности Института славяноведения и балканистики АН СССР	123
Цивьян Т. В. Симпозиум по структуре балканского текста	124

Д. Ф. МАРКОВ

ЗА ГЛУБИНУ И СИНТЕТИЧНОСТЬ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(К 30-летию Института славяноведения
и балканистики АН СССР)

Прошло 30 лет со времени основания нашего Института. Мы отмечаем эту дату вовсе не ради юбилейного фимиама, а ради дальнейшего нашего движения: смысл в том, чтобы оглянуться на прошлое, проанализировать настоящее и вновь подумать о ближайших и более отдаленных перспективах.

Институт наследовал замечательные традиции отечественного славяноведения. Осуществлению преемственных связей благоприятствовала сама обстановка — ведь у организационных начал Института стояли такие выдающиеся слависты, как В. И. Пичета и Н. С. Державин, его первый директор Б. Д. Греков. Небольшой поначалу центр славистических исследований (в 1947 г. в нем было 18 сотрудников) быстро набирал силу и за 30 лет превратился в крупное научно-исследовательское учреждение.

Сейчас в Институте 212 научных сотрудников, из них — 114 кандидатов наук, 37 докторов, и это не просто количественный рост. За прошедшие 30 лет в Институте произошли глубокие качественные изменения, связанные с определением места Института в системе общественных наук.

Мне уже не раз приходилось выступать перед институтским коллективом и в печати с докладами об этапах развития нашего Института. Не стану сейчас подробно говорить о его истории. Назову лишь некоторые стороны нашей работы в прошлом, чтобы затем сосредоточиться на положении дел сегодня и на планах ближайшего будущего.

В первые годы надо было прежде всего решать проблему подготовки квалифицированных кадров славистов. Вновь созданный Институт решал ее совместно с другими научными учреждениями, с Московским университетом — тогда у нас был хороший союз, и эти добрые традиции мы продолжаем и сегодня.

Уже в конце 40-х — начале 50-х годов Институт приступил к подготовке многотомных обобщающих трудов по истории Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии, которые были изданы в течение примерно 10—12 лет. Позже, в начале 70-х годов, эта большая серия пополнилась трехтомной историей Венгрии и трехтомной историей Румынии. И рядом на полках институтских изданий стоят тома по истории болгарской, польской, чешской и словацкой литератур, по истории литератур народов Югославии.

В нашей стране — это первые обобщающие марксистские труды по истории и истории литератур упомянутых стран. Надо иметь в виду, что многие из них создавались в период, когда еще не были написаны с марксистских позиций истории народов в самих странах. Наши труды стимулировали работу такого характера, способствовали установлению дружеских контактов и сотрудничества.

Мы шли к освоению истории, литератур и языков изучаемых стран. Стать высококвалифицированным специалистом в своей области — это было важнейшим требованием, означавшим детальное, поистине глубокое знание страны — объекта изучения. Наряду с указанными обобщающими трудами возник широкий поток страноведческих исследований — статей, индивидуальных монографий, сборников по отдельным странам.

Шел интенсивный процесс накопления знаний и материала. Работа эта имела и самостоятельное значение, и вместе с тем была этапом на пути к более широкому синтезу. Создавалась реальная база для перехода к новым задачам, необходимость решения которых обусловлена самой структурой Института как комплексного научного учреждения. В какой-то степени сближение ученых разных специальностей происходило с самого начала существования Института: работы наши публиковались в общих изданиях, какими были, например, «Ученые записки»; в многотомных историях отдельных стран, о которых речь шла выше, разделы по культуре готовились литературоведами, искусствоведами и другими специалистами. Но это были только начатки, притом страноведческого характера. Между тем надо было перейти к сравнительно-историческим исследованиям широкого плана.

В 1968—1969 гг. последовали решения Президиума АН СССР о преобразовании Института славяноведения АН СССР в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. В нашу задачу вошло изучение истории Греции, Венгрии, Румынии. Из Института истории АН СССР к нам была переведена большая группа историков, значительная часть которых — известные ученые, внесшие заметный вклад в науку. Они органически влились в наш коллектив. Постановлением Президиума АН СССР от 18 июня 1970 г. были определены основные направления научной деятельности Института, в соответствии с которыми были созданы новые подразделения, способствующие проведению сравнительно-исторических и комплексных исследований.

Таким образом, к началу девятой пятилетки мы были подготовлены и организационно, и в собственно научном плане для перехода к таким исследованиям. Но сам живой процесс перехода был делом нелегким, связанным с преодолением серьезных трудностей. Надо было преодолеть инерцию стихийного планирования, основывающегося лишь на индивидуальных заявках научных сотрудников, надо было преодолеть своеобразный психологический барьер — замкнутость отдельных ученых, привычку все делать только по своему выбору и усмотрению.

Мы переходили постепенно к программно-целевому планированию, требующему сосредоточения усилий на главных направлениях. Оно отнюдь не исключает необходимости считаться с личными интересами отдельных ученых, точнее — с возможностями их наибольшего вклада в решение выдвинутых проблем. Оно не означает также абсолютную ориентировку только на коллективные исследования, хотя, конечно, они являются главенствующими. По определенным вопросам важны и индивидуальные монографии и статьи; важны и публикации архивных документов, хорошо налаженная служба информации и т. д.

Для осуществления конкретного плана сравнительно-исторических и комплексных исследований необходимо было дать научное обоснование

их принципов. Остро встали вопросы методологии и методики такого рода исследований. По этим вопросам, связанным с общей концепцией Института, выступал ряд ведущих ученых — историков, историков культуры, литературоведов, лингвистов. Речь шла в их статьях о месте и значении сравнительно-исторических и комплексных исследований в общественных науках, о типах исследований. Мы видим и работы, ведущиеся в рамках одной науки, например истории или литературоведения. Главное в них — решение крупных проблем на материале исторического или историко-культурного процесса ряда стран. Видим также и работы другого типа — в них анализ общественных явлений ведется средствами разных наук, скажем истории и фольклористики, истории культуры и лингвистики. Комплексный подход к общественным явлениям диктуется сложной системной структурой самих явлений. Проблемой этногенеза занимаются историки, лингвисты, археологи, этнографы, фольклористы. Объединения усилий исследователей разных наук требует и изучение эпохи перехода от феодализма к капитализму, эпохи формирования наций, ибо мы видим в ней переплетение различных и вместе с тем взаимосвязанных процессов — социально-экономических, политических, культурных, языковых.

Разработка названных методологических проблем, которая продолжается и сегодня, несомненно способствовала более быстрому переходу к сравнительно-историческим и комплексным исследованиям у нас в Институте. План девятой пятилетки (1971—1975 гг.) можно считать началом практического осуществления исследований такого характера.

О возросшем интересе ученых к этим исследованиям свидетельствует, наряду с прочим, и то, что в течение прошедшей пятилетки Институтом проведено 18 конференций и симпозиумов, в том числе 5 международных, которые в основном были нацелены на сравнительно-историческое и комплексное изучение важнейших проблем. Вот их некоторые темы: «Генезис капитализма, национально-освободительное движение и формирование национальной культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в конце XVIII — 70-х годах XIX в.», «Славянские культуры в эпоху формирования и развития наций», «Актуальные проблемы истории социалистического строительства в европейских странах социализма», «Сравнительное изучение славянских литератур».

В журнальной печати («Советское славяноведение», «Вопросы истории», «Новая и новейшая история»), а также в различных сборниках начали появляться работы, авторы которых ставят широкие проблемы и стремятся решать их на материале ряда стран. Раскрывается общее и особенное, сравнительный анализ помогает идти к широким выводам об общих закономерностях исторического процесса.

К исходу предыдущей пятилетки были выполнены труды, свидетельствующие о новом этапе в развитии Института. В одних случаях движение к новому только наметилось, в других уже есть вполне определенные результаты.

По этногенезу вышли в свет сборники, в которых участвуют историки и лингвисты. К сожалению, это пока именно сборники, более органическая интеграция исследований представителей различных наук все еще остается для наших медиевистов задачей будущего.

Заметно обозначилась соединенность исследований разных наук по теме «Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму». По этой теме проведены конференции, в которых наряду с историками участвовали культурологи, искусствоведы, лингвисты. Существенным представляется, что в рамках общепланового единого плана по этой проблеме ведутся специальные исследования в аспектах лингвистических, историко-культурных. Отметим

в этой связи подготовленные работы: «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)», «Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков».

Близок к завершению большой труд «Австрийское многонациональное государство в период перехода от феодализма к капитализму». Это коллективная монография, раскрывающая общее и специфическое в исторических судьбах многих народов.

Следует отметить важное значение ряда находящихся в печати трудов по новейшей истории. Книга «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость в 1941—1945 годах» представляет собой сборник статей, организованный единой темой в рамках определенного периода. Другая книга — «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» сочетает в себе страноведческие разделы с разделами, дающими обобщенную характеристику исторического процесса стран всего региона.

Особо подчеркнем, что к концу прошлой пятилетки были закончены и в данный момент находятся в издательстве труды, которые являются целиком коллективными монографиями. Это прежде всего два труда: «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Очерки современного социально-политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы»; близок им по структуре и труд об экспансии германского империализма в упомянутых странах в период 1918—1945 годов. Первый из этих трудов имеет характерный подзаголовок «Опыт сравнительно-исторического исследования социально-экономических преобразований в революционном процессе». При всех возможных недостатках названных работ они, несомненно, находятся на магистральном пути развития Института.

Историками новейшего времени создано немало других работ, которые я здесь не называл, как, впрочем, не называю многие работы и по другим периодам и областям знаний. Моя задача состоит в том, чтобы обозначить основные этапы развития Института, охарактеризовать новые формы и методы работы, опираясь на наиболее характерные факты его научной деятельности.

Говоря в этой связи о литературоведах, подчеркну, что у них давно, пожалуй с начала 1960-х годов, определился интересный и, безусловно, плодотворный путь исследований — объединение специалистов по разным национальным литературам вокруг той или иной проблемы или одного историко-литературного периода. Всеми членами авторского коллектива решается общая задача, хотя решение каждого автора предстает как параллельный ряд к другим подобным рядам.

В качестве примера назову две последние выпущенные в свет работы: «Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX в. Реализм и другие течения», «Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Художественная проза 70-х годов». Обе работы очень важны, несут в себе много нового и в материале и в выводах. Такого рода книгам обычно сопутствует развернутое предисловие или введение, имеющие целью указать на типологию процессов в литературах разных стран. Все это хорошо, но назрела, мне кажется, необходимость выходить также и на путь проблемно-монографических исследований сравнительного плана.

Сходные задачи стоят и перед историками культуры Института. Они шли от разнотемных сборников статей к целенаправленным проблемным книгам, какой является, например, книга «Театр в национальной куль-

туре». Но движение на этом не должно останавливаться. В новом пятилетнем плане намечено создание двух коллективных монографий: о формировании художественной культуры эпохи национального возрождения и о закономерностях развития социалистической культуры. Это должны быть именно коллективные монографии, их создание — центральная задача сектора историко-культурных проблем.

Как литературоведы и культурологи, так и наши лингвисты участвуют в разработке проблем этногенеза и национального Возрождения, балканского языкового союза, объединяющих большие коллективы ученых.

Неотъемлемой составной частью наших исследований являются славяноведение и балканистика, в содержание которых входят различные научные направления. В прошлом, в момент возникновения, славистика была комплексной наукой. Это диктовалось живыми фактами исторической общности происхождения и культуры славянских народов. Первые слависты были своего рода ренессансными личностями — они объединяли в себе лингвистику и историю, литературоведение и этнографию, область культуры и фольклористики. В более позднее время, особенно в XX в., на первый план выдвигаются социальные факторы. В славяноведении происходит процесс дифференциации научных дисциплин. В настоящее время славистику правильнее всего было бы определить как комплекс наук. Поэтому ошибочно сводить понятие славистики, например, к чистой филологии, вообще к какой-нибудь одной науке — задачей славяноведения является изучение общественной жизни славянских народов во всех ее проявлениях.

Эти и другие вопросы рассматриваются в подготовленном и сданном в печать томе «Методологические проблемы истории славистики». Истории славянских исследований посвящены еще четыре тома, которые готовятся с нашим участием в Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии в рамках общего плана Международной комиссии по истории мировой славистики. В Институте подготовлен также биобиблиографический словарь славистов России (до 1917 г.).

Значительных успехов добились мы и в области балканистики. Издан ряд индивидуальных монографий, в планах — большой коллективный труд «Очерки международных отношений на Балканах», охватывающие период XIX—XX вв. Важную оперативную роль играет серийное издание «Балканские исследования», которое начинает все больше объединять представителей разных общественных наук — историков, историков культуры, литературоведов, лингвистов.

Одна из важных сторон деятельности нашего Института — изучение исторических и культурных связей СССР с народами европейских социалистических стран.

Особенность нашей работы в данной области — совместность исследований с учеными социалистических стран. Наши научные контакты развиваются по многим линиям. Но в исследованиях такого типа они получили, пожалуй, наиболее широкую реализацию. Совместное обсуждение замыслов, единых планов, отдельных частей работ по мере их выполнения, а затем и работ в целом и, наконец, их издание одновременно в двух странах соответственно на своих языках — все это представляет собой живой процесс подлинного содружества, слияния научных коллективов, объединенных общностью задач и целей. Возникающие спорные вопросы выясняются путем непосредственного обмена мнениями, в творческой товарищеской атмосфере дискуссий ученых-марксистов.

Важнейшей линией нашего сотрудничества с учеными социалистических стран являются совместные многотомные публикации материалов и документов по советско-польским, советско-чехословацким и советско-

болгарским отношениям. Объективное обнаружение документов, верное их освещение призваны противостоять всякого рода фальсификациям и способствовать укреплению взаимопонимания и дружеских связей народов Советского Союза с другими народами стран социализма. Больше всего сделано по советско-польской публикации (уже вышло в свет девять томов), по другим публикациям вышли из печати первые тома.

Придавая большое значение этим изданиям, коллективы научных работников участвуют в то же время в подготовке совместных сборников исследований, в которых сравнительно широко, на богатой документальной базе, освещаются отношения между нашими странами.

Назовем еще некоторые другие работы последних лет. Характерна, например, ведущаяся в настоящее время работа по многотомному изданию «Болгарское Возрождение и Россия». Она ведется Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Институтом истории БАН. Одну ее часть составят документы, связанные с периодом и проблемой, другую — исследования. Этот принцип параллельной подготовки к изданию и документов и исследований мы стремимся по возможности последовательно проводить. Так, заканчивается работа по подготовке двух томов документов «Россия и первое сербское восстание» (ведется совместно с Институтом балканистики Сербской академии наук), и в то же время готовится сборник статей «Первое и второе сербские восстания и национально-освободительное движение на Балканах». Вышли из печати или находятся в планах многие работы (главным образом совместные сборники статей) по русско-польским, русско-чешским и словацким, русско-югославским историческим и литературным связям. Среди этих работ — исследования широкого проблемного охвата материала и исторических периодов. Таковы, например, вышедшие в свет «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917». Сдается в печать книга, охватывающая последующий период, — «Очерки истории советско-польских отношений. 1917—1975».

Исследования исторических и культурных связей, о которых идет речь, — ответственный участок нашей работы. И мы озабочены тем, чтобы поднять на новый уровень эти исследования — полностью уйти от глухой фактографии, добиться глубокого раскрытия смысла и значения самих фактов, т. е. найти их связь с внутренними закономерностями исторического и культурного процесса изучаемых стран. Здесь, как, впрочем, и в других областях, необходимо интенсифицировать поиски путей к широким обобщениям огромного фактического материала.

Наш Институт вошел в новую, десятую пятилетку с ясно очерченными задачами. Все четче определяется его профиль, его место в системе общественных наук. Наша область — изучение истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы, славянских языков. Мы вышли на принципиально важный для науки в целом путь сравнительно-исторических и комплексных исследований и будем идти в этом направлении и дальше.

Новый пятилетний план Института включает десятки объектов, среди которых — ряд коллективных монографий. По многим из них уже составлены проспекты, продуманы общие концепции. Главный вопрос теперь — это вопрос организации работы. Это требует правильной расстановки кадров и чувства личной ответственности каждого за свой участок, за свою долю вклада в общее дело.

В области исследований этногенеза запланирован большой коллективный труд «Развитие этнического самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Античность — раннее средневековье (этногенез в свете письменных источников)». Мы добились большего сближения историков и

лингвистов. Хорошо начата работа по подготовке «Общекарпатского диалектологического атласа». При всем том, очевидно, нужны здесь дополнительные организационные меры, способствующие интенсификации этих исследований.

Я уже выступал в печати о пятилетнем плане Института, называл его основные объекты. Здесь не буду их перечислять. Укажу лишь на их характер и пути выполнения.

Важнейший раздел плана составляют труды по исследованию процессов формирования наций и национальных культур. Участвуют историки и литературоведы, историки культуры и лингвисты, объединенные единой проблемой. Так, например, исследование просвещения и романтизма в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы или формирования литературных языков ведется не замкнуто филологически, а в связи с общим историческим процессом становления наций, национального самосознания. Мы идем к интеграции исследований разных наук.

Наряду с охватом всего региона, ряд трудов посвящен исследованию тех же явлений в рамках отдельных стран, что также требует комплексного подхода. Особенно важным представляется изучение отдельной национальной культуры в ее главных направлениях, составляющих определенные целостности и состоящие в то же время из глубоко дифференцированных видов (литература, живопись, театр и т. д.). Уловить общие закономерности, не утрачивая специфики каждого отдельного вида, — работа тонкая и ответственная. Она является условием перехода к рассмотрению национальных культур в региональных рамках, а затем и в контексте общемирового культурного процесса.

По новейшему периоду, как я уже сказал, существенных результатов добились наши историки и литературоведы. Большие коллективы ученых пишут в настоящее время работы о кризисе общественно-политической системы капитализма, о народных и национальных фронтах в освободительной борьбе и революциях 40-х годов стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Особо подчеркнем значение запланированных коллективных трудов, посвященных исследованиям истории становления и развития содружества европейских социалистических стран, истории строительства социализма в этих странах. Особенность этих трудов в том, что они требуют не только сравнительно-исторического, но и широкого комплексного уровня исследований. Строительство социализма должно быть исследовано во всех его компонентах — социально-экономических, политических, культурных. Поэтому необходимо объединение ученых разных специальностей.

Труды эти выполняются в координации с другими научными институтами, и здесь исключительно важна четкость организации работы. Вообще проблема координации — важнейшая для нашего Института. Она является прежде всего внутриинститутской проблемой, так как комплексность предполагает объединение усилий разных секторов. Она выходит и за пределы Института, так как ряд тем требует совместной работы с другими научными учреждениями. Мы сделали немало, чтобы организовать координацию, есть у нас положительные результаты. Но есть также в этой части и серьезные недостатки, многое еще предстоит решать.

Я не стремлюсь здесь назвать все работы Института, хотя многие из неназванных, безусловно, заслуживают серьезного внимания. Более того, ряд из них в рамках своей науки сыграли или продолжают играть принципиально важную роль, получили широкий мировой резонанс и признание. Ученым это известно. Я стремился охарактеризовать развитие Института в главных направлениях, подчеркивая его движения по пути сравнительно исторических и комплексных исследований.

Необходимо особо подчеркнуть жизненно важную функцию Института как научного центра, осуществляющего широкие связи и сотрудничество с учеными социалистических стран. На XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Многие направления наук развиваются теперь коллективными усилиями ученых социалистических стран». В этих словах содержится и вывод из практики и ориентировка на будущее.

Наши связи и сотрудничество с социалистическими странами имеют уже свою историю и традиции. Мы начинали с взаимных поездок друг к другу, встреч, бесед, с взаимных консультаций выполняемых работ; начинали публиковать свои работы в изданиях социалистических стран и работы наших коллег появлялись у нас. По взаимным приглашениям участвовали в различных конференциях и симпозиумах, затем совместно готовили и проводили такие симпозиумы и конференции. И наконец, мы подошли к высшему уровню научного сотрудничества — к созданию совместных работ. Они у нас многообразны: это и многотомные публикации документов и материалов, связанных с отношениями Советского Союза и европейских социалистических стран, и исследования исторических и культурных связей СССР и народов Центральной и Юго-Восточной Европы, и совместная разработка многих иных проблем. Теперь это стало нормой жизни Института.

Приведу некоторые цифры. Институт ежегодно принимает от 140 до 200 зарубежных ученых, часть из которых приезжает на длительный срок. Практически мы ежедневно находимся в живом общении с нашими коллегами из социалистических стран. В свою очередь, в течение 1971—1976 гг. в плановые командировки выезжало 180 наших сотрудников, число это удвоится, если считать и выезды на различные научные форумы по приглашениям из стран. В течение 1971—1976 гг. на иностранные языки переведена 51 книга сотрудников Института и множество статей. Есть ученые, которые отмечены почетными научными званиями, орденами и медалями социалистических государств, избраны иностранными членами академий.

В настоящее время Институт сотрудничает с 28 научными учреждениями европейских социалистических стран по 42 темам. Есть у нас совместные рабочие планы и годовые графики работы. Это в основном темы двустороннего сотрудничества. Мы участвуем в работе всех двусторонних комиссий историков, связанных со странами, которые мы изучаем. Ряд тем Институт ведет на многосторонней основе.

Наш Институт активно участвует во многих международных форумах, самыми крупными из которых являются международные съезды славистов и съезды по балканским исследованиям. Организационно мы представлены в руководстве Международной ассоциации Юго-Восточной Европы, Комиссии по славянским исследованиям при Международном комитете историков, а также вновь созданной Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. Это большая и ответственная работа, и можно с правом сказать, что Институт славяноведения и балканистики АН СССР достойно представляет нашу страну.

Есть у нас замечательные ученые, книги которых представляют серьезный вклад в науку. Речь идет прежде всего о старшем и среднем поколении. И вместе с тем выросла научная молодежь — есть у нас талантливые молодые люди, активно участвующие в научных исследованиях. Правда, их еще мало. Забота о молодой смене остается важнейшей нашей задачей.

Деятельность Института значительна и многоаспектна. Объединяя в своем составе историков и литературоведов, историков культуры и лингвистов, Институт, во-первых, сочетает в рамках каждой отдельной науки страноведческие исследования с исследованиями сравнительно-исторического плана; во-вторых, представляя каждую из наук в ее собственных рам-

ках, он в то же время осуществляет интеграцию исследований разных наук по важнейшим проблемам. Организация такой работы — дело сложное и трудное, но вместе с тем и интересное, ибо подлинный интерес в науке — это нерешенные проблемы, нехоженые пути, а не проторенные дорожки, не движение по линии наименьшего сопротивления.

Идет второй год десятой пятилетки. Это год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Институт живет напряженной трудовой жизнью. Мы отдаем себе отчет в том, что есть у нас и недостатки, трудности, случаи нетворческого отношения к делу. Но в целом атмосфера в Институте хорошая. Наш коллектив — талантливый, работоспособный, ясно сознающий свои задачи. И это вселяет уверенность в том, что планы наши будут с честью выполнены.

ЛЮДВИК БАЗЫЛЁВ

ИНСТИТУТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ПАН

Институт социалистических стран Польской академии наук создан по решению Президиума ПАН от 26 сентября 1972 г. и в соответствии с постановлением Совета Министров ПНР от 30 декабря 1972 г.

Это новое учреждение было создано взамен ранее существовавшего Отдела истории польско-советских отношений ПАН, который в свою очередь заменил еще ранее функционировавший Сектор польско-советских отношений. Таким образом, возникновению Института предшествовала довольно длительная работа научного учреждения, имевшего сначала очень узкую сферу деятельности, которая позже была расширена. Последствия такого положения вещей должны были в значительной мере отразиться как на структуре Института, так и на всей сфере планирования его работы.

Основные задачи Института сформулированы в уставе, утвержденном Секретарем Первого отдела ПАН 1 октября 1973 г. на основании распоряжения Ученого секретаря ПАН от 31 октября 1972 г. об усовершенствовании некоторых форм деятельности ПАН. В уставе записано: «Научная деятельность Института включает исследования по истории стран социалистического содружества, с уделением особого внимания интеграционным процессам, исследования по истории польско-советских отношений после 1917 г., отношений Польши со странами социалистического содружества после 1944 г., а также исследования в области политики социалистических стран в современной системе международных отношений».

Институту поручается подготовка и повышение квалификации научных кадров, хотя до сих пор он не получил еще права присвоения ученых степеней, однако в недалеком будущем это право будет ему предоставлено. Штатные сотрудники со званием магистра, соискатели, а также научные сотрудники, уже имеющие ученую степень кандидата наук, принимают участие в семинарских занятиях, которые проводят руководители отделов и секторов.

Ученый совет ИСС, избранный на срок 1975—1977 гг., состоит из видных специалистов в области истории, права, экономики и политических наук; они представляют Центральный Комитет ПОРП, Министерство иностранных дел, почти все университеты, Высшую школу общественных наук, Военно-политическую академию и другие высшие учебные заведения, а также, разумеется, Польскую академию наук. Наличие такого круга специалистов гарантирует исчерпывающее, деловое и объективное рассмотрение любой проблемы, предложенной Совету либо поставленной самим Советом, что имеет важное значение, учитывая научную и политическую роль Института.

Институт социалистических стран имеет следующую структуру:
директор и заместитель директора по общим вопросам; отдел истории

польско-советских отношений с двумя секторами (до второй мировой войны включительно и периода ПНР); отдел европейских стран с секторами балканских и центральноевропейских стран;

сектор внешней политики СССР; сектор документации, издательская группа, административно-хозяйственная группа.

Трудности с кадрами, особенно недостаточное число сотрудников со званием доцента или профессора, обусловили необходимость принимать некоторые нестандартные меры: временное замещение руководящих постов сотрудниками, имеющими лишь степень кандидата наук, некоторые персональные перестановки, не всегда полностью соответствующие возможностям максимальной научной отдачи. Но если даже во всем этом легко усмотреть некоторые черты временности, то все же следует подчеркнуть, что пока, по крайней мере, это не отражается слишком отрицательно на основных направлениях работы.

В последнее время соответствующими инстанциями утверждена новая организационная структура, которая станет прочной основой для научной деятельности Института на длительный период. В новом уставе предусмотрены следующие научно-организационные единицы: отдел истории польско-советских отношений, состоящий из секторов межвоенного периода, второй мировой войны и периода народной Польши; отдел социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы с секторами центральноевропейских и балканских стран; сектор истории и внешней политики СССР; сектор социалистических стран других континентов.

По многим существенным причинам процесс формирования научно-исследовательского профиля Института не протекал гладко, и поэтому руководство Института, особенно после персональных изменений в период с марта по июль 1975 г., должно было именно эти проблемы выдвинуть на первый план. Была начата подготовка комплексного плана, причем, наряду с завершаемыми научными разработками и ведущимися исследованиями следовало принять во внимание еще один, необычайно важный фактор — необходимость заключения договоров о сотрудничестве с некоторыми институтами в странах социалистического содружества. Сделано в этой области было мало: обуславливалось это объективными причинами: такие вопросы не сразу переходят в стадию реализации и требуют согласования в рамках общегосударственных договоров о научном сотрудничестве с другими странами. Лишь в отношении научного сотрудничества с советской стороной положение совершенно иное, так как в течение ряда лет мы сотрудничали в связи с изданием больших сборников документов; однако и здесь следовало подумать о значительном расширении существующих в данное время контактов (и в смысле тематики, и в смысле правового обоснования).

Все эти вопросы должны были найти отражение в проекте пятилетнего научно-исследовательского плана, подчиненного главной и основной проблематике: «Социалистические государства. Генезис, развитие и роль в современном мире».

При разработке плана выделено пять главных тематических групп:

1. Образование системы стран социалистического содружества.
2. Политические, социальные, экономические и культурные преобразования в социалистических государствах.
3. Отношения Польши с социалистическими странами в прошлом и в настоящее время.
4. Внешняя политика социалистических стран в прошлом и в настоящее время.
5. Интеграционные процессы в социалистических странах на фоне перемен, происходящих в мире.

Такой исследовательский профиль имеет прежде всего политологический характер. Основные положения плана были детально обсуждены на заседании Ученого совета, который именно так определил это в своем заключении. При этом подчеркивалась многосторонность исследовательских целей, ибо речь идет о проблемах как политических, так и экономических, культурных и исторических. Исследование тематики, охватывающей генезис, развитие и роль социалистических стран, невозможно без истории. Большинство научных сотрудников Института — историки. Различна их профессиональная подготовка: магистерские и диссертационные работы некоторых из них касаются проблематики хронологически более ранней. Однако связав свою дальнейшую научную судьбу с ИСС, они, разумеется, входят в сферу новейшей истории, с небольшими хронологическими отступлениями в прошлое, особенно в области внешней политики. При такой ситуации могут выявиться некоторые различия в степени подготовленности к изучению новейшей проблематики — и здесь ИСС должен объединить сотрудников в единое целое. Следует надеяться, что мы добьемся в этом полного успеха.

Сотрудничество с соответствующими институтами в социалистических странах четко регламентируется договорами о научном сотрудничестве между Польской академией наук и академиями этих стран.

Протоколом о научном сотрудничестве с Академией наук СССР на 1976—1980 гг., подписанным в Варшаве 20 июня 1975 г., предусматривается следующая программа исследований для Института социалистических стран: внешняя политика социалистических стран; история построения социализма в европейских социалистических странах; история развития сотрудничества и взаимопомощи социалистических стран; издание документов и материалов по истории польско-советских отношений.

Протокол о сотрудничестве с Чехословацкой академией наук, подписанный в Варшаве 23 сентября 1975 г., предусматривает совместное изучение проблемы «Преобразования социальных и политических структур». Аналогично — протокол о сотрудничестве с Болгарской академией наук, подписанный в Варшаве 18 июля 1975 г., содержит общую тематику: «Болгарско-польские отношения после второй мировой войны». Протокол о сотрудничестве с Академией наук ГДР, подписанный в Берлине 27 января 1976 г., выдвигает на первый план исторические и культурные связи обоих народов.

Институт ведет большую публикаторскую работу. Он издает: «Документы и материалы по истории польско-советских отношений», а также имеет два периодических издания: «Из истории польско-советских отношений. Исследования и материалы» и «Бюллетень Института социалистических стран». Первое из этих изданий насчитывает уже девять томов. Публикация «Из истории...», которая была задумана как издание, выходящее раз в полгода, появлялась скорее раз в год (не без некоторых отклонений), но зато в двойном объеме. Последний том, XIII, вышел в 1976 г. В настоящее время мы вернулись к прежнему принципу — выпускать тома раз в полгода; том XIV уже находится в печати. «Бюллетень» выходит ежеквартально.

Издаются также собственные работы и некоторые публикации, подготовленные совместно с зарубежными научными центрами.

Собственные публикации передаются в издательства после утверждения годового плана ИСС Академией наук, т. е. в порядке, установленном для всех научных учреждений. В общем количество публикаций у сотрудников большое; сюда входят книги, статьи, рецензии, монографические исследования и сборники документов, а также научно-популярные работы.

Отметим еще одну сторону деятельности Института — организацию научных сессий и симпозиумов. В 1975 г. наиболее представительным мероприятием в этой области была научная сессия, посвященная двадцатой годовщине Варшавского Договора, проведенная 5—6 июня Институтом социалистических стран совместно с Военно-политической академией им. Ф. Дзержинского при участии Польского института международных проблем. В сессии приняли участие делегации (по несколько человек) почти всех государств — членов Варшавского Договора: СССР, Болгарии, ЧССР, ГДР и Венгрии; было сделано девять докладов и несколько сообщений, которые затрагивали широкий круг проблем, связанных с Варшавским Договором, и прежде всего с его генезисом и значением на современном этапе.

Следует сказать также об активном деятельном участии сотрудников Института в научных и научно-политических встречах за рубежом. Здесь можно назвать прежде всего: научную сессию в Москве 24—25 апреля 1975 г., посвященную тридцатой годовщине польско-советского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи; симпозиум в Софии в октябре 1975 г. на тему: «Деятельность Варшавского Договора и его роль в борьбе за мир и международную безопасность»; международную научную конференцию, проходившую 16—18 декабря 1975 г. и посвященную проблеме: «Революционный путь Монгольской Народной Республики к социализму, минуя капиталистическую стадию развития».

В тесной связи с Институтом социалистических стран осуществляют свою деятельность две комиссии: Польско-советская историческая комиссия и Комиссия многостороннего сотрудничества по исследованию истории Октябрьской революции и последующих социалистических революций. Первая из них является польской частью совместной Советско-польской исторической комиссии, другая — составная часть большого комплекса комиссий, работающих в СССР и во всех странах социалистического содружества.

Будучи формально независимыми от ИСС и работая в составе Отдела общественных наук, обе комиссии имеют, однако, с Институтом разнообразные связи, в том числе, конечно, персональные. Председателем Польско-советской исторической комиссии является проф. Людвик Базыльв, а секретарем — доц. д-р Тадеуш Валихновский. Некоторые сотрудники Института являются также членами одной либо обеих комиссий.

Историческая комиссия организует ежегодно — помимо встреч рабочего характера — один широкий научный симпозиум, поочередно в СССР и Польше, всегда с участием наиболее компетентных специалистов по избранной для данной конференции проблематике.

Итак, перспективы дальнейшего развития Института социалистических стран являются совершенно конкретными и богатыми. Его деятельность в настоящее время и исследовательские планы на будущее соответствуют общественным нуждам и постулатам науки, предоставляя вместе с тем молодым сотрудникам многообразные возможности для творческой работы и развития. Продолжение работы в избранном направлении должно также в значительной мере способствовать укреплению научных и культурных связей с СССР и другими странами социалистического содружества.

Э. С. БАГИНСКИЙ

САНАЦИЯ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ВОПРОС В ПОЛЬШЕ (1926—1929)

Санационный режим в Польше, установленный в результате государственного переворота, осуществленного пилсудчиками 12—14 мая 1926 г., являлся диктатурой крупного капитала и помещиков¹. Своеобразие майского переворота состояло в том, что военные заговорщики опирались не только на поддержку крайне правых консервативно-помещичьих группировок, но также рабочих и крестьянских партий.

Поэтому с приходом к власти Ю. Пилсудский и его сторонники на первых порах вынуждены были считаться с настроениями масс и маскировать реакционную диктатуру демократическими формами. При первой возможности пилсудчики даже ценой компромисса со своими противниками поспешили прекратить вооруженную борьбу и не реализовали сразу в полном объеме своих намерений и ожиданий консервативно-помещичьих кругов, которые рекомендовали заговорщикам разогнать парламент и установить открытую диктатуру².

Лишь через неделю после переворота Пилсудский сделал первые публичные заявления. В интервью для печати 23 и 25 мая он сообщил, что «находился перед выбором: или ... закончить так, как, кажется, от меня требовалось — какой-то попыткой диктатуры и взятием власти в свои только руки, или, что мне представлялось возможным выходом, попыткой легализации свершившегося факта...». Он выбрал второй путь — «и не будет нарушать конституцию». При этом Пилсудский подчеркнул, что «хорошие результаты» может дать только правительство «сильной власти»³. А 29 мая в речи на приеме представителей политических партий он ясно дал понять, что будет править, держа наготове «кнут», и потребовал ограничить права парламента в пользу исполнительной власти⁴.

«Сильная власть» была несовместима с прежней системой государственной власти, основанной на принципах парламентской демократии. Возврат к ней новый режим исключал. За демагогическими лозунгами «оздоровления» крылась подготовка к преобразованиям политических институтов государства в реакционном духе.

Формальное возвращение к конституционному правлению должны были показать выборы нового президента Национальным собранием 31 мая.

¹ «Historia polskiego ruchu robotniczego. 1864—1964», t. 1. Warszawa, 1967, s. 369.

² S. Mackiewicz (C a t). Historia Polski od 11 listopada 1918 do 17 września 1939. Londyn, 1941, s. 194—195, 229.

³ J. Piłsudski. Pisma zbiorowe, t. IX. Warszawa, 1937, s. 13, 17.

⁴ Ibid., s. 32.

Абсолютным большинством голосов президентом был избран Пилсудский. Но он отказался занять пост главы государства, не желая принести присягу демократической мартовской конституции, «ограничивающей президента до чистейшего представительства»⁵. Вместе с тем он заявил, что рассматривает это голосование как второй в его жизни случай узаконения таким способом его действий⁶. На следующий день президентом был избран угодный диктатору человек — И. Мосьцицкий.

Выборы 31 мая имели большое значение для укрепления нового режима и определения тактики диктатуры во внутренней политике. Согласие диктатора на проведение выборов президента сеймом и сенатом старого состава, где преобладали те, кто считался его противниками, было демонстрацией уважения к законности, к тому буржуазному правопорядку, который для правящих классов был прежде всего гарантией спокойствия и порядка и эффективным оружием против революционного движения. Не случайно Пилсудский обращался к историческому прецеденту, напоминая, что «во второй раз» за недолгий период сейм одобрил его «исторические труды». Успокоив таким образом имущие классы, он вместе с тем показывал, что стремится к укреплению этого правопорядка, в рамках которого выработал юридическую формулу «легализации переворота», узаконения произведенных изменений, ставящую его самого над конституцией и над всеми властями в государстве. Такая интерпретация конституционного компромисса 31 мая дала идеологам режима основание рассматривать Пилсудского в качестве «авторитетного органа» — источника права, наряду с конституцией, носителя «ответственности за судьбы нации» перед историей⁷.

И чтобы не оставалось сомнений в подлинной роли военного министра, которым стал Пилсудский, вскоре после этих выборов он сделал твердое внушение руководителям сейма М. Ратаю и И. Дашиньскому: «Вы только не думайте и не воображайте, что я перед вами ответственен... помните, что это я могу сделать вас ответственными передо мной!»⁸. Конечно, за непрерываемым авторитетом маршала стояла вполне материальная сила — вся армия. На первом же заседании назначенного новым президентом правительства было оформлено безраздельное подчинение вооруженных сил Пилсудскому. В опубликованном на следующий день, 10 июня, постановлении дипломатичные формулировки лишь смягчали это нарушение конституции⁹.

Отказ Пилсудского от поста президента привел левые нереволюционные партии в замешательство. Однако они продолжали политику сотрудничества с новым режимом, были опорой правительства Бартеля—Пилсудского в сейме и не оставляли надежд на реформы, требовали роспуска сейма и сената и объявления новых выборов. Не было сомнений, что партии большинства — эндеки, христианские демократы и ПСЛ-«Пяст», стоявшие за побежденным в вооруженной борьбе правительством, потерпят теперь поражение и на выборах. Поэтому они были против роспуска сейма. Но и Пилсудский не собирался устраивать триумф левым партиям. Убедившись в неспособности сейма к последовательной оппозиции, Пилсудский считал, что и дальше сейм «постановит что (я — Пилсудский)

⁵ Ibid., s. 33—34.

⁶ Ю. Пилсудский имел в виду одобрение Учредительным сеймом в 1919 г. его деятельности в качестве «временного начальника государства».

⁷ См., например, T. Hołowo. Ostatni rok. Warszawa, 1932, s. 50.

⁸ W. P o b ó g - M a l i n o w s k i. Najnowsza historia polityczna Polski. 1864—1945, t. II, część 1. Londyn, 1956, s. 492.

⁹ A. Ajnenkiel. Spór o model parlamentaryzmu polskiego do roku 1926. Warszawa, 1972, s. 324—326.

захочу, утвердит что прикажу, потому что сейчас он трусит. А коли нет, то буду ломать, ломать....»¹⁰.

В конце мая Пилсудским была сформулирована программа внутренней политики правительства «сильной власти». Заявив, что он «совершил нечто вроде революции без всяких революционных последствий»¹¹, он подчеркнул, что является противником «дорогостоящих и опасных экспериментов» ради «решения социальных проблем»¹². Это касалось и самой острой из них, аграрной¹³. Польша, считал он, должна добиваться «социального равновесия» теми же средствами, какими оно удерживается на западе Европы¹⁴.

Планы диктатуры окончательно разъяснились на сессии сейма, которая собралась 22 июня впервые после переворота. Выступления К. Бартеля и других членов правительства показали, что санация не предполагает принципиального изменения экономической политики и рассчитывает использовать все возможности государства, чтобы «будить инициативу, поддерживать любое творческое усилие общества»¹⁵.

Это успокоило промышленные круги, которые в связи с улучшавшейся с февраля 1926 г. экономической конъюнктурой были заинтересованы в сохранении максимальной предпринимательской свободы и опасались, что санация может пойти в направлении усиления роли государства в экономической жизни страны — так называемого этатизма¹⁶.

Главную свою задачу правительство видело не в области экономики. К. Бартель 19 июля в сейме развивал, в русле установок Пилсудского, «реальную программу на будущее»¹⁷. Для осуществления «санации» хозяйственной и общественной жизни страны Бартель требовал от сейма: наделения правительства чрезвычайными полномочиями; проведения реформы административного аппарата в направлении усиления его власти; реформы конституции «хотя бы в самых общих и наиболее существенных чертах, в пунктах, касающихся вопроса власти». Реформа конституции — это «самая существенная из проблем публичной жизни Польши», — заявил он¹⁸. Таким образом, определилась основная тенденция внутренней политики санации, характеризовавшаяся преобладанием политического аспекта над экономическим при всей остроте хозяйственных и социальных проблем.

У истоков политической идеологии санации лежал классовый солидаризм, который Пилсудский и его последователи длительное время прививали польскому социалистическому движению, в годы первой мировой войны пытались претворить в программе «национальной консолидации», а после 1918 г. использовали для борьбы с революционным движением¹⁹. Идеализация государственности, подчинение ей социальных проблем раз-

¹⁰ W. Baranowski. Rozmowy z Piłsudskim. 1916—1931. Warszawa, 1938, s. 198.

¹¹ J. Piłsudski. Op. cit., t. IX, s. 18.

¹² Ibid.

¹³ W. Baranowski. Op. cit., s. 199.

¹⁴ J. Piłsudski. Op. cit. s. 19.

¹⁵ K. Bartel. Mowy parlamentarne. Warszawa, 1928, s. 19, 25—30.

¹⁶ Z. Landau, J. Tomaszewski. Zarys historii gospodarczej Polski. 1918—1939. Warszawa, 1971, s. 148—149.

¹⁷ K. Bartel. Ibid., s. 17—19.

¹⁸ Ibid., s. 11—16.

¹⁹ Г. Яблонский. Независимость Польши и национальные традиции в свете ленинских идей. В кн. Ленин и Польша. М., 1970, стр. 32—33; М. Zuchowski. Polska myśl socialistyczna XIX—XX wieku (do 1918 r.). Warszawa, 1976, s. 242, 374, 381; J. Holzer. PPS w latach 1917—1919. Warszawa, 1962, s. 21.

вили культ государства как организованной силы, стоящей над обществом²⁰.

Составной частью пилсудчиковской идеологии было понимание народа (нации) как производного от государства в процессе исторического развития²¹. Государство вершит историю, а народ является инструментом в его руках. Отсюда с необходимостью следовал вывод о внеклассовости государства и политической власти как «моральной силы»²². В утверждении Пилсудского, что он «не является членом ни польской правящей, ни польской левицы»²³, фактически давалось определение его диктатуры как внепартийной, надклассовой, что и стало официальной доктриной режима. В соединении с социальным солидаризмом государственная власть понималась как основа социальных отношений. Слабая государственная власть, которую пилсудчики связывали с «сеймовладством» и системой политических партий («партийство»), порождала социальные конфликты, а сильная власть делала ненужными социальные реформы.

Идеалистическую и волюнтаристскую концепцию нации и государства Пилсудский воспринял у краковских консерваторов. Она дала ему также «удобное орудие захватнической политики» — империалистическую идею федерализма, отрицавшую самобытность народов, входивших в состав польского государства до 1772 г.²⁴ Пилсудский заменил сословно-шляхетский антиэгалитаризм консерваторов более соответствующим условиям капиталистического XX в. «индивидуалистическим антиэгалитаризмом индивидуальной „заслуги“»²⁵, иначе говоря, концепцией «элиты», в силу ее особых личных качеств призванной управлять остальной массой людей. Элитистским по природе являлся культ Пилсудского, «творца возрожденной Польши», требовавший слепого повиновения воле маршала. Сам Пилсудский неоднократно превозносил свои «исторические труды»²⁶, жельно порицая свою страну, в которой не умеют уважать «никаких очевидных заслуг»²⁷.

Подобно всякой другой теории «элиты»²⁸, элитизм пилсудчиков не допускал и мысли о возможности подлинного народовластия и самостоятельности масс, которые в их представлении являлись бесформенной, иррациональной силой, и потому абсолютизировал политическое руководство обществом со стороны государства. Буржуазно-демократический принцип формально равного участия всех членов общества в политической жизни элитизм пилсудчиков заменял иерархическим принципом, дифференцирующим это участие в зависимости от личных «заслуг» перед государством и обществом и потому направленным на укрепление власти экономически господствующих классов, а вместе с ними и управляющей их делами политической «элиты»²⁹.

²⁰ W. Sławaek. Ideologia obozu marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1930, s. 5, 9.

²¹ K. Grzybowski. Ojczyzna, naród, państwo. Warszawa, 1970, s. 188—190; A. Micewski. W cieniu marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1969, s. 81—88; M. H. Serejski. Naród a państwo w polskiej myśli historycznej. Warszawa, 1973, s. 290—299.

²² J. Piłsudski. Op. cit., t. VI, s. 2.

²³ Ibid., t. IX, s. 24—25.

²⁴ J. Lewandowski. Imperializm słabości. Warszawa, 1967, s. 45—46.

²⁵ K. Grzybowski. Op. cit., s. 185—186.

²⁶ J. Piłsudski. Op. cit., t. IX, s. 129—131, 275.

²⁷ W. Baranowski. Op. cit., s. 208.

²⁸ В. В. Колбановский и Г. В. Осипов. Антидемократическая сущность теорий «элиты». В кн. Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960, стр. 337—372.

²⁹ J. Piłsudski. Op. cit., t. IX, s. 184—185; W. Sławaek. Op. cit., s. 12—14, 17—18; A. Skwarczyński. Myśli o nowej Polsce. Wyd. 2-e. Warszawa, 1934, s. 53, 87; W. Stpićzyński. Polska, która idzie. Warszawa, 1929, s. 10—13, 79.

Диктатура санации вела, вслед за ликвидацией и выхолащиванием основных институтов буржуазной демократии, к выпячиванию функций принуждения, насилия, к насаждению террора и беззакония, прикрываемых «авторитетом» Пилсудского и «высшими интересами» государства. Одновременно происходила милитаризация страны, массированное насыщение представителями армии общественных организаций и всех звеньев государственного аппарата сверху донизу. Образовалось даже своего рода «второе правительство», состоявшее из ближайших приспешников Пилсудского — группы «полковников», которые контролировали деятельность министров, «прорабатывали для премьера важнейшие государственные вопросы»³⁰.

Стремясь укрепить свою власть, санация предприняла попытку реформы конституции. 9 июня, на следующий день после утверждения президентом состава нового кабинета, Совет министров приступил к разработке проекта изменения конституции. 16 июня проект был утвержден, а 17 — отослан маршалу сейма³¹. Правые партии (ЗЛН, СХН, ХД) и ПСЛ-«Пяст» также внесли предложения, предусматривавшие еще большие ограничения прав сейма. Демократические партии, на которые якобы опирался кабинет Бартеля, настаивали на самороспуске сейма и проведении новых выборов. Однако в критике проектов конституционной реформы они не были единодушны и так последовательны, как депутаты КПП и Независимой крестьянской партии³². Бартель добился согласия ПСЛ-«Вызволене» и СХ поддержать основные пункты правительственного проекта. В конечном итоге возник своеобразный компромисс правых партий, центра, крестьянской левицы и, наконец, правительства, которое отступило от некоторых своих требований³³. Против изменений конституции голосовали депутаты революционных партий, ППС и национальных меньшинств.

Принятый сеймом 2 августа 1926 г. закон, известный также под названием августовской новеллы, изменял и дополнял статьи 4, 22, 25, 26, 44, 58 конституции 1921 г.³⁴. Основные нововведения заключались в следующем.

1. Президент получил право «в случае срочной государственной необходимости» издавать декреты, имеющие силу закона, либо по выраженному в законе согласию парламента³⁵, либо распустив палаты. Таким образом, сейм, один правомочный по духу и букве буржуазной демократии выражать волю народа в форме закона, лишился законодательной монополии, хотя осталась без изменения статья 3 конституции, в которой говорилось: «Нет закона без одобрения сейма<...> Распоряжения власти... обязательны лишь в том случае, если они изданы на основании закона и со ссылкой на него».

Т. Смолинский видит аналогию между августовской новеллой и законами французского парламента 1924 и 1926 г., уполномочивавшими правительство издавать декреты, и полагает, что делегирование законодательства новеллой не может рассматриваться как проявление дикта-

³⁰ S. Mackiewicz (Cat). Op. cit., s. 222—224; W. Pó b ó g-M a l i n o w s k i. Op. cit., s. 502; A. C z u b i Ń s k i. Przewrót majorowy 1926 r. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, № 13. Historia, z. 2. Poznań, 1958, s. 146—147.

³¹ A. A j n e n k i e l. Spór o model..., s. 324—334; W. Pó b ó g-M a l i n o w s k i. Op. cit., s. 491.

³² «Posłowie rewolucyjni w Sejmie (1920—1935)». Wybór przemówień. Warszawa, 1961, s. 234—242.

³³ A. A j n e n k i e l. Spór o model..., s. 384—406.

³⁴ «Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej», nr. 78 z 1926, poz. 442.

³⁵ Такой «закон о полномочиях» был принят в тот же день 2 августа 1926 г. (Ibid., poz. 443).

туры или фашизма³⁶. Однако принципиальное значение имеет тот факт, что во Франции делегирование законодательных полномочий правительству осуществлялось в условиях сохранения буржуазной демократии и верховной власти парламента. В Польше же дело шло вообще к свертыванию законодательной власти сейма, ее перераспределению в пользу правительства. Эта тенденция просматривается уже в самом тексте августовской новеллы (ст. 5), которая предусматривала возможность отмены любого из ограничений в сфере законодательных актов президента, за исключением изменения конституции. А первоначальный проект этого закона вообще не делал никаких исключений для декретов президента, кроме неприкосновенности конституции, да еще наделял его правом вето в отношении постановлений сейма³⁷. Еще показательнее была практика. Декреты президента быстро вытесняли парламентское законодательство³⁸:

	VI—XII 1926	1927	1928	1929	1930	Общий итог до «брестских» выборов
Законы	31	29	8	30	29	127
Декреты	41	214	229	1	48	533

Оговорки, содержащиеся в новелле, не помешали изданию декретов, касавшихся важнейших областей государственной и общественной жизни: верховного командования вооруженными силами, устройства судов, полиции, свободы печати и т. д.

Конечно, декрет президента формально не был законом. «Но дело не в названии, — писал проф. Ч. Знамеровский в 1935 г. — Эти предписания явились важным фактором развития польского права благодаря тому, что таким путем были введены в последние годы важнейшие... кодексы» (уголовный, гражданский и др.) без предварительного обсуждения и одобрения представительного органа³⁹.

Поэтому следует полностью согласиться с заключением другого современника, что августовская новелла решает проблему декретов «под несомненным влиянием» закона фашистского правительства Италии от 31 января 1926 г. «О праве исполнительной власти издавать юридические нормы»⁴⁰. Сходство этих двух документов не вызывает сомнений⁴¹.

2. Новелла отменила порядок, согласно которому очередная сессия сейма не могла быть закрыта до утверждения бюджета; если сейм в пятимесячный срок не утверждал его, бюджет вступал в силу в том виде, в каком он был предложен правительством. В этом случае «президент выступает как самостоятельный законодательный орган»⁴². Создавалась угроза лишения сейма его основного права — права контроля над государственным хозяйством, реализуемого через бюджет⁴³.

3. Президент получил право роспуска палат по предложению Совета министров; испрашивать согласия сената, как прежде, уже не требовалось. Одновременно сейм лишился права роспуска по собственному по-

³⁶ T. S m o l i ń s k i. Dyktatura Józefa Piłsudskiego w świetle konstytucji marcowej w latach 1926—1930. Poznań, 1970, s. 19.

³⁷ A. A j n e n k i e l. Spór o model..., s. 327.

³⁸ Подсчитано по «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny». Poznań, 1926—1930.

³⁹ C z. Z n a m i e r o w s k i. Konstytucja styczniowa i ordynacja wyborcza. Warszawa, 1935, s. 42.

⁴⁰ A. M y c i e l s k i. Dekrety w powojennym prawie konstytucyjnym. «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny», 1933, № 1, s. 191.

⁴¹ См. «Конституции буржуазных стран», т. I. М.—Л., 1935, стр. 152—153.

⁴² C z. Z n a m i e r o w s k i. Op. cit., s. 41.

⁴³ A. A j n e n k i e l. Spór o model..., s. 412—415.

становлению и в случае конфликта с правительством не мог апеллировать к избирателям.

4. Вопрос об ответственности правительства или отдельного министра не подлежал голосованию на том же заседании сейма, на котором он был поставлен. Для буржуазных конституционалистов это было лишь мерой, предупреждающей случайное падение кабинета в связи с разногласиями по незначительному вопросу⁴⁴. Проблема не исчерпывается также указаниями на отход от французских образцов и сближение с британской кабинетной системой «с целью ограничить так называемую сеймократию» для предохранения правительств от слишком частых кризисов на то, что отсрочка голосования создавала возможность закулисных действий, давления посредством угрозы досрочного роспуска или, наконец, роспуска палат⁴⁵.

В условиях буржуазной демократии политическая, или парламентская, ответственность правительства выражала суверенитет сейма, вытекала из его контрольных функций, являлась в определенном смысле их санкцией⁴⁶. Она гарантировала соответствие политики правительства с мнением парламентского большинства, делала необходимым создание правительства при участии этого большинства, являвшегося коалицией политических партий.

Накануне переворота одним из главных пунктов критики парламентаризма пилсудчиками была нестабильность правительств в связи с многочисленностью партий, препятствовавшей созданию прочного большинства в сейме.

Однако в условиях диктатуры, когда сейм уже не обладал верховной властью, он утратил и свои прежние полномочия в формировании правительства. Акт 31 мая о «легализации переворота», в сущности, юридически ликвидировал парламентский абсолютизм. После этого критика «сеймократии» санацией перешла в плоскость демагогии. Главой правительства и министрами президент назначал людей, указанных Пилсудским, а не партиями, имевшими большинство в сейме. Такими, в частности, были первые кабинеты Бартеля, лидера крошечной Партии труда. Когда было необходимо, Пилсудский сам становился премьер-министром. Если в каких-то пределах ответственность правительства перед сеймом еще сохранялась, то она была обратно пропорциональна возросшей самостоятельности исполнительной власти, политический курс которой определялся теперь не сеймом, а Пилсудским и «полковниками» из-за кулис.

Следовательно, смысл изменения процедуры голосования о выражении недоверия в данном случае заключался не в регулировании министерской ответственности перед сеймом, а в создании условий, парализующих всякую возможность голосования «народных представителей» против политики санационной диктатуры, но допускающих, в рамках игры в демократию, голосование против отдельных министров или мероприятий.

Пилсудский высоко оценивал закон от 2 августа как средство толкования конституции в смысле, приемлемом для диктатуры. «Сделанные поправки, — говорил он, — облегчили ситуацию, а на полях этой действующей конституции, в отношении которой вы знаете мое самое плохое мнение, можно еще делать модификации, которые будут неписаной дого-

⁴⁴ W. K o m a r n i c k i. Ustrój państwowy Polski współczesnej. Geneza i system. Wilno, 1937, s. 79.

⁴⁵ T. S m o l i ń s k i. Op. cit., s. 19; A. C z u b i ń s k i. Centrolew. Poznań, 1963, s. 175; «Historia państwa i prawa Polski 1918—1939». Cz. 1. Warszawa, 1962, s. 135.

⁴⁶ M. P i e t r z a k. Rządy parlamentarne w Polsce w latach 1919—1926. Warszawa, 1969, s. 142—146, 163—169 in.

ворной системой добрых обычаев между правительством и властями сейма, если они захотят лояльно их придерживаться». Основой таких «добрых обычаев» Пилсудский считал «уважение власти там, где она имеет решающий голос»⁴⁷.

Таким образом, анализ августовской новеллы показывает, что это не была обычная конституционная реформа в рамках парламентского строя, как полагают некоторые исследователи⁴⁸. В действительности решался вопрос не столько о пределах власти правительства, сколько о месте сейма в системе диктатуры. В условиях, когда реальная власть перепла к правительству, реформа стала следующим после переворота шагом пилсудчиков на пути ликвидации основ буржуазно-демократического парламентаризма, постепенного превращения парламента в декоративную пристройку к диктатуре и послушное орудие ее политики.

Правда, полной интеграции сейма в новую политическую систему, которая создавалась постепенно, еще не произошло. В этом смысле конституционная реформа несла на себе печать компромисса 31 мая. Санация еще не овладела парламентом изнутри. Сеймовые партии сохранили возможность демонстрировать «в рамках законности» дозволенную оппозицию, но в парламенте, который на деле почти полностью исключался из управления страной. Жизнь подтвердила предупреждения коммунистической фракции сейма, которая указывала, что, соглашаясь на изменения конституции, сейм «собственными руками хоронит парламентскую демократию» и выносит себе «смертный приговор»⁴⁹. История сейма после переворота и августовской новеллы — это история его деградации, атрофии законодательных и иных функций и механизма парламентского контроля⁵⁰.

Конституционная новелла временно удовлетворила санацию, однако не исчерпала ее политическую программу. Выступая 6 июля 1926 г. в сейме, депутат-коммунист Е. Сохацкий предупреждал, ссылаясь на опубликованные в полуофициальной печати материалы и откровения Бартеля и других лиц из окружения Пилсудского, что правительство планирует изменение избирательной системы в духе пожеланий реакции, солидаризуется с проектами уравнивания в правах сената с сеймом и назначения сенаторов президентом, ликвидации парламентской неприкосновенности депутатов, назначения Государственного совета и т. п.⁵¹.

Более прямым свидетельством является запись беседы Пилсудского с дипломатом В. Барановским, из которой следует, что и после 2 августа маршал продолжал считать вопрос о конституции открытым. Он говорил о «будущей конституции», которая «должна быть некоторым образом равнодействующей традиций, потребностей действительности и фактического положения, а также целей, стремлений и предназначений народа». Вместе с тем Пилсудский признавал противоречивость этой действительности, отмечая, что конституция «непременно должна быть выражением наших исторических склонностей к демократии»; форму подскажет практика жизни; иностранные примеры — фашистской Италии, Веймарской республики или большевиков — не соответствуют «польской психике, кроме того; они не в моем вкусе». Пилсудский считал также еще не доста-

⁴⁷ W. Bałanowski. Op. cit., s. 206—207.

⁴⁸ A. Czubiński. Centrolew, s. 175; T. Smoliński. Op. cit., s. 19—20; A. Ajnenkiel. Spór o model..., s. 420—421; его же. Parlamentaryzm II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1975, s. 249.

⁴⁹ «Posłowie rewolucyjni w Sejmie», s. 234, 241.

⁵⁰ A. Gwiżdż. Burżuazyjno-obszarnicza konstytucja z 1921 r. w praktyce. Warszawa, 1956, s. 178—214 in.; A. Ajnenkiel. Parlamentaryzm II Rzeczypospolitej, s. 254—258.

⁵¹ «Posłowie rewolucyjni w Sejmie», s. 234—237.

точным влияние санации в сейме и обществе, чтобы предупредить выражение этих склонностей «в таком карикатурном виде... как в нашей мартовской конституции». Для Пилсудского демократия кончалась там, где начиналась власть: «Пусть поляки, которые так легко и покорно позволяли „дать в морду“ себе каждому русскому городовому и были счастливы, если могли ему поправиться, убедятся, что в случае чего может „дать в морду“ и польская власть. И так будет...»⁵².

Таким образом, Пилсудский уже в 1926 г., а не после 1930 г., как считает А. Гвиждж⁵³, связывал свою критику мартовской конституции с критикой лежавших в ее основе принципов буржуазно-демократического конституционализма.

Тогда же, летом 1926 г., с теоретическим обоснованием этой критики с позиций «государственной» идеологии выступил министр юстиции В. Маковский, видный специалист в области уголовного и конституционного права. Впоследствии он в качестве председателя конституционной комиссии сейма непосредственно руководил разработкой новой конституции.

В статьях и выступлениях Маковского были поставлены под сомнение как анахроничные фундаментальные постулаты буржуазно-демократического «негативного государства»: теория триединого разделения власти, так называемые естественные права граждан как преграда между ними и государственной властью. Ради «всеобщего блага», по Маковскому, место «негативных гарантий» должны занять «позитивные гарантии»; «политическую демократию», при которой отношения между обществом и государством опосредованы политическими партиями, должна заменить «общественная (społeczna) демократия», основанная на «принципе слияния индивидов в коллективности, объединенные общностью интересов, принципом взаимозависимости и кооперации...». Иными словами, Маковский предлагал реорганизацию государства и общества с использованием форм синдикалистско-корпоративной организации, чтобы обеспечить преодоление классовых антагонизмов, якобы порождаемых узко понимаемыми групповыми интересами и партийной борьбой, и через конституцию придать сотрудничеству классов — социальному солидаризму правовую форму обязательной для всех членов общества нормы поведения⁵⁴.

Подтверждением официального характера излагавшихся Маковским взглядов являлись высказывания премьер-министра Бартеля о преодолении существующего «одностороннего» устройства и осуществлении «демократического устройства государства» через административное и хозяйственное самоуправление, которые «отвлекут внимание и силы общества от бесплодных политических споров и вовлекут эти силы в орбиту огромной хозяйственной работы государства»⁵⁵.

Принципы проектируемой правительством конституции в сентябре 1927 г. были изложены на конференции консервативных группировок в Дзикове, поместье графа Тарновского, полковником В. Славеком, которого маршал рекомендовал как свое доверенное лицо: «Все, что он скажет, соответствует его (Пилсудского. — Э. Б.) воле и мысли»⁵⁶.

⁵² W. Baranowski. Op. cit., s. 206—208.

⁵³ A. Gwiżdż. Op. cit., s. 139.

⁵⁴ W. Makowski. Zmiana konstytucji. Mowy i oświadczenia. Warszawa, 1926, s. 5—10, 22—23, 48.

⁵⁵ K. Bartel. Mowy parlamentarne, s. 20, 93.

⁵⁶ «Protokoł Konferencji Grup Konserwatywnych w Dzikowie w dniach 14—16 września 1927 r.». Oprac. K. Kersten. «Najnowsze Dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914—1939», t. II. Warszawa, 1959, s. 205.

Славек подчеркнул, что вновь избранный сейм — выборы предстояли в следующем году — займется прежде всего реформой конституции. Краткая протокольная запись все же позволяет установить, какую реформу готовило правительство:

1. Разрыв с классической либерально-буржуазной концепцией государства и демократическими методами управления: «В ней (конституции. — Э. Б.) должен быть учтен момент защиты интересов государства перед анархией со стороны индивида»⁵⁷.

2. Концентрация всей власти в государстве в руках президента: «Центр тяжести должен быть перенесен с терпящего банкротство парламентаризма на авторитет личности»⁵⁸.

3. Сохранение республиканской формы правления. Разъясняя нереальность требования монархии, выдвигавшегося некоторыми организациями консерваторов⁵⁹, Славек дипломатично сослался на связь этого вопроса с международным престижем Польши⁶⁰.

4. Славек допускал, что правительство учтет требования консервативного клерикализма, чтобы для «символизации значения государства создать некоторый момент религиозно-церковного настроения», но сомневался в поддержке сейма⁶¹.

5. Сохранение сейма, «где будут сталкиваться противоречивые политические и общественные интересы»⁶².

О «проекте решения проблемы нового политического представительства» Славек доложил более подробно. «Прежние политические партии в мае 1926 г. были отброшены от управления Польшей и не может быть такого стечения случайностей, — заявил он, — чтобы они могли вернуться к власти». Поэтому «должны найтись иная форма и другие люди для репрезентации народа и посредничества между народом и правительством. Эта новая работа должна быть прежде всего делом воспитания народа», к которому «должно подходить не со стороны торга о распределении благ и классового интереса, а со стороны производительности труда. Союзы отдельных видов труда будут политическим выражением этой новой программы: этим союзам будет придаваться «на некоторый период времени» «политический тон».

Выражение «союзы отдельных видов труда» подразумевало, несомненно, не только хозяйственное самоуправление, но также профсоюзы, культурные организации и т. п. общества, ибо не только «работа в хозяйственной области», но также военная подготовка и просветительная работа были названы Славекком как основные области «воспитания народа» в духе классовой солидарности.

Наконец, в заключение Славек подчеркнул решимость правительства, даже в случае неудачи «правительственных партий» на предстоящих выборах, добиться ликвидации парламентаризма «в его нынешней форме»⁶³.

Таким образом, через «представительство интересов» санация рассчитывала получить политическое, т. е. парламентское, представительство, безотносительное к классовому фактору, безопасное для нее и контролируемое ею, которое вытеснит политические партии из участия в формировании представительных государственных органов и из посредничества

⁵⁷ Ibid, s. 210.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ J. Holzer. Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1974, s. 146—149, 289—291.

⁶⁰ «Protokół Konferencji...», s. 211.

⁶¹ Ibid., s. 210.

⁶² Ibid., s. 211.

⁶³ Ibid., s. 209—211.

между властью и народом и представит волю диктатуры как «волю народа». Для этого намечалось придать политическую функцию частно-правовым организациям и объединениям ⁶⁴.

Подтверждение этому можно найти в одной из статей В. Маковского, опубликованной в 1928 г. Он вновь подчеркнул, что мартовская конституция лишь в незначительной степени учла «новые синдикалистские тенденции», введя (ст. 68) хозяйственное самоуправление (сельскохозяйственные, ремесленные, торговые, промышленные палаты, палаты наемного труда и другие) и высшую хозяйственную палату. Но и то, что вошло в конституцию 1921 г., дало некоторый, хотя и краткий, опыт. Поэтому работа над изменением конституции «уже не будет импровизацией», основанной лишь на иностранных образцах. Хозяйственное представительство, писал Маковский, «может составить исходный пункт для осуществления на почве политической жизни тенденций и попыток, всеобщих сегодня в Европе», «всеобщего и очень интенсивного движения в направлении модернизации парламентаризма и демократии путем их „социализации“ (uspołecznienia)» ⁶⁵.

Помещение в крупном юбилейном издании сообщения Маковского означало, что проект изменения избирательной системы, о котором Славек говорил в Дзикове, имел поддержку всей санационной верхушки, и у Славика были основания для уверенности, что «маршал проект одобрит» ⁶⁶.

Далее, Маковский ясно связывал проект с определенными европейскими тенденциями «модернизации парламентаризма». «Концепция представительства интересов» при сопоставлении ее с итальянским фашистским «Законом о реформе политического представительства» от 17 мая 1928 г. ⁶⁷ обнаруживает принципиальное сходство. Это сходство еще усилится в положениях о выборах в сейм и сенат 1935 г. Маковский, хотя и говорит, что «синдикалистские тенденции» были навязаны мартовской конституции социалистами, имел в виду отнюдь не социалистическую их интерпретацию ⁶⁸, а тоталитарные диктатуры и концепции вытеснения оппозиционных партий с политической арены и подчинения партий, парламента и корпоративных организаций государству, государственной унификации профсоюзов и т. п.

После прихода к власти санация делает выбор в пользу тоталитарной организации государства. Этот выбор был подготовлен «государственной» идеологией социального солидаризма, стремлением правящей клики закрепить свою монополию политической власти и объективными условиями, с которыми санация столкнулась: сложные экономические проблемы, требования социальных реформ, политическая раздробленность господствующих классов и, главное, ее ограниченное влияние в массах.

Санация пыталась внедрять в сознание масс идеи примирения классов перед «высшими» интересами государства, буржуазного великодержавного национализма. Этой цели служили политические кампании против «партийства», «сеймократии» и т. п. Применялось так называемое государственное воспитание, которое должно было воспитывать общество в сознании

⁶⁴ По конституции 1921 г. (статья 65) только союзы организаций территориального самоуправления и только на основании особого закона могли иметь публично-правовой характер.

⁶⁵ «Dziesięciolecie Polski odrodzonej. Księga pamiątkowa 1918—1928». Kraków — Warszawa, 1928, s. 177, 179; W. M a k o w s k i. *Żmiana konstytucji*, s. 10, 48.

⁶⁶ «Protokół Konferencji...», s. 210.

⁶⁷ «Конституции буржуазных стран», т. I, стр. 153—154 и сл.; Б. Р. Л о п у х о в. *Фашизм и рабочее движение в Италии*. М., 1968, стр. 316—317.

⁶⁸ «Dziesięciolecie Polski odrodzonej», s. 177; см. также А. G w i ź d ź. *Op. cit.*, s. 60—61.

того, что интересы государства являются высшими по отношению к эгоистическим интересам индивидов, а также по отношению к узким интересам отдельных народностей, населяющих Польшу⁶⁹, т. е. в духе официальной идеологии.

Санация стремилась к унификации политической жизни страны путем объединения вокруг Пилсудского и правых, и левых течений в некое массовое движение. Идею такого «одного фронта с самым широким партийным диапазоном» Пилсудский выдвинул сразу после переворота⁷⁰. В. Славек разъяснял в Дзикове, что правительство Пилсудского ожидает «согласования позиций правицы и левицы»⁷¹. Такой «фронт» не означал коалицию партий, руководствующихся собственными программами. В «государственной работе» партиям отводилась другая роль. Правительство требовало, чтобы они отказались от «партийной исключительности» и стали «школой государственного мышления для общества»⁷².

Для партий и фракций господствующих классов платформа «социального мира», обеспечиваемого «сильной властью» в интересах стабильности капиталистического строя, была безусловно приемлема, выражала сокровенные желания этих классов. Их консолидация (хотя еще и не всеобъемлющая: правительству не удалось оторвать от эндеции часть консерваторов и значительную часть церковной иерархии) вокруг Пилсудского даже ценой подчинения безраздельному политическому руководству санации ослабляла борьбу между сторонниками нового режима и сторонниками эндеции, объективно упрочивала господство имущих классов. Консерваторы признали, что «вопрос реформы конституции является хорошей избирательной платформой»⁷³.

Декларация Левиафана, выработанная в декабре 1927 г., также свидетельствовала, что ведущие промышленно-финансовые круги завершили политическую переориентацию, перешли в правительственный лагерь и отказались поддержать эндецию на парламентских выборах⁷⁴. Таким образом, крупнокапиталистические и помещичьи группировки пришли к согласию и сплотились.

Чем очевиднее становился реакционный характер режима, тем меньше оставалось оправданий сотрудничеству реформистских партий с правительством, политика которого вела либо к утрате ими характера классовых организаций, либо к их ликвидации в будущем. И они постепенно переходили в оппозицию, часто соседствовавшую с угодливой готовностью к переговорам и соглашению с санацией⁷⁵. И все же расчеты санации сколотить к парламентским выборам массовую базу режима, используя левые сеймовые партии, потерпели провал⁷⁶.

На исходе 1927 г. к началу избирательной кампании санация создала собственную политическую организацию — «Беспартийный блок сотрудничества с правительством маршала Пилсудского» (ББСП), объединивший наряду с помещичье-консервативными группировками и крупнокапиталистическими кругами пилсудчиковскую интеллигенцию различных идейных толков и просанационные элементы, отколовшиеся от партий

⁶⁹ W. Sławek. Op. cit., s. 5—9, 24—25; A. Skwarczyński. Op. cit., s. 59—60, 65—67; W. Stpiczynski. Op. cit., s. 94.

⁷⁰ W. Baranowski. Op. cit., s. 198.

⁷¹ «Protokół Konferencji...», s. 209—210; см. также W. Sławek. Op. cit., s. 9.

⁷² K. Bartel. Mowy parlamentarne, s. 66.

⁷³ «Protokół Konferencji...», s. 210.

⁷⁴ «Odezwa przedstawicieli sfer gospodarczych wszystkich ziem Rzeczypospolitej». «Przegląd Gospodarczy», 1 stycznia 1928, № 1.

⁷⁵ A. Czubiński. Centrolew, s. 42—46.

⁷⁶ S. P. Stęborowski. Geneza Centrolewu. 1928—1929. Warszawa, 1963, s. 76.

центра и крестьянских партий, а позднее — от ППС и классовых профсоюзов. Естественно, что при такой социальной разнородности Блока программная декларация ББСП была составлена в самых общих фразах, в духе классового солидаризма.

И все же в декларации нашли отражение основные внутривластные цели санации. В качестве главной цели выдвигалось требование изменения конституции, чтобы усилить власть президента и создать гарантии для «сильного и дельного правительства». Для «оздоровления» государственного строя и хозяйства страны предлагалось лишить партии влияния на осуществление власти, выдвинуть в сейм людей, обладающих «государственным чувством» и «моральной чуткостью». «...Эту работу намного лучше, чем партийные политиканы, выполняют люди, связанные с хозяйственно-самоуправленческой и общественной работой». Исправление государственного строя должно создать возможность достижения благосостояния, а благосостояние позволит «одолеть коммунизм и анархию»⁷⁷.

Результаты выборов в сейм, состоявшиеся 4 марта 1928 г., отразили тенденцию возрастания влияния санации⁷⁸, нанесшей сокрушительное поражение эндеции, но в то же время обнаружили активизацию враждебных диктатуре сил, свидетельством чего являлся убедительный избирательный успех коммунистов⁷⁹ и некоторое укрепление позиций легальных демократических партий в сейме. Победа правительства была пирровой: ББСП не располагал в сейме даже простым большинством. Но не имела большинства и ни одна из оппозиционных партий.

Роль главной силы оппозиции в новом сейме перешла от эндеции к левым партиям, которых в отдельных случаях поддерживал центр. Теперь «Пилсудский боролся уже не против народовцев, а против левицы. Клуб ББСП во всех конкретных делах, почти без исключения, голосует вместе с клубами правицы»⁸⁰. В первый же день сессии нового сейма Пилсудский натолкнулся на сопротивление: вопреки его воле председателем сейма был выбран не К. Бартель, а социалист И. Дашиньский. Отношения между диктатором и сеймом продолжали обостряться в следующие месяцы, и вопрос о пересмотре конституции так и не был поставлен на весенне-летней сессии.

1 июля 1928 г. Пилсудский дал интервью для печати в связи с передачей руководства кабинетом К. Бартелю. Интервью содержало грубые, оскорбительные выпады против сейма и угрозу, что если сейм не исправит конституцию согласно его требованиям, то он, Пилсудский, в любой момент вновь встанет во главе правительства, чтобы «октроировать новые права в Польше»⁸¹.

В это время под руководством В. Славека уже велась подготовка проекта реформы конституции. На созванную им 30 июля — 1 августа конференцию было представлено большое число предложений. С. Цар и И. Магушевский предложили готовый проект новой конституции. Пришлал свой проект также проф. В. Л. Яворский, крупнейший юрист тех лет и глава краковских консерваторов. Участниками конференции были, с одной стороны, «полковники» (Слаvek со своими помощниками Маковским и Царом, А. Прыстор, Я. Енджевич, К. Свитальский, А. Сквар-

⁷⁷ «Deklaracja Bezpartyjnego Bloku Współpracy z Rządem Marszałka Piłsudskiego». «Głos Prawdy», 20 stycznia 1928, № 20.

⁷⁸ J. Żarnowski. Struktura i podłoże społeczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926—1939. «Najnowsze Dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914—1939», t. X. Warszawa, 1966, s. 74—75.

⁷⁹ «Pod rządami bezprawia i terroru. Konstytucje, sejmy i wybory w Polsce przedwrześniowej. Materiały i dokumenty». Warszawa, 1952, s. 116—118, 138—141.

⁸⁰ S. Mackiewicz (Cat). Op. cit., s. 193—194.

⁸¹ J. Piłsudski. Op. cit., t. IX, s. 116.

чиньский и др.), с другой, консервативные политики (кн. Я. Радзивилл, гр. Ростворовский, кн. Е. Сапега, С. Мацкевич, Ю. Тарговский и др.) и близкая им группа университетских профессоров. Среди участников «господствовало убеждение, что формы... интегральной парламентской демократии не отвечают реальным отношениям», и все были одного мнения, что «исправление конституции должно иметь целью независимость исполнительной власти от сейма, и это прежде всего путем усиления власти главы государства»⁸².

Представители консерваторов (проф. Яворский, проф. Завадский, Тарговский, Мацкевич) выступали как горячие сторонники идеи корпоративизма — включения хозяйственного самоуправления, основой которого в будущем станут профсоюзы, в структуру государства по примеру фашистской Италии⁸³. Проф. Яворский положил корпоративизм в основу своего проекта. Основная мысль Муссолини об огосударствлении профсоюзов, писал он, правильная, ошибка же в том, что всего этого нельзя достичь насильем, это задача трудная, требующая усилий нескольких поколений⁸⁴.

Таким образом, по всем основным пунктам реформы конституции взгляды «полковников», наиболее экстремистской, но и самой влиятельной группы в окружении Пилсудского, и консервативно-помещичьих кругов совпадали. О поддержке санационных проектов изменения государственного устройства заявили также представители крупной промышленности, торговли и финансов, в частности, на встрече с премьер-министром Бартедем 1 ноября⁸⁵.

31 октября председатель ББСП В. Славек от имени клуба Беспартийного блока внес в сейм предложение начать работу над пересмотром конституции⁸⁶. Это побудило партии демократической оппозиции сделать первый шаг к сближению, чтобы сообща отстаивать свое существование, добиваясь ликвидации режима санации и восстановления буржуазной демократии. В ноябре 1928 г. ППС, ПСЛ-«Возволене» и СХ создали «Согласительную комиссию для защиты республики и демократии» в целях подготовки совместного законопроекта об изменении конституции и согласования тактики в сейме по этому вопросу⁸⁷.

Пилсудчики попытались сразу же, еще в конституционной комиссии сейма, захватить инициативу и связать руки оппозиционным партиям. В. Маковский, председатель этой комиссии, в докладе по процедурным вопросам выдвинул расширительную интерпретацию понятия «пересмотр конституции», добиваясь, чтобы предметом обсуждения и отчетов комиссии перед сеймом были не отдельные проекты изменений в государственном устройстве, но текст конституции как таковой⁸⁸. В этом случае предложения различных партий, в том числе ББСП, обсуждались бы только в комиссии, но на заседание сейма выносился уже единый, общий проект. Пилсудчики рассчитывали таким путем уже в комиссии умертвить проекты оппозиции и навязать сейму выгодные санации решения. Вместе с тем Маковский пытался протащить вторую процедурную уловку — подготовленное комиссией решение сейма, что сейм приступает к пересмотру

⁸² A. P i a s e c k i. Sprawozdanie z ankiety przygotowawczej do reformy konstytucji, odbytej w dniach 30, 31 lipca i 1 sierpnia 1928 r. w Warszawie. Warszawa, 1928, s. 3, 5, 12.

⁸³ Ibid., s. 9, 69—70.

⁸⁴ Ibid., s. 8—9; Wł. L. J a w o r s k i. Projekt Konstytucji. Kraków, 1928.

⁸⁵ «Rozmowy pana premiera Bartla z przemyslowcami». Część I. Warszawa, 1929, s. 11 (цит. по кн. J. K o w a l s k i. Trudne lata. Warszawa, 1966, s. 22).

⁸⁶ «Na drodze do reformy Konstytucji». Warszawa, 1929, s. 11—12.

⁸⁷ S. P. S t e b o r o w s k i. Op. cit., s. 159—160.

⁸⁸ «Na drodze do reformy Konstytucji», s. 15—16.

конституции, должно было рассматриваться как первое чтение и отсылаться в комиссию для подготовки доклада⁸⁹. После этого возвращение оппозиции к своим проектам в дискуссии на пленуме сейма было бы уже невозможно. Она ставилась бы перед необходимостью обсуждать и поддержать вышедший из комиссии проект реформы как единственный и «совместный». В случае неудачи реформы вся вина ложилась бы на сейм, что было бы «окончательной компрометацией парламентаризма», расчищавшей путь для осуществления угрозы Пилсудского.

Большинство конституционной комиссии, а затем и сейма не приняло рекомендаций Маковского. Но сейм, в том числе левые клубы, проголосовал 22 января 1929 г. за резолюцию о пересмотре конституции. Депутаты-коммунисты осудили тактику партий «Согласительной комиссии» (ППС и ПСЛ-«Вызволене»), которые поддержали эту резолюцию под тем предлогом, что постараются использовать пересмотр конституции для ликвидации сената, отделения костела от государства и т. п. прогрессивных изменений, хотя прекрасно знали, что ни одной буквы не будет изменено в конституции без согласия диктатора⁹⁰.

Конечно, выдвинутые этими партиями требования были прогрессивными, «однако в момент массированной атаки правительства Пилсудского на мартовскую конституцию следовало прежде всего ее защищать, потому что при тогдашнем соотношении сил не было общих условий для ее улучшения», зато реальной была опасность ухудшения конституции, на что указывали не только коммунисты, но и руководитель СХ Ян Домбский⁹¹. Поэтому, голосуя 22 января одновременно и против опасных процедурных уловок санации, которые отстаивал Маковский, оппозиция добилась сомнительного успеха. Но иначе, как в форме парламентских дискуссий, лидеры легальной оппозиции не мыслили свою борьбу с диктатурой.

6 февраля 1929 г. ББСП внес в сейм проект пересмотра конституции 1921 г., составленный В. Славеком, В. Маковским, Я. Пилсудским и С. Царом⁹². В нем прежде всего привлекают внимание отступления от солидаристской «концепции конституции», которая разрабатывалась санацией с 1926 г. и которую отстаивал Маковский в сейме. Он отвергал как устаревшие для XX века теорию договорного происхождения государственной власти, доктрину естественного права, индивидуалистическое понятие человека-атома и другие идеи либерализма и излагал тоталитаристские и корпоративистские концепции государственного устройства⁹³. Проект же сохранил весь без изъятий раздел конституции 1921 г. о гражданских правах и свободах и принял формулу, что источником власти является народ⁹⁴.

Пилсудчики не считали раздел о гражданских правах необходимым в конституции и охотно бы его исключили. О неуважении этих прав и принципов правительством достаточно откровенно говорил 19 ноября 1929 г. премьер-министр К. Свитальский: «Рассмотрение конституции исключительно под углом зрения декларации прав человека должно сегодня считаться... отсталым анахронизмом», «...из практики жизни мы прекрасно знаем, что... та или иная формулировка прав гражданина в реальной жизни не много может изменить в судьбе этого гражданина»⁹⁵.

Общие положения мартовской конституции о правах и свободах,

⁸⁹ Ibid., s. 24.

⁹⁰ «Pod rządami bezprawia i terroru», s. 133.

⁹¹ J. K o w a l s k i. Op. cit., s. 26.

⁹² Текст см. в сб. «Na drodze do reformy Konstytucji», s. 101—144.

⁹³ Ibid., s. 34—38, 51—73.

⁹⁴ Ibid., s. 103.

⁹⁵ K. Ś w i t a l s k i. O rewizji konstytucji. Warszawa, 1930, s. 17.

имевшие формальное значение и ограничиваемые обычными законами, были той ценой, которую санация готова была уплатить партиям оппозиции за признание этого проекта «произведением совместной работы всех». Через несколько лет, в 1933 г., генеральный секретариат ББСП отмечал, что этот конституционный проект «...был приспособлен к тогдашним политическим условиям и тогдашним возможностям... Он стремился разрешить проблему, как уменьшить вредные последствия парламентаризма, однако не давал ответа на тот существенный вопрос, как народ должно в государстве организовать, дабы более разумно им управлять»⁹⁶.

Формулировка о народе как источнике власти в государстве также была данью «тогдашним возможностям». В полном виде она звучала следующим образом: «Источником власти в Польской республике является народ; высшим законом — Благо Государства». Вторая ее часть подчеркивала принцип народного суверенитета, а также систему взглядов старой либерально-демократической идеологии на общее благо как благо индивидов, осуществляющих личные цели.

Противоречивость этой формулировки тогда уже отмечали буржуазные ученые. По мнению А. Перетятковича, данное положение конституционного проекта ББСП «является наиболее далеко идущим выражением идеи сильной государственной власти», «провозглашает принцип подчинения индивида благу государства»⁹⁷. В. Комарницкий также писал, что это положение «следует понимать как выражение принципиальной позиции авторов проекта: выпячивание блага государства выше блага индивидов, а вслед за ним — авторитета государственной власти над личной свободой»⁹⁸.

Наряду с тенденцией узаконить подчинение интересам государства личных прав и свобод граждан проект расширял компетенцию государства в политической и экономической областях. Известным уже планам унификации политической жизни — введения ее в рамки государственного контроля и вытеснения из нее оппозиционных партий — соответствовали в проекте требования к депутатам парламента, которые «во исполнение своего мандата должны трудиться для блага государства как целого», что делало невозможной любую оппозицию в сейме: депутат легко мог быть лишен мандата решением министра юстиции⁹⁹. Далее, проект придавал публично-правовой характер организациям хозяйственного самоуправления, предусматривал создание высшей хозяйственной палаты, «составляющей представительство хозяйственных и общественных интересов республики» (разрядка моя. — Э. Б.) и «участие» этих организаций «в руководстве хозяйственной жизнью государства и сотрудничестве с государственными властями в сфере законодательных намерений»¹⁰⁰. Проект открывал, таким образом, путь к сращиванию органов хозяйственного самоуправления с государством и заполнению ими тех секторов политической жизни, которые занимали политические партии. В таком же духе следует понимать и положение проекта о том, что «объединения для защиты и улучшения условий труда не могут быть запрещены или ограничены с о г л а ш е н и е м»¹⁰¹. Эта мера лишала бы классовое профсоюзное движение законных средств борьбы с «желтыми» союзами, которые режим уже начал создавать.

⁹⁶ Цит. по кн. А. Czubiński. Centrolew, s. 193.

⁹⁷ А. Peretiatkowicz. Cezaryzm demokratyczny i Konstytucja Polska. «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny», 1929, № 4, s. 373.

⁹⁸ W. Komarnicki. Ustrój państwowy Polski współczesnej, s. 98.

⁹⁹ «Na drodze do reformy Konstytucji», s. 112.

¹⁰⁰ Ibid., s. 128.

¹⁰¹ Ibid., s. 138.

Основной чертой проекта было сосредоточение огромной, практически неограниченной власти в руках президента и подчинение ему всех органов государства. Президент должен был избираться на 7 лет путем плебисцита из двух кандидатов, из которых одного выдвигало Национальное собрание, второго — уходящий президент. Право участвовать в выборах президента получал каждый гражданин, достигший 24 лет. Законодательная власть должна была осуществляться президентом вместе с сеймом и сенатом и не ограничиваться формальным подписанием законов. В сущности, президент рассматривался в проекте как правотворческий орган: «Установление публичных и частных прав принадлежит президенту республики и сейму и сенату»¹⁰². Проект предоставлял президенту право законодательной инициативы, сохранял и расширял его права издавать декреты. Упрощалась процедура введения декретов в жизнь. Теперь они должны были подписываться только президентом, премьером и министром юстиции. Декреты по-прежнему подлежали утверждению на ближайшем заседании сейма, но исчезла фраза, что они могут быть отвергнуты сеймом, поскольку президент приобретал право вето.

В проекте вводился принцип политической ответственности Совета министров и отдельных министров перед президентом, что превращало их в подчиненных президенту чиновников. Предполагалось освободить от контрассигнаты ответственных членов правительства ряд актов президента о назначении высших должностных лиц, судей и т. д. Оставалась конституционная ответственность президента, но для ее реализации требовалось постановление Национального собрания, принятое квалифицированным большинством, что само по себе было мало реально, а судить президента должен был государственный трибунал, председателя и четырех членов которого назначал он сам¹⁰³. Таким образом, исключалась возможность отстранения сеймовым большинством от власти законными средствами правящей санационной верхушки во главе с ее президентом.

Проект предусматривал повышение возрастного ценза избирателей до 24 лет, предоставление президенту права проверки действительности выборов, которая в конституции 1921 г. была функцией верховного суда, и права назначать $\frac{1}{3}$ сената. Парламентские привилегии, которые и в конституции 1921 г. не были безусловными, в проекте становились пустым звуком. Срок обычных (или бюджетных) сессий сейма сокращался с 5 до 4 месяцев, и президент мог издавать декреты в течении 8 месяцев в году. Деятельность сейма затруднялась ущемлением его инициативы, увеличением кворума и президентским вето. Предложение о вотуме недоверия правительству или министру требовало 111 подписей и принималось абсолютным большинством голосов. Голосование производилось только по истечении 7 дней, в течение которых сейм мог быть распущен президентом. Но и без этого правительство наделялось достаточными средствами, чтобы провалить резолюцию о недоверии.

В проекте воспроизводились статьи закона от 2 августа 1926 г., которые существенно ослабили позиции парламента в области финансов, а следовательно, и его право контроля над правительственной политикой через бюджет. Кроме того, сокращались сроки принятия бюджета, вводился контроль над прениями в палатах по бюджетным вопросам со стороны соответствующих комиссий, а президент получал право декретировать повышение налогов (до 10%) и производить сбыт и обмен недвижи-

¹⁰² Ibid., s. 120.

¹⁰³ Ibid., s. 131—132 (Остальные восемь членов, избираемые сеймом и сенатом, не могли бы добиться обвинительного заключения, так как не имели решающего большинства $\frac{2}{3}$ голосов. См. «Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 17 marca 1921 r.». Komentarz oprac. A. Paszkudzki. Lwów—Warszawa, 1927, s. 77).

мых государственных имуществ стоимостью, не превышающей в каждом отдельном случае 1 млн злотых.

Приведенные примеры достаточно убедительно характеризуют стремление составителей проекта устранить из конституции всякие юридические основы для влияния парламентского большинства на формирование и деятельность правительства и фактически ликвидировать независимость сейма, низвести его до роли совещательного органа при президенте.

Таким образом, проект ББСП предусматривал для увековечения «сильной власти» тоталитарное государственное устройство, обоснованию которого служили солидаристская «государственная» идеология санации и идеи и опыт ультрареакционных течений в других странах Европы. Ухищрения Маковского протащить проект через конституционную комиссию под фирмой анонимности, как известно, не удалось. Он был «произведением совместной работы» группы «полковников», представителей аграриев, банкиров и монополистов и их юристов.

М. А. БИРМАН

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ БОЛГАРИИ НАЧАЛА XX в. (численность, структура)

В ряде содержательных работ болгарских исследователей освещены некоторые общие проблемы истории рабочего и профсоюзного движения и истории рабочего класса¹, а также вопросы формирования отдельных отрядов промышленного пролетариата Болгарии в конце XIX — начале XX в.².

Однако до сего времени не были предприняты попытки монографического изучения процесса формирования болгарского рабочего класса в целом, промышленного пролетариата в частности, не исследованы его численность, структура и важнейшие особенности его состава³.

Точное число постоянных рабочих, занятых в болгарской промышленности в начале XX в., установить не представляется возможным: в публикациях материалов переписей населения приводятся общие данные о промышленных и о ремесленных рабочих, а в промышленных анкетах

¹ См., например, Д. Коджейков, В. Хаджиниколов, Я. Йотов. Революционното профсъюзно движение в България (1878—1944). София, 1957; В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачните борби на работничката класа в България (1879—1944). София, 1960; В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, С. Великов, Д. Мичев, В. Василев, В. Георгиев, Д. Шарланов. История на профсъюзното движение в България. София, 1973; Л. Беров. Положението на работничката класа в България при капитализма. София, 1968; Й. Златичев. Борбата за трудово законодателство в България (1878—1944). София, 1961, а также работы М. Исусова, К. Ламбрева, Д. Младенова и других авторов, посвященные отдельным периодам истории рабочего и профсоюзного движения конца XIX — начала XX в.

² Г. Георгиев, С. Великов, Г. Йорданов, Й. Костов. Организация и борби на българските рудничари. 1878—1944. София, 1967; В. Василев, М. Червендинова, М. Ерелийска, П. Цанев. Текстилци. Организация и борби на текстилните работници в България. 1878—1944. София, 1970 и др. Следует отметить также работы С. Великова, Г. Георгиева, П. Данкова и других авторов по истории формирования некоторых отраслевых и локальных отрядов промышленных рабочих.

³ В отдельных из перечисленных выше работ (в первую очередь следует в данной связи назвать упомянутую книгу Л. Берова) затронуты вопросы численности и структуры рабочего класса и имеются интересные оценки и наблюдения. В целом, однако, как справедливо отмечалось на прошедшей в 1972 г. в Софии конференции по вопросам болгарской историографии, пока еще не написана история болгарского пролетариата, не изучены важнейшие проблемы и этапы его развития. (См. доклад Й. Йотова и Т. Колевой, а также выступления В. Василева и В. Топалова на конференции, опубликованные в сб. Проблемы на българска историография след втората световна война. София, 1973, стр. 426, 438, 440, 450).

(обследованиях) содержатся сведения лишь о рабочих цензовой промышленности.

Анализ материалов переписей населения дает все же некоторые ориентиры: сопоставляя показатели числа владельцев заведений (по каждой отдельной категории производства и по каждой отдельной профессии) и числа рабочих соответствующей профессии можно прийти к определенным гипотезам. Замечая, к примеру, что по профессии № 66 (по схеме классификации в таблице переписи 1910 г.) на 2 владельца хлопкопрядильных заведений приходится 137 рабочих, а по профессии № 88 на 21 владельца шерстопрядильных заведений (из них 18 — женщин) приходится 1500 рабочих, мы приходим к выводу, что практически всех рабочих этих заведений можно зачислить в категорию промышленных; напротив, 217 рабочих профессии № 69 (изготовление халатов и одеял), приходящихся на 338 владельцев заведений, так же как и 408 рабочих профессии № 111 (обработка козьей шерсти), приходящихся на 456 владельцев⁴, следует отнести к категории ремесленных рабочих.

При этом мы исходим из того, что промышленным в Болгарии рассматриваемого времени следует считать предприятие с числом рабочих более 10, и где использовались машины и механическая тяга. К ремесленным же мы, разделяя господствующее в болгарской литературе мнение, относим предприятия в основном с ручным трудом и числом рабочих до 10⁵. На первый план мы выдвигаем именно критерий количества рабочих на предприятии, хотя, строго говоря, при решении вопроса о характере конкретного заведения следует исходить из совокупности критериев.

При анализе материалов переписей населения мы сочли необходимым внести в них некоторые коррективы. Так, на наш взгляд, целесообразно перевести дровоколов (профессия № 154а) из категории рабочих-древобделочников в разряд рабочих сферы обслуживания; из класса 14 (производство одежды и обуви) мы переводим также в разряд рабочих сферы обслуживания работников, занятых в банях, парикмахерских, стиркой белья, чисткой одежды и обуви и т. п. профессий (№ 301—303а); из классов 16, 19 и 20 (по разделу индустрии) трубочистов (№ 318а), расклейщиков (№ 325а), рабочих сцены (№ 363) и ассенизаторов (№ 356—6) переводим в разряд рабочих сферы обслуживания. В то же время мы полагаем уместным перевести из отдела XI (неточно определенные профессии) в III (индустрия) категорию «поденщиков и разнорабочих» (№ 489), ибо в эту группу рабочих попали, по нашему мнению, городские разнорабочие и чернорабочие⁶, добывавшие средства к существованию трудом в промышленности и в строительстве, но не имевшие постоянной работы и зарегистрированные как «поденщики и разнорабочие» вообще (кроме того, в пере-

⁴ «Общи резултати от преброяване на населението в царство България на 31 декември 1910 г., кн. III. Статистика на професиите (според главното занятие)». София, 1923, стр. 10—13. В основу анализа мы положили материалы переписи населения 1910 г., считая данную публикацию более точной.

⁵ «Списание на Българското икономическо дружество», София, 1933, кн. 6, стр. 341—342. Примечательно, что в 1922 г. в Верховном совете труда было решено считать ремесленными предприятия с числом рабочих не более 10, с двигателями мощностью не более 4 л. с. Все типографии и предприятия по обработке табака были отнесены к категории промышленных. (Там же, 1923, кн. 1—3, стр. 67.) Существуют и иные мнения — в промышленной анкете 1926 г., в частности, к ремесленным были отнесены заведения с числом рабочих до 19. (Критику этой точки зрения см. Ив. Д. Стефанов. Методика на промишлените преброявания в България, София, 1939, стр. 70.)

⁶ Об этом свидетельствуют материалы переписей — подавляющее большинство лиц этой категории (в 1905 г. — 95%, в 1910 г. — 98%) зафиксированы именно как городские жители. Абсолютные данные взяты из: «Общи резултати... 1905, кн. II», стр. 54—55, 110—111; там же, 1910, кн. III, стр. 62—63, 124—125.

писи населения были зафиксированы отдельно еще поденщики в сельском хозяйстве).

Дополнительные уточнения получены также сопоставлением материалов переписей населения с показателями промышленной анкеты о рабочих ценовой промышленности и с данными других источников.

В целом указанная методика выделения промышленных рабочих является, на наш взгляд, наиболее надежным способом приблизительного установления численности постоянных рабочих в промышленности. Проведя по данной методике предварительную работу, мы пришли к заключению, что постоянных промышленных рабочих в Болгарии в 1900 г. было приблизительно 4 тыс.⁷, в 1910 г. — 19 тыс.⁸.

Рассмотрим отдельные отряды промышленных рабочих. По данным анкеты 1909—1910 гг. текстильщики, например, составляли от 30 до 40% (в зависимости от сезона) общего числа рабочих ценовой промышленности⁹. Число постоянных рабочих-текстильщиков в 1910 г. достигло примерно 4,5 тыс.¹⁰ (здесь и далее мы отказываемся от приведения более точных цифр)¹¹.

Широкое проникновение с конца XIX в. машинной техники в шерстопрядильную и некоторые другие отрасли текстильной промышленности обусловило наиболее высокий уровень концентрации в них рабочих¹². Центрами сосредоточения значительной массы текстильных рабочих были в 1910 г. Сливен, Габрово и Варна — здесь на крупных шерстопрядиль-

⁷ Встречаются в литературе и иные выводы — в частности, по данным полуофициальной анкеты Д. Ябланского в 1900 г. на ценовых предприятиях работало 4,7 тыс., а на всех промышленных предприятиях — 7,4 тыс. рабочих. («Списание...», 1901, кн. 4—5, стр. 213, 222—223, 234.) Мы полагаем, что эти сведения охватывали не только постоянных, но и значительную часть временных и сезонных рабочих; к тому же и сам Д. Ябланский и его оппоненты не считали эти сведения в достаточной степени убедительными. (Там же, кн. 4—5, стр. 213; кн. 6—7, стр. 404.)

⁸ Следует иметь в виду, что поскольку интенсивный сезон в отдельных отраслях болгарской промышленности по времени не всегда совпадал, происходил частичный переход рабочих из одной отрасли в другую (в особенности это, видимо, касается категории «поденщиков и разнорабочих», о которых речь шла выше). Таким образом, общая численность промышленного пролетариата в течение года изменялась меньше, чем это может показаться при первом знакомстве с нижеприводимыми предположениями о величине отдельных отрядов промышленных рабочих.

⁹ «Анкета на насърдчаваната от държавата индустрия през 1909 г. Общ. преглед». София, 1912, стр. 72.

¹⁰ С помощью указанной методики, проанализировав показатели переписей населения, мы пришли к выводу, что из зарегистрированных статистикой в 1910 г. 8226 постоянных рабочих по классу 7 (текстильное производство), очевидно, свыше половины составляли рабочие промышленных предприятий (шерстопрядильных, хлопкопрядильных, шелкоткацких, трикотажных, по обработке конопли, льна и т. п.) и менее половины — рабочие, трудившиеся в ремесленных и отчасти мануфактурных мастерских (по изготовлению ковров, гайтана — национального украшения для одежды, веревок, трикотажа и т. д.).

¹¹ В литературе приводятся другие данные о численности текстильщиков. В кн. В. Василев, М. Червендинава, М. Ерепийска, П. Цанев. Текстилни... указывается, что в 1910 г. было 6089 текстильщиков (стр. 44); Г. Георгиев в ст. Формиране на текстилия пролетариат в България 1878—1912 гг. (см. «Годишник на музея на революционното движение в България», София, 1966, стр. 157) фиксирует на 1910 г. 4614 фабричных и 1465 мануфактурных (всего 6079) текстильных рабочих. В указанных количественных характеристиках текстильных рабочих фактически игнорируются сезонные изменения в численности рабочих; между тем в текстильном производстве даже по данным анкеты 1909—1910 гг. разница в численности рабочих ценовых предприятий в 1910 г. составляла более 1 тыс. человек — в интенсивный сезон на них было занято 4829 рабочих, в период затишья — 3596. («Анкета... 1909. Общ. преглед», стр. 136.)

¹² Там же, стр. 74, 137.

ных и хлопкоткацкой фабриках трудились многие десятки, а иногда и сотни рабочих¹³.

Вместе с тем в текстильном производстве наблюдалась довольно пестрая картина — в ряде отраслей (производство одеял, гайтана, ковров, веревок и т. д.) господствовали мелкие заведения мануфактурного, а чаще — ремесленного типа, где были заняты ремесленно-мануфактурные рабочие.

Внедрение машинной техники в текстильное производство создало базу для массового применения труда женщин и несовершеннолетних, что, разумеется, накладывало отпечаток на процесс формирования классового сознания текстильных рабочих.

Быстро растущим отрядом промышленных рабочих были шахтеры и рудокопы — рабочие каменноугольных шахт, рудников по добыче медной и другой руды; в состав этого отряда включались по традиции рабочие карьеров по добыче камня, мрамора и иных строительных материалов (по существу, последние скорее примыкали к группе рабочих по производству стройматериалов). Особенно быстро росло число рабочих в каменноугольной промышленности, что косвенно подтверждается сильно нараставшими с конца XIX в. темпами добычи каменного угля¹⁴.

Установление точного числа шахтеров наталкивается на непреодолимые объективные трудности — переписи населения показывают лишь приблизительное число постоянных рабочих на шахтах¹⁵. Между тем, как свидетельствуют источники и зафиксировали авторы, изучавшие вопрос о формировании рабочих каменноугольной промышленности, подавляющее большинство рабочих на шахтах — это почти разорившиеся крестьяне окрестных сел¹⁶. Они периодически нанимались на короткое время (часто — на несколько дней), а затем снова работали на своих земельных участках¹⁷. С течением времени многие деревни, прилегавшие к крупнейшим из разработок каменного угля в районе бывшего села Перник, потеряли свой прежний облик и превратились, по словам Г. М. Димитрова, в «рабочие села»¹⁸. Таким образом, болгарский шахтер начала XX в. — это, по большей части, временный рабочий, сезонник — наполовину шах-

¹³ В Сливене в 1910 г. насчитывалось около тысячи постоянных текстильных рабочих, в Габрово и Варне — около 500 в каждом городе (среди них были и рабочие мелких ремесленных предприятий); крупнейшим центром сосредоточения ремесленных ковродельческих предприятий был город Панагюриште, где в 1910 г. трудилось около 500 постоянных текстильных рабочих. («Общи резултати... 1910, кн. III», стр. 157, 237, 261, 294).

¹⁴ По сравнению со среднегодовой добычей в период 1879—1892 гг. вырубка угля в Болгарии в 1910 г. выросла в 22 раза. Более 90% угля было получено в шахтах Перника. (К. Попов. Стопанска България през 1911. София, 1916, стр. 317).

¹⁵ В 1900 г. было зарегистрировано в каменноугольных шахтах 300 постоянных рабочих, в 1910—516. («Общи резултати... 1900, кн. II», стр. 8—9; там же, 1910, кн. III, стр. 8—9.)

¹⁶ Ив. Загралов. Държавни мини Перник. «Списание...», 1911, кн. 10, стр. 903—904, 907, 909—911, 928; там же, 1901, кн. I, стр. 26; Г. Георгиев. Формиране на перникския рудничарски пролетариат. «Исторически преглед», 1958, кн. 6, стр. 73—77; Г. Георгиев, С. Великов, Г. Йорданов, И. Костов. Там же, стр. 17—20.

¹⁷ По свидетельству современников, текучесть рабочих на шахтах была огромная; в частности, Ив. Загралов фиксирует: «В течение года на шахту, вероятно, приходит более 3—4 тысяч человек, однако, только известное число из них были постоянными рабочими, а большинство — временными». (Ив. Загралов. Там же, стр. 908—909.) Он в течение многих лет был главным промышленным инспектором, ему нельзя отказать в осведомленности и наблюдательности, хотя он относился к рабочему движению враждебно.

¹⁸ Г. Димитров. Съчинения, т. I. София, 1951, стр. 85.

тер и наполовину крестьянин¹⁹. В то же время число постоянных рабочих-шахтеров, порвавших или почти совсем порвавших с земледелием, хотя и медленно, но неуклонно росло²⁰. Проанализировав материалы промышленной анкеты 1909—1910 гг., мы приходим к предположению, что в добывающей промышленности в целом в 1910 г. было в течение года занято в среднем от 2,5 до 3,5 тыс. рабочих²¹.

Преобладающая часть шахтеров была сконцентрирована в Пернике (отчасти в нескольких менее значительных разработках — «Бобовдол» и др.). Большая степень концентрации шахтеров и их однородный возрастно-половой состав (мужчины среднего и молодого возрастов) способствовали сравнительно быстрому созреванию классового сознания у постоянных рабочих добывающей промышленности²².

Подавляющее большинство предприятий пищевого производства (мукомольные, пивоваренные, спиртовые и др.) были мелкими и мельчайшими, и занятых в них рабочих явно следует отнести к разряду ремесленных; однако часть пищевых предприятий (например, в сахароварении, производстве сахара-рафинада и кондитерских изделий), имела характер промышленных, и занятые в них рабочие составляли довольно значительный отряд болгарского промышленного пролетариата²³. Поскольку большинство отраслей пищевого производства были сезонными, число рабочих в них резко менялось (по данным анкеты 1909—1910 гг. в ценовых предприятиях пищевой промышленности было занято 1598 рабочих в день обследования и 3543 в интенсивный сезон)²⁴. Сопоставляя эти сведения с показателями переписи населения и учитывая, что значительное число рабочих-пищевиков было занято на небольших промышленных предприятиях, не охваченных ценовой статистикой, можно предположить, что в пищевой промышленности в 1910 г. было занято в среднем в течение года от 2 до 3,5 тыс. рабочих.

Рабочие пищевой промышленности (исключая сахарную) были рассредоточены на мелких предприятиях, разбросанных по всей стране. Пищевая промышленность по степени концентрации в 1910 г. (по числу рабочих в среднем на одно предприятие) среди отраслей ценовой промышленности была на одном из последних мест²⁵. Большая территориальная разпыленность и слабый (по сравнению с другими отраслями промышленности) рост концентрации рабочих-пищевиков обуславливали замедленные темпы созревания их классового сознания.

Менее значительный по численности, но растущий отряд промышленных рабочих представляли табачники. Одну группу составляли рабочие пред-

¹⁹ Подобное явление имело место и в других странах, в частности, в России. В. И. Ленин отмечал, что каменноугольная промышленность превращает крестьянина, занятого в ней, в фабричного рабочего. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 529.) Французская исследовательница Р. Трампэ, характеризуя процесс формирования отряда горняков, озаглавила вторую часть своей основательной монографии «Пролетаризация шахтеров». (Rolande T r e m p é. Les Mineurs de Carmaux. 1848—1914, т. I. Paris, 1971, р. 105.)

²⁰ «Списание...», 1911, кн. 10, стр. 911—913; см. также примеч. 17 настоящей статьи.

²¹ Только в крупнейших шахтах, охваченных промышленной анкетой 1909—1910 гг., было зарегистрировано от 2 до 2,8 тыс. рабочих, в зависимости от сезона. («Анкета... 1909. Общ. преглед», стр. 73, 136.)

²² «Работнишко дело», 1904, кн. 4, стр. 240.

²³ По сведениям промышленной анкеты 1909—1910 гг. рабочие пищевой промышленности составляли около 20% всех рабочих ценовой промышленности — 2647 из 12 943 в обычный сезон. («Анкета... 1909. Общ. преглед», стр. 73.)

²⁴ Там же, стр. 73, 136. Пик интенсивного сезона в большинстве отраслей пищевого производства приходился на октябрь.

²⁵ Там же, стр. 74, 137; см. также Г. Георгиев. Формирание на промишления пролетариат от индустрия за храни и пшггета (1878—1912). «Годишник на музея на революционното движение в България». София, 1967, стр. 500—510.

приятый по выработке традиционного резаного табака и папирос; они были заняты круглый год. После введения с начала века машин для резки табачных листьев эти предприятия становятся предприятиями фабричного типа. Другую группу составляли рабочие табачных складов, где приготавлился табак-сырец на экспорт; производство это фактически стало развешиваться в стране лишь с начала века. Наиболее интенсивный сезон деятельности табачных складов приходился на лето, а в зимние месяцы производство обычно прекращалось; соответственно резко изменялось и число занятых рабочих.

Установить число рабочих-табачников довольно трудно, поскольку в переписях населения фиксировались лишь постоянные рабочие, а ценовой статистикой табачные предприятия не охватывались. В литературе существует попытка определения числа табачников; автор специального исследования путем сопоставления данных рабочей печати и сведений об объеме выпускаемой продукции пришел к заключению, что в 1910 г. в стране было 1520 рабочих на фабриках и 2 тыс. на табачных складах²⁶. Мы полагаем, что указанное мнение можно принять как рабочую гипотезу с одной оговоркой, что в табачном производстве Болгарии в 1910 г. было занято более 1,5 тыс. постоянных рабочих и свыше 2 тыс. сезонных.

В табачной промышленности быстрее, чем в большинстве других отраслей, проходил процесс концентрации производства. В связи с этим рабочие-табачники были сосредоточены (перед Балканскими войнами) в основном в нескольких городах — прежде всего в Пловдиве, затем в Варне, Русе, Шумене, Хаскове, Дупнице, где возникли крупные табачные фабрики и склады²⁷. Быстро растущая локальная и производственная концентрация, несомненно, содействовала созреванию классового сознания у табачников.

Преобладающая часть рабочих-металлистов была занята в мелких и мельчайших металлообрабатывающих мастерских ремесленного типа и, безусловно, должна быть отнесена к ремесленным рабочим. Промышленные рабочие в металлообрабатывающем производстве составляли в 1910 г. около 15% зафиксированного в материалах переписи числа постоянных рабочих-металлистов (11 251)²⁸; в абсолютном выражении их число, видимо, приближалось к 2 тыс. Следует подчеркнуть, что отряд промышленных рабочих-металлистов был в стране одним из самых молодых — он фактически сложился в начале XX в. За короткий срок — с 1900 по 1911 г. — число рабочих на ценовых металлообрабатывающих предприятиях

²⁶ Г. Георгиев. Формиране на тютюноработническия пролетариат в България. «Годишник на музея на революционното движение в България». София, 1965, стр. 152. По данным переписи населения, которые автор указанной статьи считает незаслуживающими внимания, в 1910 г. в стране было занято на табачных фабриках 1382 постоянных рабочих. («Общи резултати... 1910, кн. III», стр. 26—27.) Довоенные переписи (в отличие от послевоенных) не регистрировали постоянных рабочих на табачных складах (там кадры постоянных работников только начинали складываться).

²⁷ В 1910 г. на 7 крупнейших табачных фабриках (из 69, существовавших в стране) было занято более $\frac{3}{4}$ рабочих-табачников. (Г. Георгиев. Формиране на тютюноработническия..., стр. 154—155.)

²⁸ «Общи резултати... 1910, кн. III», стр. 16—21. Мы исходим при этом из того, что в ходе обследования промышленности в 1909—1910 гг. в ценовых предприятиях было зарегистрировано от 1549 до 1774 рабочих-металлистов, в зависимости от сезона. («Анкета... 1909. Общ. преглед», стр. 73). Как известно, металлообрабатывающее производство было мало подвержено сезонным колебаниям — временных или сезонных рабочих привлекалось сравнительно небольшое число. Следует также учесть, что декабрь, когда проходила перепись населения, считался месяцем интенсивного сезона для металлообрабатывающей промышленности. («Анкета на едрата и покровителствуваната индустрия в царство България през 1921 година», кн. I. София, 1925, стр. 244—245.) Сопоставляя эти сведения, мы и пришли к сформулированному предположению о численности и удельном весе промышленных рабочих-металлистов.

выросло в 23 раза (с 101 до 2314), в том числе за период с 1907 по 1911 г. — в 8 раз ²⁹.

В отношении возрастно-половой структуры состав промышленных рабочих-металлистов был довольно однороден — как правило, мужчины молодого и среднего возрастов. Значительная их часть была занята в крупнейших по масштабам страны предприятиях — в арсенале, железнодорожных и вагоноремонтных депо, а также в нескольких относительно крупных частных металлообрабатывающих и машиноремонтных предприятиях, расположенных главным образом в Софии, Русе, Варне и Бургаесе ³⁰. Это, разумеется, оказывало благоприятное воздействие на пробуждение классового сознания у складывающегося отряда пролетариев-металлистов.

В деревообделочном производстве, как и металлообрабатывающем, было много мелких и мельчайших предприятий и заведений (по традиции сюда относилось также изготовление мебели и средств транспорта из дерева — повозок, телег и т. п.); таким образом, значительная часть деревообделочников (видимо, более $\frac{3}{4}$) должна быть отнесена к ремесленным рабочим ³¹. Сопоставив перепись 1910 г. с данными промышленной анкеты 1909—1910 гг., можно предположить, что в промышленных деревообделочных предприятиях в течение 1910 г. было занято в среднем около 1,5 тыс. рабочих ³². Деревообделочные предприятия были рассредоточены по всей стране и в значительной мере — в сельской местности (даже из 18 ценовых деревообделочных предприятий 7 были расположены в селах) ³³.

Остальные группы промышленного пролетариата были по своему удельному весу и численности еще менее значительными. В кожевенно-обувном, в частности, производстве промышленные рабочие в 1910 г. составляли незначительную долю — вероятно, около 5% общего числа рабочих-кожевников, которых в подавляющем большинстве следует причислить к разряду ремесленных ³⁴. В целом, рабочие керамической, кожевенно-обувной, химической, бумажной и электроэнергетической отраслей промышленности насчитывали в 1910 г., видимо, около 2,5 тыс. человек.

Следует упомянуть группу рабочих-полиграфистов; иногда их причисляют к ремесленным рабочим. По нашему мнению, это не совсем правильно. Подавляющее большинство типографий, основанных в конце XIX —

²⁹ К. Попов. Там же, стр. 324.

³⁰ А. Георгиев, Г. Попов. 50 години металработнически съюз. София, 1960, стр. 24, 37; К. Попов. Там же, стр. 324 и таблица № 106 в приложении.

³¹ Перепись 1910 г. зафиксировала 4,2 тыс. постоянных рабочих в деревообделочном производстве (класс 9 с учетом поправок; класс 15 и класс 17). («Общи резултати... 1910, кн. III», стр. 14—17, 28—31, 32—35, профессии № 154—164, № 305—309, № 328—331.) Фактически в течение года в деревообделочном производстве в среднем было занято, видимо, несколько больше число рабочих, учитывая, что перепись (31 XII) происходила в слабый для производства сезон. Как показывают материалы промышленной анкеты 1909—1910 гг., число рабочих в ценовых деревообделочных предприятиях колебалось от 650 в слабый сезон до 1257 в интенсивный сезон. («Анкета... 1909. Общ. преглед», стр. 73.)

³² В 1909—1910 гг. в ценовых деревообделочных предприятиях в нормальный сезон насчитывалось 939 рабочих. («Анкета... 1909... Общ. преглед», стр. 73.) Следует учесть, что в это число были включены не только постоянные, но и временные рабочие.

³³ К. Попов. Там же, стр. 347; П. Данков. Развитие и борьбы на работнически дърводелски съюз в България. 1909—1944. София, 1969, стр. 7 (сведения о числе рабочих в 1910 г. приведены завышенные). Единственным городом, в котором были сосредоточены деревообделочные и мебельные предприятия, была София; но и там на пять ценовых и ряд неценовых предприятий приходилось в 1910 г. всего около 400 рабочих. («Общи резултати... 1910, кн. III», стр. 202, с учетом поправки.)

³⁴ 1910 г. в ценовых кожевенных предприятиях зафиксировано от 407 до 547 рабочих, в зависимости от сезона; примерно такое же количество постоянных промышленных рабочих было, видимо, и в керамическом производстве. («Анкета... 1909. Общ. преглед», стр. 73, 136.)

начале XX в., были мелкими, и их рабочих, безусловно, следует отнести к ремесленным. Однако к 1910 г. масштабы и характер немалого числа типографий в крупнейших городах (прежде всего, в Софии) изменились. На основании изучения материалов проведенной в 1910 г. частной анкеты болгарских типографий (в том числе данных о числе рабочих, количестве и характере используемых машин и моторов и т. п.)³⁵ мы пришли к следующему выводу: поскольку в большинстве софийских и в ряде типографий других важнейших центров страны применялись новейшие печатные машины и использовались моторы, а число рабочих в каждом из подобных заведений превышало 10, такие типографии можно причислить к разряду промышленных предприятий. Из имевшихся в 1910 г. в стране 164 типографий (33 — в Софии) с 1549 рабочими, в 34 типографиях (из них 25 — в Софии) с числом рабочих не менее 10 в каждой работало более тысячи рабочих³⁶, которых следует рассматривать как промышленных; они составляли около 50% всех рабочих полиграфическо-издательского производства³⁷. Следует учесть, что все рабочие-полиграфисты были грамотными; 70% их состава имели начальное и низшее гимназическое образование³⁸. Около 90% рабочих типографий составляли мужчины, преимущественно молодежь ($\frac{3}{4}$ — не старше 30 лет)³⁹. Все это создавало условия для быстрого пробуждения у печатников классового сознания.

Рассмотренные нами отдельные группы промышленных рабочих отличались, как мы убедились, друг от друга; тем не менее они составляли в своей совокупности единый социальный организм — отряд промышленных пролетариев, складывающееся основное ядро рабочего класса. Нам предстоит теперь охарактеризовать его важнейшие особенности.

Национальный состав промышленных рабочих был более или менее однородным — 86,4% числа ценовых рабочих составляли в 1910 г. болгары⁴⁰ (процент этот даже несколько превышал процент болгар в составе населения страны, который в 1910 г. равнялся 81,2%)⁴¹. Сравнительно более пестрым был национальный состав рабочих-кожевников (доля болгар составляла лишь 64,3%, и около 20% приходилось на турок)⁴², отчасти табачников.

Более сложной была возрастно-половая структура промышленного пролетариата. В ряде отраслей промышленности широко применялся труд женщин и несовершеннолетних. В частности, среди рабочих цензо-

³⁵ «Списание...», 1910, кн. 3—4, стр. 231—254; кн. 6, стр. 412—432.

³⁶ В том числе в трех крупнейших типографиях (две в Софии и одна — в Пловдиве) было занято 485 рабочих, т. е. более 30% состава промышленных рабочих-полиграфистов. (Там же, стр. 235, 241—247; все подсчеты наши. — М. Б.)

³⁷ По данным переписи населения 1910 г. во всем полиграфическо-издательском деле (включая и переплетчиков) было занято более 2 тыс. рабочих («Общи резултати... 1910, кн. III», стр. 34—37.)

³⁸ «Списание...», 1910, кн. 6, стр. 419. Необходимо подчеркнуть, что образовательный уровень у печатников, особенно в Софии, быстро повышался. (Там же, 1914, кн. 8, стр. 483—484; «Ново време», 1915, кн. 4—5, 6.) Сравнительно высокий образовательный ценз у полиграфистов обеспечивал им в рассматриваемое время и относительно высокий уровень заработной платы. («Списание...», 1905, кн. 7, стр. 442.)

³⁹ «Общи резултати... 1910, кн. III», стр. 34—37; «Списание...», 1910, кн. 6, стр. 414, 419.

⁴⁰ «Анкета на насърчаваната от държавата индустрия през 1909 год. Работнишки персонал през време на анкетата — май-септември 1910 год». София, 1912, стр. 12—13.

⁴¹ К. П о п о в. Там же, стр. 19. Это объясняется сравнительно слабым вовлечением в промышленность турок — на их долю приходилось 11,6% общего состава населения и лишь 3% числа ценовых рабочих. На долю остальных народностей — сербов, дыган, греков, армян, евреев, румын и прочих приходилось 7,2% в составе населения и 10,5% численности рабочих ценовой промышленности. (Там же; «Анкета... 1909. Работнишки персонал», стр. 12—13.)

⁴² «Анкета... 1909. Работнишки персонал», стр. 12—13.

вой текстильной промышленности в 1910 г. лица женского пола (всех возрастов) составляли 60%, дети до 16 лет — 27, несовершеннолетние от 16 до 20 лет — 31%⁴³. Большой процент женщин и несовершеннолетних был и среди табачников⁴⁴, отчасти среди рабочих химической и бумажной, керамической, сахароваренной и консервной промышленности⁴⁵. Хотя по свидетельству Д. Благоева⁴⁶, удельный вес женщин и несовершеннолетних среди промышленных пролетариев за рассматриваемый период несколько снизился, в 1910 г. женщины составляли среди рабочих крупной промышленности 22,5%⁴⁷, несовершеннолетние (в возрасте до 20 лет) — около $\frac{1}{3}$ ⁴⁸.

Вовлечение женщин в производство имело серьезные последствия. На первых порах, как отмечал Д. Благоев⁴⁹, это осложняло деятельность революционных социал-демократов, ибо многие женщины-работницы, среди которых был более значительный, чем у мужчин, процент неграмотных, с трудом поддавались агитации и организации. С другой стороны, с течением времени вступали в действие долговременные факторы; эксплуатация капиталом женщин и несовершеннолетних создавала предпосылки для привлечения их к участию в рабочем движении. Постепенно происходил перелом в психологии работающих женщин и пролетариев-мужчин в понимании роли и положения женщин в обществе, что, несомненно, имело положительное значение.

Довольно пестрым было социальное происхождение промышленных рабочих. Свыше половины (52%) рабочих ценовой промышленности, родились в деревне⁵⁰. Более $\frac{1}{3}$ ценовых рабочих (34,1%) вышли из крестьянских семей, свыше 40% — из семей ремесленников и прочих. Лишь у $\frac{1}{5}$ (20,4%) родители были рабочими⁵¹. И все же этот факт свидетельствовал, что к концу рассматриваемого периода в стране стала формироваться пока еще малочисленная прослойка потомственных рабочих.

Около $\frac{1}{3}$ ценовых рабочих до поступления на работу были заняты в сельском хозяйстве, остальные — в других промышленных или ремесленных предприятиях или имели иные занятия⁵². Таким образом, хотя удельный вес рабочих крестьянского происхождения и с сельскохозяйственным опытом предыдущей деятельности был значительным, все же большинство ценовых рабочих были выходцами из иных, главным образом городских слоев пролетаризирующейся или полупролетаризированной бедноты; в общественно-политическом и культурном отношении они находились на более высоком уровне, чем сельские жители, хотя психология их и была мелкобуржуазной, что затрудняло быстрое созревание классового пролетарского сознания.

⁴³ «Анкета... 1909. Общ. преглед», стр. 73, 76—77; «Анкета 1909. Работнишки персонал», стр. 8—9.

⁴⁴ А. Раковска. Женският наемно-работнишки труд в България и неговото развитие. («Ново време», 1905, кн. X, стр. 712—714); «Списание...», 1910, кн. 9—10, стр. 685.

⁴⁵ К. Попов. Там же, стр. 294—295.

⁴⁶ Д. Благоев. Съчинения, т. 12. София, 1960, стр. 300.

⁴⁷ Обычно в литературе (см., например, К. Попов. Там же, стр. 294) приводится иной показатель — 28,6% числа ценовых рабочих. Этот показатель фиксирует удельный вес женщин в составе рабочих частных ценовых предприятий и фактически игнорирует зарегистрированных промышленной анкетой 1909—1910 гг. рабочих многих крупных государственных предприятий, где женщин не было. Мы считаем целесообразным фиксировать долю женщин в составе рабочих всей крупной промышленности, включая и рабочих государственных предприятий.

⁴⁸ «Анкета... 1909. Работнишки персонал», стр. 8—9.

⁴⁹ Д. Благоев. Там же, стр. 299.

⁵⁰ «Анкета... 1909. Работнишки персонал», стр. 10.

⁵¹ Там же, стр. 18—19.

⁵² Там же.

Важное значение для социальной характеристики промышленного пролетариата имело его имущественное состояние. Около 50% цензовых рабочих старше 20 лет (или около $\frac{2}{3}$ всех цензовых рабочих) не имели никакого недвижимого имущества⁵³. К ним приближалась другая группа рабочих (они составляли 15% числа цензовых рабочих старше 20 лет), имевших только жилой дом. Около 35% цензовых рабочих старше 20 лет были обладателями не только дома, но и другого недвижимого имущества (главным образом земельного участка)⁵⁴. Таким образом, приведенные данные об имущественном состоянии еще раз показывают, что процесс отрыва рабочих от земледелия шел в целом в рассматриваемое время довольно далеко, и в стране сложился отряд промышленных рабочих, полностью лишенных средств производства и недвижимого имущества.

С указанным выводом могут быть соотнесены и данные о стаже производственной деятельности — 35% рабочих цензовых предприятий имели стаж работы в данной отрасли пять и более лет, в том числе 22% рабочих — проработали пять и более лет на одном предприятии⁵⁵.

Более $\frac{3}{4}$ цензовых рабочих были грамотными; неграмотные составляли лишь 24% (среди женщин — 30%). Рабочие с неоконченным начальным образованием составляли 25,6%, с окончением — около 25%, с незаконченным и законченным низшим гимназическим образованием — 18% общего состава⁵⁶. Наиболее высокий образовательный уровень был у печатников; среди остальных групп промышленных рабочих наименьший процент неграмотных был у металлистов и рабочих электроэнергетической промышленности. В целом уровень грамотности у промышленных рабочих был гораздо более высоким, чем у крестьян, и выше средней грамотности городского населения⁵⁷.

Как ни малы были размеры большинства болгарских промышленных заведений в сравнении с крупными индустриальными предприятиями западноевропейских стран, США и России, все же и в Болгарии мы наблюдаем тенденцию к концентрации производства, выразившуюся в росте количества и удельного веса предприятий со значительным (по масштабам страны) числом рабочих, а также тенденцию к сосредоточению рабочих в крупнейших городах. Значение проходившего в стране с конца XIX в. процесса производственной и территориальной концентрации пролетариата, создания больших фабрик в Софии, Пловдиве, Варне, Сливене, Габрово и других городах со значительным числом рабочих отмечал в ряде своих статей, опубликованных в начале XX в., Д. Благов⁵⁸.

Производственная и территориальная концентрация рабочих происходила параллельно с ростом числа крупных городов, которые, по словам

⁵³ Там же, стр. 26—27.

⁵⁴ Там же. Следует учесть, что таблица 14 (как и другие), содержащая показатели об имущественном состоянии, охватывала лишь цензовых рабочих в период нормального сезона, т. е. характеризовала главным образом постоянных рабочих. Между тем, среди сезонных рабочих преобладали, видимо, полупролетарские элементы из села, владевшие небольшими участками земли, или члены их семей. Небольшие усадьбы (в первую очередь виноградники), которые возделывались в свободное от работы время, имели и некоторые городские рабочие. Поэтому удельный вес промышленных рабочих, связанных с земледелием, был, вероятно, более значительным.

⁵⁵ Там же, стр. 16—17.

⁵⁶ К. П о п о в. Там же, стр. 298; «Анкета... 1909. Работнички персонал», стр. 20—21.

⁵⁷ В 1910 г. грамотные составляли 33,7% населения страны (в том числе среди сельского населения — 28,7, городского — 54,9%). Среди населения Болгарии старше семи лет грамотные составляли уже 42%. (К. П о п о в. Там же, стр. 27—29.)

⁵⁸ Д. Б л а г о в. Там же, т. 7, 1958, стр. 462, 464; т. 9, 1959, стр. 391; т. 12, стр. 514—516, 527.

Ф. Энгельса, были «очагами рабочего движения»⁵⁹. Если в 1884 г. в стране был лишь один город с населением свыше 30 тыс. жителей, то в 1910 г. их было уже четыре (в Софии — 102,8 тыс., в Пловдиве — 48, в Варне — 41,4 и в Русе — 36,3 тыс.); кроме того, насчитывалось еще четыре города с населением от 20 до 30 тыс. жителей (Сливен, Плевен, Стара-Загора и Шумен)⁶⁰. В этих восьми крупнейших городах вместе с двумя менее значительными по числу жителей промышленными городами (Бургас и Габрово) в 1910 г. было сосредоточено 43,2% городских рабочих и 52,6% рабочих индустриальной сферы (промышленности, ремесла и транспорта), находившихся в городах⁶¹. Наряду с городами, в которых были сконцентрированы рабочие разных отраслей и категорий (София, Пловдив, Варна, Русе, Плевен), начали возникать и города с локализацией отдельных отрядов пролетариата, обусловленной промышленной специализацией (в Сливене и Габрове, например, — текстильщики, в Бургасе — портовики).

Промышленный пролетариат рос и абсолютно и относительно сравнительно быстрыми темпами. Если общая численность рабочего класса страны выросла за период с 1900 по 1910 г. на 75%, то число постоянных рабочих-горняков — на 140, текстильщиков — на 160, металлостов — на 175, деревообделочников — на 550%⁶². В 1910 г. промышленные рабочие составляли лишь 5,7% общего числа постоянных рабочих, что отражало преимущественно аграрный характер экономики Болгарии, сравнительно низкий уровень развития капиталистической промышленности в стране. Следует, однако, отметить, что по темпам роста промышленные рабочие обгоняли все остальные категории рабочего класса, исключая строительных.

Наряду с постоянными промышленными рабочими существовал и весьма многочисленный слой полупостоянных, временных, или сезонных рабочих и поденщиков. «Чистый тип наемного рабочего, квалифицированного пролетария, действительно уже существует у нас, — отмечал перед первой мировой войной знаток болгарской экономики К. Попов, — однако, как значительная масса, эти рабочие формируются только в настоящее время. Громадное большинство рабочих представляет собою самую разнообразную смесь, более близкую к чистому типу или более далекую от него»⁶³. Среди рабочих, занятых несколько месяцев в году, преобладали сельские полупролетарии — члены семей разорившихся или обедневших крестьян, которые прибегали к полупостоянному (или эпизодическому) периодически возобновлявшемуся наемному труду на промышленных предприятиях, связанных с сезонным расширением, на стройках и т. п. По данным источников, именно в таких отраслях промышленности, как горнодобывающая, гончарная, пищевая, табачная, деревообделочная, а также в строительстве увеличивалось число вовлекавшихся в процесс

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 354.

⁶⁰ «Статистически годишник на българското царство. Година трета. 1911». София, 1914, стр. 32—43; «Статистически годишник. Год V — XIV. 1913—1922», раздел А, стр. 36—37. София, 1924.

⁶¹ Абсолютные данные взяты из публикации «Общи резултати... 1910, кн. III», стр. 70—73, 100—101, 158, 182, 195, 203, 232, 237, 269, 290, 295, 310.

⁶² Абсолютные данные взяты из статистики населения за 1900 и 1910 гг., в которых сведения о промышленных и ремесленных рабочих объединены. Мы полагаем, однако, что поскольку в рассматриваемое время ремесленное производство Болгарии росло медленнее, чем промышленное (К. Попов. Там же, стр. 305—314), отмеченные темпы прироста численности рабочих отдельных категорий отражают в первую очередь темпы роста промышленных рабочих. Общая численность рабочих в промышленности и ремесле за рассматриваемое десятилетие увеличилась на 150%.

⁶³ К. Попов. Там же, стр. 288. П. Цончев, несколько раньше (в 1906 г.) свидетельствовал: «Настоящий рабочий класс уже на пути к формированию» («Списание...», 1906, кн. 2—3, стр. 118).

эксплуатации промышленным капиталом временных рабочих из рядов полукрестьян-полупролетариев, не порывавших со своим хозяйством⁶⁴. Болгарская буржуазия, не обладавшая свободными капиталами, необходимыми для расширения технической базы производства, избегала привлекать и расширять кадры квалифицированных рабочих (что отмечено многими авторами)⁶⁵, старалась сэкономить на заработной плате, пользуясь более дешевым трудом временных полурабочих-полукрестьян и поденщиков⁶⁶.

Наличие в составе промышленных рабочих значительного контингента полурабочих-полукрестьян не было явлением исключительным, присутствующим только Болгарии. На определенном этапе капиталистического развития это было свойственно и многим другим странам, в том числе некоторым западноевропейским, США и России⁶⁷. В Болгарии, в отличие от названных стран, окончательная пролетаризация полурабочих-полукрестьян шла очень медленно, растянулась на десятки лет, что отражалось на сознании и активности формирующегося рабочего класса. Притоки и оттоки сельских полупролетариев, движение сезонных рабочих из города в село и обратно (не говоря уже о переменах места работы в поисках более высокой заработной платы) создавали большую текучесть кадров. Играла значительную роль и связь сезонных рабочих-полупролетариев с сельским хозяйством, мелкобуржуазные традиции в их сознании и психологии.

Подводя итоги сказанному, отметим следующее. К концу рассматриваемого десятилетия XX в. в Болгарии начинает складываться, хотя и немногочисленная, но относительно устойчивая категория постоянных промышленных рабочих. Сконцентрированные на относительно крупных предприятиях и в важнейших городах страны промышленные рабочие начинали представлять собой уже некоторую социально-политическую силу.

Увеличение численности и удельного веса промышленных рабочих, намечавшиеся тенденции производственной и территориальной концентрации и территориально-отраслевой локализации отдельных отрядов, а также другие отмеченные факторы объективного порядка, характеризующие процесс формирования промышленных рабочих страны, создавали благоприятные условия для их организации, пробуждения и роста их классового сознания, содействовали превращению промышленного пролетариата в ядро болгарского рабочего класса.

⁶⁴ «Борба», 1914, кн. 7, стр. 411; «Списание...», 1903, кн. 3, стр. 180—181; 1904, кн. 7, стр. 497, 504; 1906, кн. 2—3, стр. 118, 137; 1908, кн. 7—8, стр. 458; 1911, кн. 10, стр. 908—912; 914; 1915, кн. 3—4, стр. 134, 137—138; 1923, кн. 1—3, стр. 62; 1925, кн. 9—10, стр. 401; 1929, кн. 10, стр. 516—518; 1938, кн. 10, стр. 631.

⁶⁵ Д. Б л а г о е в. Там же, т. 7, стр. 495; «Работнически вестник», 24 I 1902 г.; «Работническа борба», 26 X 1905 г.; «Работническо движение в България», т. I. София, 1953, стр. 42—43; «Списание...», 1906, кн. 2—3, стр. 114; 1908, кн. 7—8, стр. 457—458; 1915, кн. 3—4, стр. 142, 144; Г. В ъ л е в. Заплатите на работниците в България. София, 1937, стр. 15. Л. Б е р о в. Там же, стр. 22; Д. Т о ш е в. Индустриалната политика на България след първата световна война. «Годишник на Висшето Търговско училище. Варна, 1941/1942». Варна, 1943, стр. 187.

⁶⁶ По мнению некоторых исследователей болгарской экономики, крестьяне были заняты в сельском хозяйстве в среднем от пяти до восьми месяцев в году (в зависимости от района и от вида основного сельскохозяйственного производства); другие же авторы утверждают, что в ряде районов крестьяне были заняты всего 120 дней в году. («Списание...», 1901, кн. 4—5, стр. 227; 234—235; кн. 7, стр. 470; К. П о п о в. Там же, стр. 355—356.) Именно этим стремились воспользоваться болгарские предприниматели, в первую очередь те, кто сооружал промышленные предприятия в сельской местности.

⁶⁷ «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», т. I. М., 1976, стр. 118—119; А. М. П а н к р а т о в а. Проблемы изучения истории рабочего класса в России. («Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. I. М., 1930, стр. 402.)

М. Б. СВЕРДЛОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СЛАВЯН В VI — НАЧАЛЕ VII ВЕКА

Изучение общественного строя славян в древнейший период их переселений, освещаемый письменными источниками, имеет важное значение. Такое исследование позволяет установить уровень развития социальных отношений у славян в завершающей фазе Великого переселения народов VI—VII вв. — до социального синтеза с местным населением и с пришлыми племенами кочевников протоболгар. Определение уровня развития общественного строя славян в VI — начале VII в. позволяет проследить тенденции дальнейшего социального развития трех ветвей славянства: южного, западного и восточного.

Марксистская историография по проблеме социального строя славян эпохи Великого переселения народов успешно продолжила лучшие традиции изучения ранней этнической истории славянства.

В советской исторической литературе данная проблема впервые стала разрабатываться в конце 30-х годов¹. В работах М. В. Левченко, А. В. Мишулина, Б. Т. Горянова были поставлены важные проблемы столкновения славян и Византии, определены последствия славянской колонизации Византийской империи и уровень общественных отношений у славян VI—VII вв.² Эти исследователи установили определяющую роль свободных членов племени, объединенных в общины, существование вождей-рексов, знати, патриархального рабства. Отсюда следовал вывод, что славяне VI—VII вв. уже миновали первобытнообщинный строй и находились на стадии «военной демократии». Тогда же Б. А. Рыбаков широко привлек археологические материалы, которые позволяли глубже проанализировать уровень развития материальной культуры и социального строя славян (Б. А. Рыбаков считал тогда антской роменскую культуру)³. Некоторые различия существовали лишь в оценке уровня развития общественных отношений: «военная демократия» у истоков государственности⁴, родовой строй⁵ или высшая ступень варварства⁶.

¹ Обзор основных тем проблемы и перечень историографических работ см. в кн.: З. В. У д а л ь ц о в а. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 70—79, 247—249.

² М. В. Л е в ч е н к о. Византия и славяне в VI—VII вв. «Вестник древней истории» (далее — ВДИ), 1938, № 4, стр. 23—48; А. В. М и ш у л и н. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи, ВДИ, 1939, № 1, стр. 290—307; Б. Т. Г о р я н о в. Славянские поселения VI в. и их общественный строй. Там же, стр. 308—318; е г о ж е. Славяне и Византия в V—VI вв. нашей эры. «Исторический журнал», 1939, № 10, стр. 101—110.

³ Б. А. Р ы б а к о в. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 319—337.

⁴ А. В. М и ш у л и н. Древние славяне..., стр. 305—306.

⁵ Б. Т. Г о р я н о в. Славянские поселения..., стр. 318.

⁶ Б. А. Р ы б а к о в. Анты и Киевская Русь, стр. 333.

После того как археологи в 40-х годах стали считать антской черняховскую культуру, характеризующую более высоким уровнем развития орудий земледелия, керамики, обработки металла, в литературе появилась тенденция характеризовать имущественное и социальное расслоение славян еще более значительным. В. И. Довженок и М. Ю. Брайчевский утверждали, что в антском обществе происходила борьба трех укладов: первобытнообщинного, рабовладельческого и возникающего феодального⁷. Более общими были характеристики Б. Д. Грекова (конечная стадия «военной демократии») ⁸ и П. Н. Третьякова («органы власти» «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа», — в органы складывающейся государственности) ⁹.

В результате археологических исследований второй половины 50-х — 60-х годов были открыты славянские памятники VI—VII вв., которые не были генетически связаны с черняховской культурой и хронологически предшествовали археологическим памятникам южных, западных и восточных славян VIII — X вв. На основе этих новых археологических материалов, а также интерпретации ранее известных археологических материалов и письменных источников И. И. Ляпушкин пришел к выводу, что славяне VI—VII вв. находились у истоков «военной демократии». Это выразилось, по его мнению, в отсутствии дружинного строя и имущественной дифференциации ¹⁰.

В новейшей советской историографии существуют и другие точки зрения. Согласно одной из них, следует учитывать экономическое влияние черняховской культуры на последующее социальное развитие восточных славян ¹¹, что способствовало раннему формированию феодализма, минуя рабовладельческое общество. Близок к такой оценке черняховской культуры А. П. Пьянков, который, не учитывая специфику генезиса рабовладельческих и феодальных обществ, пришел к выводу, что у антов существовало раннерабовладельческое общество ¹².

В то же время в литературе продолжает существовать точка зрения на общественный строй славян как на развитую «военную демократию» ¹³, причем в некоторых работах особое внимание обращается на последний этап ее развития, когда появляются начала государственности и «военная демократия» сменяется формирующимся государством ¹⁴. Аналогич-

⁷ В. Довженок, М. Брайчевский. О времени сложения феодализма в Древней Руси. «Вопросы истории», 1950, № 8, стр. 68—75.

⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 521. В. В. Мавродин на основании только письменных источников считал, что анты «уже» вступили в стадию «военной демократии» (В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 48).

⁹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2. М., 1953.

¹⁰ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Л., 1968, стр. 154—161.

¹¹ В. И. Довженок. Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян. В кн. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, стр. 28—39; М. Ю. Брайчевский. Производственные отношения у восточных славян в период перехода от первобытнообщинного строя к феодализму. Там же, стр. 39—52.

¹² А. П. Пьянков. Социальный строй восточных славян в VI—VIII вв. В кн. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР, стр. 60—62.

¹³ «Очерки истории южных и западных славян». Л., 1957, стр. 13—16; Г. Г. Литаврин. Темпове и специфика на социално-икономическо развитие на средновековна България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.). «Исторически преглед», 1970, № 6, стр. 28.

¹⁴ «История южных и западных славян». М., 1957, стр. 11—14; «История южных и западных славян». М., 1969, стр. 10—11; «История СССР», т. 1. М., 1966, стр. 354—359.]

ные позиции в оценке общественного строя славян VI—VII вв. занимают болгарские историки-марксисты¹⁵ (следует отметить исследование С. Н. Лишева¹⁶, который привел серьезные возражения против предположений о глубоких классовых различиях в славянском обществе и о начале феодальной эксплуатации уже в VI—VII вв.).

Значительное разнообразие мнений исследователей свидетельствует о том, что для наиболее полного решения проблемы, наряду с поисками нового археологического материала и совершенствованием его исторической интерпретации, следует развивать другие методы в изучении истории славян VI—VII вв. В советской историографии уже указывалось на сходство общественного развития славян и германцев в период «военной демократии»¹⁷: одностадийность развития, близкие по характеру системы хозяйства, основанного на земледелии и животноводстве. Вместе с тем последовательное применение сравнительно-исторического метода продолжает оставаться актуальной задачей в изучении ранней истории славянства¹⁸.

Другим методом является привлечение словарного фонда праславянского языка¹⁹. Лексика не только позволяет установить общеславянские названия социальных институтов и категорий. Этимология и семантика терминов раскрывает их содержание, что чрезвычайно важно для установления последующего развития общественных институтов и категорий и обозначающих их терминов.

Используя сравнительно-исторический метод и привлекая праславянскую лексику, вновь обратимся к известиям о славянах в источниках VI—VII вв., с тем чтобы более обстоятельно раскрыть содержание раннеславянских социальных категорий и институтов и на этой основе определить уровень развития общественных отношений (детальное определение взаимодействия институтов в объеме данной статьи невозможно) у славян до появления новых черт общественного строя, сложившихся в результате синтеза с иными социальными системами (классовое земледельческое общество Византии и кочевое общество тюрков-болгар).

В источниках VI в. отмечается, что славяне²⁰ занимают огромные территории от средней Савы и Вислы до Днестра, на юге они вышли к Дунаю, причем, как отметил готский историк Йордан, племенные названия в про-

¹⁵ См. библиографию. С. Н. Лишев. За генезиса на феодализма в България. София, 1963, стр. 6—8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ М. В. Левченко. Византия и славяне в VI—VII вв., стр. 28, 30; Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, стр. 18; Ю. В. Бромлей, А. Я. Гуревич. Возникновение классового общества у древних германцев и славян. «Преподавание истории в школе», 1957, № 4, стр. 31—40; М. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. «Византийский временник», т. XVII, 1960, стр. 9; И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы..., стр. 155, и др.

¹⁸ В. Д. Корольков. Некоторые итоги и перспективы историко-славистических исследований в области медиевистики. В кн. Вопросы истории славян. Воронеж, 1972, стр. 5—6.

¹⁹ На возможность изучения общественных отношений на основе праславянской лексики указывал еще Я. Бодуэн де Куртене (J. Baudouin de Courtenay. *Szkice językoznawcze*, t. I. Warszawa, 1904, s. 45). См. также: О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 396—410.

²⁰ Есть мнение, что анты были тюркским (аланским) племенем. (Ф. П. Филин. Заметка о термине «анты» и о так называемом антском периоде в древней истории восточных славян. В кн. Проблемы сравнительной филологии. М.—Л., 1964, стр. 266—270). Однако в связи с тем, что на указанной в письменных источниках территории открыты многочисленные памятники славянской материальной культуры, более верным представляется мнение о славянской принадлежности антов.

цессе переселений стали заменяться территориальными²¹. Византийские писатели сообщают, что у славян одинаковый образ жизни, язык, внешний вид, верования и обычаи²². Данные археологии подтверждают эти сведения. В VI—VII вв. на огромных славянских территориях установлена единая по характеру материальная культура с незначительными еще локальными различиями, усиливающимися по мере исторического развития славянства²³. Аналогичные наблюдения можно сделать и по лингвистическим данным. Согласно выводам Ф. П. Филина, период праславянского языкового единства длился до V в. В VI—VII вв. начинается распад общеславянского языка и образование диалектных зон²⁴. Таким образом, в VI — начале VII вв. только начинали складываться различия в материальной культуре и языке, что свидетельствует об одинаковых еще социальных отношениях у славян в рассматриваемый период.

Как неоднократно отмечалось в историографии, византийские авторы сообщали о земледелии у славян²⁵. Археологические исследования подтверждают эти известия, а общеславянская лексика свидетельствует, что земледельческие культуры и скотоводство в праславянский период были значительно более развиты, чем это было известно византийским авторам. Если Псевдо-Маврикий, например, писал только о просе и пшенице (*κεϋχρος* и *εϋμος*)²⁶, то в общеславянской лексике встречаются названия: ячмень, жито, рожь, овес, просо, пшеница, зерно, колос, боб, бодил, горох, овощи, зеле-капуста, лук, мак, морковь, репа, тыква, хмель, чеснок, лен, дыня, ягненок, бык, жеребец, кобыла, коза, козел, конь, овца, свинья, скот, теленок²⁷. Материальная культура, разнообразие земледельческих культур и видов домашних животных свидетельствуют о том, что славяне VI — начала VII в. не вели кочевого хозяйства, а стремились

²¹ И о р д а н. О происхождении и деяниях готов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, стр. 16—26, 71—72.

²² «Procopii Caesariensis Libri de bello Gothico» (далее — Procop. B. G.), VII, 14; «Pseudo-Mavricii Strategicon» (далее — Ps. Mavr.), XI, 5.

²³ Г. Б. Ф е д о р о в. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М., 1960, стр. 178—179; И. И. Л я п у ш к и н. К вопросу о культурном единстве славян. В кн. Исследования по археологии СССР. Л., 1961, стр. 203—209; Г. Б. Ф е д о р о в, Л. Л. П о л е в о й. Материальная культура ранних славян в Карпато-Дунайских землях (VI—IX вв. н. э.). В кн. Славяне и Русь. М., 1968, стр. 202; М. И. А р т а м о н о в. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. В кн. Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, стр. 36—37; П. Н. Т р е т ь я к о в. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 248—256; Е. А. Г о р ю н о в. Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе. «Советская археология», 1970, № 4, стр. 289—307.

²⁴ Ф. П. Ф и л и н. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 218—223.

²⁵ Ps.-Mavr., XI, 5; «Menandri fragmenta excerpta de legationibus» (далее — Men. f.), I, 15.

²⁶ Г. Ц а н к о в а - П е т к о в а. Материальная культура и военное искусство на дакийские славяне според сведения на «Псевдо-Маврикий». «Известия на Института за история БАН», т. 7, София, 1957, стр. 338—341.

²⁷ Н. М. Д ы л е в с к и й. Главнейшие особенности общеславянской лексики современного болгарского языка. Славистичен сборник, т. I. София, 1958, стр. 102—103; T. Z. O g ł o ś. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie czeskim. Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, t. 3. Warszawa, 1958, s. 270—271; S. R a d e w a. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie bulgarskim. Studia z filologii..., t. 4, 1963, s. 177—179. См. также исследования: Л. Н и д е р л е. Славянские древности. М., 1956, стр. 309—321; Ф. П. Ф и л и н. Образование языка восточных славян, стр. 92—97, 112—117; А. В. К и р ь я н о в. Земледелие восточного славянства. М., 1967; И. А. Р а ф а л о в и ч. Земледелие у ранних славян в Молдавии (VI—IX вв.). В кн. Далекое прошлое Молдавии: Кишинев, 1969, стр. 75—90; Ю. А. К р а с н о в. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971; W. H e n s e l. Słowiańszczyzna wczesność edniowieczna. Warszawa, 1956, s. 13—114.

переселиться на пригодные для земледелия территории²⁸. Таким образом, известия византийцев о славянах, которых они наблюдали в период переселений, как о кочующих народах²⁹ являются ошибочными³⁰. Сложная система сельского хозяйства в условиях переселений славян и завоеваний новых территорий была материальной основой развивающихся общественных отношений славян VI — начала VII в.

При первоначальном знакомстве с известиями византийских писателей о славянах может сложиться мнение, что в VI в. славяне представляли собой конгломерат небольших племен, которые не могли координировать свои действия. Как писал Псевдо-Маврикий, «у них такое большое разногласие во мнениях, что они или не договариваются, а если и договариваются, то их решения вскоре нарушают другие, так как они враждебны друг другу и ни один не хочет уступить другому». Он сообщает также, что склавнины и анты в бою никем не управляемы³¹. Прокопий Кесарийский отметил, что славяне не управляются одним человеком и живут в демократии³² и поэтому всегда все дела при удачах и затруднениях решают совместно³³. На этом основании можно было бы сделать вывод о том, что «военная демократия» у славян находилась еще на раннем этапе развития, когда племенем управляли совет вождей и народное собрание³⁴. Однако можно предположить, что у славян VI в. помимо вождей существовал также институт старейшин. В родоплеменном обществе верховная власть племени принадлежала народному собранию, которое вместе с тем исполняло и судебные функции. Деятельность старейшин у германцев, по Тациту, была тесно связана с народным собранием, но их власть была уже значительна. Они могли решать дела, помимо наиболее важных, вместо народного собрания³⁵.

Праславянская лексика не только указывает название народных собраний — «вече» (восходит к *vět — совет)³⁶, но и свидетельствует о его судебных функциях: «суд» — *sǫdъ, «закон» — *zakon, «право» — *pravo, «правда» — *pravьda³⁷. Общеславянские термины «староста», «ста-

²⁸ На важность земледелия в праславянский период указывает развитая общеславянская терминология сельскохозяйственных орудий и производственных процессов: борона, вилы, коса, жернов, плуг, лопата, мотыга, лемех, серп, рало, гумно, ток, щеп, молотиль, сеять, копать, сажать, бороновать и др. (Н. М. Дылевский. Главнейшие особенности..., стр. 112—113).

²⁹ Procop. B. G., VII, 14; Ps.-Mavt., X, 5.

³⁰ Источниковедческий анализ показывает, что в византийской литературе при описании «варварских» народов широко использовались «штампы» — заимствования из предшествующей византийской и древнегреческой литературы (G. U. M. O. G. A. V. C. S. I. K. Studia Byzantina. Budapest, 1967, p. 221—244). Возможно, одной из причин ошибочного, упрощенного описания быта славян была литературная традиция. Ср. опыт В. Застеровой выделения «штампов» в описаниях славян в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия (B. Z á s t ě r o v a. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971).

³¹ Ps.-Mavt., IX, 3; XI, 5.

³² Procop. B. G., VII, 14.

³³ Ibid. Функции и порядок проведения народных собраний у германцев на стадии «военной демократии» обстоятельно изложены Тацитом (T a c i t u s. Germania, XI, XII, XIII).

³⁴ Именно эти известия находятся в основе утверждения И. И. Ляпушкина, что славяне VI в. находились на ранней стадии «военной демократии» (И. И. Л я п у ш к и н. Славяне Восточной Европы..., стр. 154—156).

³⁵ T a c i t u s. Germania, XI, XII; К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 142.

³⁶ М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка (далее — Ф а с м е р), т. I. М., 1964, стр. 308—309; Н. М. Ш а н с к и й. Этимологический словарь русского языка (далее — Ш а н с к и й), т. I, вып. 3. М., 1968, стр. 81.

³⁷ А. Г. П р е о б р а ж е н с к и й. Этимологический словарь русского языка (далее — П р е о б р а ж е н с к и й), т. I. М., 1959, стр. 241; т. II. М., 1959, стр. 121, 129; Ф а с м е р, т. III. М., 1971, стр. 372, 507, 794; М. А. Б р и ц и н. Из истории во-

рейшина», «старый», «старец»³⁸ свидетельствуют также о существовании в праславянский период института старейшин, причем их этимология указывает на ту эпоху, когда возраст был главным основанием для руководства племенем или родом.

Институт старейшин не привлек внимания византийских писателей, но о вождях племен у них содержится относительно много известий. Псевдо-Маврикий писал о славянских князьях и о возможном их объединении под началом одного из них: «Так как у них много королей (ῥῆγῶν), которые постоянно находятся во взаимных распрях, следует держать в руках посредством обещаний или подарков прежде всего тех из них, которые ближе к границам, а на других нападать, чтобы не всех объединяла ненависть [к Византии] или чтобы они не создавали единодержавия (μοναρχίαν)»³⁹. Такая тактика была продолжением политики Рима по отношению к «варварам»⁴⁰. Из этого же сообщения Псевдо-Маврикия следует, что в конце VI в. уже существовала возможность межплеменного славянского объединения, которое обладало бы мощью, представлявшей опасность для Византии⁴¹. Это известие позволяет также предположить наличие у князей такого авторитета и власти, что их подкуп мог обеспечить дружественное отношение племени к империи.

Другие источники также сообщают о существовании у славян в конце VI в. «королей». По словам Феофилакта Симокатты, склавины называли своего вождя Мусския (ῥῆξ), т. е. рекс-король. Прекрасно образованный Иордан, видимо подсознательно сравнивая по власти и могуществу антского вождя Божа с готскими королями, тоже называет его королем (rex)⁴². В данном случае важным представляется использование Иорданом этого титула для выражения сравнительной самостоятельности власти главы антов.

Другой князь, Ардагаст, стоял во главе значительного славянского войска («полчища склавинов»), которое дошло до Адрианополя и захва-

сточнославянской лексики. Киев, 1965, стр. 83—95; Ю. С. Степанов. Слова прада и цивилизация в русском языке. Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка. 1972, т. XXXI, вып. 2, стр. 171—172.

³⁸ Преображенский, т. II, стр. 372—374; Фасмер, т. III, стр. 747.

³⁹ Ps.-Mavt., XI, 5.

⁴⁰ V. Tárkova-Zaimova, M. Vojnov. La politique de Byzance dans ses rapports avec les «barbares». «Etudes Historiques», t. II. Sofia, 1965, p. 31—44.

⁴¹ Опасения Псевдо-Маврикия о возможности объединения славян не были необоснованными. Уже к середине VII в. на землях современной Северной Болгарии образовалось племенное объединение (так называемые Семь племен), которое было начальной формой государственной организации (И в. Дуйчев. Обеднието на славянските племена в Мизия през VII в. В кн. Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960, стр. 417—427). Ср. предположение Г. Цанковой-Петковой о том, что выражение ἐπτά γένηξ означало не союз семи племен, а название племени «семь родов» (G. С а п к о в а - Р е т к о в а. Sur l'établissement des tribus slaves du groupe Bulgare au sud du Bas Danube. «Etudes Historiques», t. IV. Sofia, 1968, p. 148—152). С этим мнением, высказанным исследовательницей еще в 1954 г., согласен В. Бешевлиев (В. Б е ш е в л и е в. За славянските племена в североизточна България от VI до IX век. В кн. Преслав, сб. I. София, 1968, стр. 17—20). Однако это предположение не имело широкого распространения в болгарской историографии. Толкование Г. Цанковой-Петковой не отвергает традиционного понимания известия хроники Феофана о подчинении болгарам в 680 г. находящихся южнее Дуная славянских народов, называемых «семь племен». При этом необходимо учитывать, что: 1) хроника Феофана относится к IX в. и от автора не следует ожидать терминологической точности, 2) Феофан уже использовал во фразе термин ἑθνος, и повторение его через два слова противоречило бы нормам литературного языка, особенно в византийской литературе, 3) как отмечалось ранее, уже в VI в. племенные названия заменялись территориальными, а толкование «семь родов», рядом с которыми Феофан упоминает северян, создает необычайный в практике славянских племенных названий прецедент.

⁴² Иордан. О происхождении и деяниях готы, стр. 115.

тило во время похода много пленных и большую добычу⁴³. Военные удачи Ардагаста привлекали к нему воинов из других славянских племен. Когда же византийцы перенесли военные действия на славянскую территорию, они «разорили страну Ардагаста»⁴⁴. Это выражение вполне соответствует высказываниям римских авторов о «владениях» или «странах» германских «королей» I—III вв. Таким образом, Ардагаст изображается как предводитель войска и властитель определенной славянской территории. Вероятно, влиятельными князьями были Мусокий, у которого византийцы обманом добыли 150 лодок-однодеревок, способных переправить 3000 человек⁴⁵, и Пирагаст, который со своим войском уничтожил в сражении 1000 византийцев⁴⁶. Значительные военные силы возглавлял и «король» Бож, разбивший в первом сражении войско остготов⁴⁷.

Праславянские названия главы племени позволяют проследить эволюцию княжеской власти. Исконно славянское слово *voldyka — «владыка», «старший, глава, полновластный вождь» — было вытеснено уже в праславянский период заимствованными терминами, но однокоренные слова «волость, волостель, владеть» со значением «власть», «неограниченно владеть» продолжали использоваться во всех славянских языках⁴⁸. Термин *voldyka был заменен словом *kъnedъzъ — «князь», заимствованным из прагерм. *kuningaz или гот. *kuninggs⁴⁹. Другим заимствованным названием вождя племени в праславянском языке было *гърап — «жупан» — из иранского *guraṇa. В этом слове отразилось значение «господин», перешедшее из иранской языковой основы в южно- и западнославянское диалектное заимствование⁵⁰. Семантика слова «жупан» указывает на значительный отрыв княжеской власти от традиционных родоплеменных отношений, что достаточно отчетливо прослеживается в последующей истории термина, связанной с классовыми отношениями в раннефеодальном обществе⁵¹. Об этом же свидетельствует и замена исконно славянского названия главы племени заимствованием «князь».

В источниках содержатся сведения о существовании знати у славян. Согласно известию Менандра, «теснимые набегами неприятелей, анты отправили к ним (аварам. — М. С.) посла, выбрав для посольства Мезамира, сына Идаризия, брата Келагаста, и просили позволить им выкупить некоторых пленников из своего племени. Когда посол Мезамир, болтун и хвастун, прибыл к аварам, он говорил надменные и даже дерзкие речи. Тогда котрагир... сказал кагану: „Этот человек имеет огромное влияние среди антов и в состоянии противиться тем, кто в какой-нибудь степени ему враждебен“»⁵². Это сообщение позволяет представить социальный портрет знатного анта. Мезамир — не вождь племени. Он — знатный по происхождению. Его отец и брат, видимо, очень знамениты, если Мезамир определяется через известных родственников. Поведение посла объяс-

⁴³ Theophylacti Simocattae historiarum libri octo, I, 6.

⁴⁴ Ibid., VI, 6.

⁴⁵ Ibid., VI, 8.

⁴⁶ Ibid., VII, 4.

⁴⁷ Иордан. О происхождении и деяниях гот, стр. 170.

⁴⁸ О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, стр. 185—186; Ср. Фасмер, т. I, стр. 326, 341; Шанский, вып. 3, стр. 116, 152.

⁴⁹ Преображенский, т. I, стр. 324; Фасмер, т. II, М., 1967, стр. 266; Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 136—137.

⁵⁰ О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений. Этимология. 1965. М., 1967, стр. 71—75.

⁵¹ T. Wasilewski. Les župy et les županje des slaves méridionaux et leur place dans l'organisation des états médiévaux. In: I międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej, t. III. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, s. 217—224.

⁵² «Menandri fragmenta excerpta de legationibus» (далее — Men. fr.), II, 3.

няется его происхождением, к тому же у него была какая-то реальная сила, поддерживающая его влияние и авторитет.

Видимо, равные по положению Мезамиру и его знатым родственникам, «приматы» были казнены вместе с королем Божем и его сыновьями после поражения антов в войне с готами⁵³. По наблюдению Е. Ч. Скржинской, Иордан называл «приматами» представителей знатных готских родов⁵⁴. «Приматы» возглавляли племя вместо «королей», у них могли быть небольшие дружины. «Приматы» играли видную роль в политической жизни племен, руководили их переселениями и военными действиями, активно участвовали в поставлении «короля» и были его ближайшими соратниками⁵⁵.

Знатный по происхождению назывался, вероятно, «господарь», «господин», т. е. словом, восходящим к и.-е. *pot — со значением «господин, родоначальник, *pater familias*» — и вошедшим в индоевропейские языки в словах со значением «господин, повелитель, могущественный» и др. В праславянском языке этот корень вошел составной частью в слова *gospodin, *gospodja, *gospodъ и др.⁵⁶.

Как следует из сочинения Тацита, в обществе «военной демократии» германцы «выбирают королей по знатности, а военных вождей по мужеству»⁵⁷. Отсюда можно предположить, что и у славян были знатные не только по происхождению, но и по мужеству. На это указывает праслав. *mogot («могучий») с последующими семантическими связями — «знатный, власть имущий, могучий, мощный»⁵⁸ (вероятно, в этом же значении употреблялось и слово «витязь», которое имеется во всех славянских языках, но его этимология не ясна⁵⁹). Возможно, уже в праславянский период появились различия в функциях вождей племени. Терминологическое различие праславянских слов «князь» и *vojvoda — «воевода»⁶⁰ свидетельствует о том, что во главе войска мог стоять специально избранный воин, тогда как прерогативы внутриплеменной власти оставались у князя.

Увеличению социального неравенства способствовало имущественное неравенство, которое ускорялось в результате многочисленных и успешных войн с Византией (что неоднократно отмечалось в историографии). Награбленные богатства привлекали противников славян⁶¹. Вероятно, прежде всего материальное положение знатных определялось словом *bogatzь, восходящим к праслав. *bogъ — «богатство, достояние», от которого произошли глаголы *bogatěti, **bogatiti(sę)*. От этих слов в славянских языках произошла большая группа слов со значением «богатство», «обогащение» и «богатые»⁶².

Византийские авторы много писали об опустошениях, производимых славянами в Византии, о тысячах пленных, которых они уводили в раб-

⁵³ Иордан. О происхождении и деяниях готы, стр. 170.

⁵⁴ Там же, стр. 359, прим. 796.

⁵⁵ *Jord. Get.*, § 134, 136, 267, 277, 300, 304.

⁵⁶ Фасмер, т. I, стр. 446, 447; Шанский, вып. 4, М., 1972, стр. 146—147; О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства..., стр. 181—185.

⁵⁷ *Tac. Germ.*, VII.

⁵⁸ Фасмер, т. II, стр. 639; «*Slovník jazyka staroslovenského*» (далее — SJS), т. II. Praha, 1973, s. 223, 231.

⁵⁹ Шанский, вып. 3, стр. 111.

⁶⁰ Фасмер, т. I, стр. 332; Шанский, вып. 3, стр. 127.

⁶¹ *Men. fr.*, I, 15.

⁶² О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений, стр. 27—28; М. П. Петлевая. Праславянский слой лексики сербохорватского языка. Этимология, 1968. М., 1971, стр. 120; Фасмер, т. I, стр. 183; Шанский, вып. 2. М., 1965, стр. 148; SJS, t. I, Praha, 1966, s. 122—123.

ство. Пленных продавали и выкупали, причем не только византийцы у славян, но склавини и анты друг у друга. Например, ант Хилбудий был пленен склавинами. Затем он был куплен богатым антом за «большие деньги» и стал свободным⁶³. Есть известие о том, что часть пленных славяне оставляли у себя. Псевдо-Маврикий советовал подольше оставаться летом в славянских землях, чтобы пленные византийцы безопаснее могли бежать и присоединиться к византийскому войску⁶⁴, а каган аваров Баян сообщал византийскому императору, что он «возвратил свободу многим тысячам римских подданных, бывших в неволе у склавинов»⁶⁵.

Чем же были заняты пленные в славянских землях и как они там содержались? Псевдо-Маврикий пишет по этому поводу: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, устанавливая [срок рабства] на определенное время, предлагают им на выбор: возвратиться за известный выкуп во свояси или остаться там [где они находятся] на положении свободных и друзей»⁶⁶. Это сообщение недвусмысленно свидетельствует о мягких формах эксплуатации пленных, что характерно для общества на стадии «военной демократии». Однако почти нет данных, чтобы проверить это. Вполне соответствует сообщению Псевдо-Маврикия упоминание Прокопием Кесарийским о византийце, который попал в плен к анту, затем вошел к нему в доверие и даже стал подавать советы своему хозяину⁶⁷. Прокопий пишет также об анте Хилбудии, который был взят в плен склавином, видимо богатым и знатым, и служил ему с оружием в руках. Очевидно, Хилбудий состоял в охране своего господина и вместе с ним участвовал в походах. Вместе с тем, несмотря на такое положение, он оставался все-таки рабом: когда богатый ант захотел приобрести Хилбудия, он его купил у хозяина-склавина за «большие деньги»⁶⁸. Совершенно очевидно, что не все пленные могли попасть в такие условия. Что делали «десятки» и «сотни тысяч» пленных, которых славяне захватывали, «не разбирая пола и возраста»? Византийские источники не дают ответа на этот вопрос. Учитывая, что славяне VI в. находились на стадии «военной демократии», как и германцы I—III вв., можно выяснить положение пленных у славян, основываясь на данных римских авторов о германцах.

Античные писатели также пишут о мягких формах эксплуатации германцами пленных-рабов. Сенека сообщает, что после поражения в Тевтобургском лесу знатные римляне стали у германцев пастухами и домашними слугами⁶⁹. Тацит пишет: «Ты не отличишь господина и раба по достоинствам воспитания: они живут среди одного и того же скота, на одной и той же земле, пока возраст не отделит свободнорожденных, а доблесть не признает их»⁷⁰, т. е. с возрастом свободный становится равноправным членом общества, а раб остается рабом. Тацит ясно очерчивает производственные функции рабов у германцев: «Они пользуются рабами не по нашему обычаю, с точно определенными обязанностями в семействе: каждый управляет своим домом, своими пенатами. Господин обладает [его] мерой зерна, мелкого скота или одежды, как колона, и раб проявляется только в этом: остальные обязанности по дому выполняют жена и

⁶³ Procop. V. G., VII, 13.

⁶⁴ Ps.-Mavr., XI, 5.

⁶⁵ Men. fr., II, 30.

⁶⁶ С. А. Жебелев. Маврикий (Стратег). Известие о славянах VI—VII вв. «Исторический архив», т. II. М.—Л., 1939, стр. 36.

⁶⁷ Procop. V. G., VII, 14.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Seneca. Epistolae, XLVII, 10.

⁷⁰ Tac. Germ., XX.

дети [господина]»⁷¹. Несмотря на мягкие формы эксплуатации, личная власть господина была очень сильна. Хозяин мог безнаказанно убить раба: «Раба редко бьют и редко наказывают оковами и [насильственным] трудом. Часто бывает, они убивают не из-за наказания или строгости, но в ярости и гневе, как врага, но только безнаказанно»⁷². Таким образом, известия римлян о рабстве у германцев позволяют определить характер и объем эксплуатации рабов в хозяйстве свободных и объем личной власти господина над рабом на стадии «военной демократии». Следует согласиться с мнением Б. Д. Грекова о патриархальности форм эксплуатации рабов⁷³.

Источники ясно указывают, что рабом мог стать только иноплеменник. Показательна семантика слова *golvъ — «раб», которое, как и слово *orboŭta — «работа», определяется понятием «принудительный труд», «неволя», « плен»⁷⁴. Для выражения «внешних» путей зависимости в праславянском языке существовали понятия *nevolja — «неволя» и «*replъ» — « плен».

Вместе с тем следует иметь в виду, что в родоплеменном обществе существовала тенденция «внутреннего» расслоения свободных на зависимых и господ уже в общеславянский период. Прекращение связей с семейными или родовыми коллективами влекло за собой с развитием социальных отношений подчиненное общественное положение. Таково происхождение понятий *sirъ — «сирота» и *cholpъ — «холоп»⁷⁵. Истоки имущественной дифференциации также прослеживаются в праславянской лексике: «оскудеть, скудный» от *skodъ, «нищий, неимуций» от *nistio, «убогий, бедный» от *nebogъ, *ubogъ как противоположное *bogъ — «богатство»⁷⁶.

Подчинение детей и младших членов семьи и рода старшим полноправным членам семьи вело к тому, что в раннеклассовых славянских обществах название младших членов семей стало обозначением зависимых или подчиненных свободных членов общества. В праславянском языке обозначениями для подчиненных членов семьи или рода были: *děte, *orbę, *čedo, *čeljadъ, *otrokъ⁷⁷.

⁷¹ Ibid., XXV.

⁷² Ibid.

⁷³ Б. Д. Греков. Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? «Историк-марксист», 1939, № 4, стр. 136, 138. В результате аналогичного сравнения М. Ю. Брайчевский охарактеризовал подобные формы эксплуатации как «зародыш будущих феодальных отношений» (М. Ю. Б р а й ч е в с к и й. Производственные отношения..., стр. 50—51), а А. П. Пьянков, ошибочно определив положение раба у германцев как раба на пекулии, полагал, что славяне VI в. находились на стадии ранне-рабовладельческого общества (А. П. П њ я н к о в. Социальный строй..., стр. 61—62). Опять неточность, так как «раб на пекулии» — категория развитого рабовладельческого общества. Следует отметить, что историографическая традиция привлечения сравнительных материалов для анализа положения рабов у славян в VI в. в новейшей советской литературе еще не сложилась.

⁷⁴ П р е о б р а ж е н с к и й, т. II, стр. 169; Ф а е м е р, т. III, стр. 427.

⁷⁵ Согласно убедительной этимологии Г. Шустера-Шевца, *cholpъ восходит к *chol (<*skol) со значением «отколотый, происходящий от» с последующим возрастающим пейоративным значением (H. S c h u s t e r - S e w s. Zur Bezeichnung des Bauern im Slawischen: *cholpъ, *kъmetъ, *smrdъ. «Zeitschrift für Slawistik». Berlin, 1964, Bd. IX, H. 2, S. 243). Ср. предположение В. И. Абаева о заимствовании *chlarpъ из иранской корневой системы со значением «захваченный в качестве добычи» (В. И. А б а е в. Несколько замечаний к славянским этимологиям. В кн. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, стр. 14).

⁷⁶ Ф а с м е р, т. I, стр. 182, 524; т. III, стр. 77, 143, 148, 314, 661; т. IV, М., 1973, стр. 168; Ш а н с к и й, вып. 5, стр. 160—161; В я ч. В. И в а н о в. Язык как один из источников этногенетических исследований и проблематика славянских древностей. «Советское славяноведение», 1973, № 4, стр. 70; E. V e n e n i s t e. Hittite et indo-europeen. Paris, 1962, p. 104.

⁷⁷ О. Н. Т р у б а ч е в. История славянских терминов родства..., стр. 35—47; Ф а с м е р, т. I, стр. 508; т. III, стр. 173, 453; т. IV, стр. 311, 330; Ф. Ф. К о п е ч н ы й. К этимологии слав. отрокъ. Этимология. 1966. М., 1968, стр. 54—60.

В праславянской лексике существовало также название для неравноправного человека, не связанного с системой семейно-родовых отношений: *sluga — «слуга». Семантика этого слова определялась значением «поддерживать, помогать»⁷⁸ и не содержала представлений о лишении личной свободы.

В социальных отношениях и терминологии праславянского общества зарождались или потенциально существовали те явления, которые с развитием производительных сил составят систему зависимых или лично свободных, не подчиненных категорий раннефеодальных славянских обществ. Таким образом, не только захват пленных, их продажа и эксплуатация, наряду с войнами, грабежами и контрибуциями, увеличивали имущественную и социальную дифференциацию у славян, но и начало внутреннего расслоения славянского общества.

Был еще один путь увеличения экономического могущества племенных вождей и знати, который также отражал начальные процессы ограничения участия свободных соплеменников в управлении. Как сообщал Тацит о германцах: «Есть обычай — племена, и кроме того каждый в отдельности, приносят вождям или скот или плоды, что, приносимое как почесть, служит также необходимым потребностям»⁷⁹. Видимо, этот источник, наряду с частыми войнами и грабежами, играл значительную роль в снабжении продуктами князей, знати и их дружин. Источники не сообщают о подобном институте податей со свободного населения у славян VI — начала VII в. Однако, как представляется, это произошло от недостатка источников о славянах и не отражает отсутствия самого института. Уже в праславянском языке отмечаются понятия *danь — «дань» и *darь — «дар», восходящие к и.-е. *dō — «дать». Они означали как добровольные дары, так и налоги. В X — XII вв. эти понятия использовались для обозначения податей не только с покоренных племен, но и со свободного сельского населения⁸⁰. Таким образом, можно предположить существование аналогичного института и на стадии «военной демократии» в VI — VII вв.

В известиях источников о славянах VI — начала VII в. вожди, рабы и простое свободное население выступают недифференцированной массой. Между тем праславянская лексика позволяет определить названия некоторых групп равноправного свободного населения и его организаций (изучение семьи и общины является темой особого исследования).

Общим обозначением свободного населения в праславянском обществе наряду с понятием *plemь было *ljudi, *ljudь⁸¹. Термин *možь — «муж» означал свободного мужчину, главу семьи, равноправного в общественных делах племени. Свободный земледелец назывался *smьrdь⁸².

⁷⁸ Ф а с м е р, т. III, стр. 676.

⁷⁹ Tac. Germ., XV.

⁸⁰ И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стлб. 627—632; Г. Е. К о ч и н. Материалы для терминологического словаря Древней России. М.—Л., 1937, стр. 80—82; М. Б. С в е р д л о в. Смерды в Древней Руси. «История СССР», 1970, № 5, стр. 71—75; SJS, seš. 9, s. 463—465; V. M a s h e k. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1968, s. 110. Ср. П. Н. Т р е т ь я к о в. Восточнославянские племена, стр. 176.

⁸¹ Ф а с м е р, т. III, стр. 583; О. Н. Т р у б а ч е в. История славянских терминов родства..., стр. 168—170; В. Я. Ч. В. И в а н о в. Язык как один из источников этногенетических исследований..., стр. 71.

⁸² Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь. М., 1953, стр. 242—247; Ю. В. О т к у п щ и к о в. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 137—138; ср. П р е о б р а ж е н с к и й, т. II, стр. 334—335; Ф а с м е р, т. III, стр. 685. Если принять предположение некоторых исследователей, что праслав. *smьrdь восходит к понятию «смердеть» — «вонь, смрад, вонять», в чем выразилось пренебрежение к крестьянскому труду, то тогда следует отнести начало приниженого положения земледельцев уже к периоду родоплеменного общества, что представляется модификацией общественных отношений.

От глагола *kupiti произошло во всех славянских языках слово «купец». Парное по значению слово *gostъ — «гость, чужестранец, купец» указывает на другую семантику слова, обозначающего приезжего из чужих земель купца⁸³. Слова, относящиеся к торговле: *torgъ, *platiti, *tovarъ, *сѣна, *сѣнити, *prodati, восходящие к периоду натурального обмена, и *vĕniti в значении «оценить, продавать»⁸⁴ свидетельствуют об относительно развитой торговле в праславянский период. В праславянском языке существовало общее понятие *remeslo или *remьstvo, сложная ремесленная терминология⁸⁵, что свидетельствует о процессе отделения ремесла от земледелия, однако общего термина для обозначения «ремесленника» нет. Это указывает на незавершенность данного процесса, на отсутствие в праславянский период социальной группы, основным занятием которой было ремесло.

Византийские авторы много писали о военных действиях славян, которые в конечном счете преодолели сопротивление Византийской империи и переселились на ее земли⁸⁶. Однако по этим известиям нельзя установить принципов организации славянского войска, которое часто представлялось как неорганизованные массы воинов. Сравнительно-исторические материалы и лексика праславянского периода позволяют предположить более сложную военную и соответственно общественную организацию.

Основной единицей военной организации славян был *voĭъ — «воин»; из воинов собиралось *voĭьско — «войско». Тацит сообщал о сотенной организации германского войска, причем, по его словам, название «сотня» потеряло буквальный смысл и «теперь стало названием и почетным именем»⁸⁷. И в праславянском языке было слово *съто, а также *desetъ и *tysotja/*tysetja. Эти слова восходят к индоевропейскому языку и, возможно, обозначали воинские и племенные подразделения. Данные языка и письменные источники позволяют проследить историю десятичной системы как формы социальной и военной организации в родоплеменном обществе германцев и в раннефеодальных государствах славян и германцев⁸⁸, что позволяет предположить существование сотенной организации у славян в период «военной демократии».

В известиях о славянах не упомянута также дружина. Правда, в рассказе Прокопия о Хилбудии есть косвенное сообщение о существовании вооруженных слуг у богатого славянина. Можно предположить, что если знатный человек имел подчиненную группу вооруженных людей, то у князя — главы племени — постоянно должна была существовать боевая

⁸³ Ф а с м е р, т. I, стр. 447; т. II, стр. 420—421; Ш а н с к и й, вып. 4, М., 1974, стр. 149—150.

⁸⁴ А. С. Л ъ в о в. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 161—164.

⁸⁵ О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

⁸⁶ А. К л и б а н о в. Боевой порядок у древних славян. «Исторический журнал», 1945, № 1—2, стр. 74—81; Щ. А т а н а с о в и др. Българското военно изкуство през феодализма. София, 1958, стр. 16—18, 27—29.

⁸⁷ Tac. Germ., VI.

⁸⁸ Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь, стр. 310—318; Н. Ф. К о л е с н и ц к и й. Эволюция раннефеодального областного и местного государственного устройства и рост вотчинной власти в Германии в IX — первой половине XII в. Средние века, вып. IX. М., 1957, стр. 149—153; Ю. В. Б р о м л е й. К вопросу о сотне как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века. В кн. История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, стр. 73—84; O. S c h r a d e r, A. N e h r i n g. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Bd. I. Berlin — Leipzig, 1917—1923, S. 468; Б. А. Р ы б а к о в. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси. В кн. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР, стр. 27—28.

единица для обеспечения безопасности племени и подтверждения реальной силы княжеской власти.

Тацит обстоятельно показал значение дружины в военной и политической жизни племен на последней стадии развития родоплеменного строя, состав дружины и кодекс ее военной чести, подробно описал ее образ жизни. Лексические материалы подтверждают предположение о существовании дружины в праславянский период. Этимология слова от *drugъ⁸⁹ указывает на первоначальный морально-этический характер отношений князя и дружинников, как и у германцев. Значение *drugou — «верный, сообщник, товарищ» отразило и.-е. *dhrēu, от которого произошла группа слов индоевропейских языков с тем же значением: «спутник, товарищ, совершать, добиваться, воевать, отряд воинов, свита»⁹⁰. В праславянском языке было также и другое название дружинника — *kъmetь, вероятно, заимствованное поздним праславянским из латинского comes — «спутник, товарищ»⁹¹.

Ф. Энгельс отметил большую роль дружины в возникновении королевской власти в родоплеменном обществе, а также морально-этические, военные и социальные стороны взаимоотношений князя и дружины в обществе «военной демократии» (на материалах известней римских авторов о германцах): «Военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя отряд жаждавших добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Он содержал и награждал их, устанавливая известную иерархию между ними; для малых походов они служили ему отрядом телохранителей и всегда готовым к выступлению войском, для более крупных — готовым офицерским корпусом»⁹². Эти наблюдения Ф. Энгельса полностью относятся к анализу материалов о славянских дружинах в эпоху Великого переселения народов⁹³. Таким образом, сведения письменных источников, сравнительно-исторические и лингвистические материалы позволяют отметить у славян VI — начала VII в. развитую систему общественных категорий и институтов родоплеменного общества. Определяющую роль в нем играли свободные члены общины. Они участвовали в управлении племенем, принимая решения на народном собра-

⁸⁹ Преображенский, т. I, стр. 197—198; Шанский, вып. 5, М., 1973, стр. 196—197.

⁹⁰ Фасмер, т. I, стр. 543; О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства..., стр. 172; E. Veneniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes, v. 1. Paris, 1969, p. 104—111.

⁹¹ Фасмер, т. II, стр. 261; ср. H. Schuster - Sewc. Zur Bezeichnung des Bauer..., S. 246—252.

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 193.

⁹³ И. И. Ляпушкин высказал предположение, что у славян в VI—VII вв. не было дружин. Основанием для этого послужили сведения о всеобщем вооружении славян, отсутствие данных о сражении в строю под руководством одного начальника (ср. противоположное мнение: Г. Цанкова - Петкова. Материалната култура..., стр. 341—344), отсутствие археологических материалов об имущественном расслоении (И. И. Ляпушкин отрицал принадлежность кладов VI—VII вв. славянам. И. И. Ляпушкин и н. Славяне Восточной Европы..., стр. 156—161). Однако он не учел всего комплекса сведений о князьях и знати у славян, неполноту известий византийских авторов о военном строе славян. Инвентарь захоронений не может ответить на вопрос о существовании дружины, так как, по наблюдению И. И. Ляпушкина, даже легкое оружие не клалось в захоронения этого периода (ср. общеславянские названия: оружие, копьё, лук, меч, праща, стрела, тетива, топор, чекан (из тюркского яз.), шит, шишак (вероятно, позднее заимствование из венгерского), брѳня (вероятно, позднее заимствование из германского) и др. (T. Z. Orłowski. Element prasłowiański..., s. 273—274; S. Radew a. Element prasłowiański..., s. 182—183). Вместе с тем И. И. Ляпушкин не обратил достаточного внимания на генезис дружины как социального института. Он полагал, вероятно, что в имущественном и социальном отношении дружинники сразу должны были быть противопоставлены простым свободным членам племени, и это должно было найти отражение в обряде и инвентаре захоронений, как произошло позднее в раннеклассовом обществе.

нии — вече. Они же составляли основную, вероятно, организованную в десятки, сотни и тысячи военную силу племени. Наряду с рядовыми членами племени и старейшинами, традиционным институтом родоплеменного общества, источники отмечают племенную знать, положение которой определялось военными заслугами или родством и богатством. Существовали также вожди племени — князья-рексы, которые избирались, видимо, из знати. Они пользовались влиянием в своем племени, но сведений о наследственности их власти нет. У князей были дружины, которые обеспечивали прежде всего безопасность племени и были реальной силой власти князя. Знатные имели вооруженных рабов. В славянском обществе отмечают рабы-пленники, которых продавали, использовали в течение ограниченного времени в хозяйстве или взымали с них небольшой оброк. Начались также процессы внутреннего расслоения, которые были связаны прежде всего с неравноправием младших членов семей и родов, а также прекращением связей с семейно-родовыми организациями и началом имущественного расслоения.

Развитые для родоплеменного общества отношения способствовали появлению в VII в. первых племенных объединений. В первой половине VII в. в западнославянских землях сложилось племенное объединение Само, которое распалось вскоре после смерти вождя. Во второй половине VII в. в Мезии существовал союз семи славянских племен. В результате вторжения протоболгар и последующего социального синтеза там сложилось Первое болгарское царство.

В рамках родоплеменного общества были еще резервы внутреннего развития: укрепление самостоятельности княжеской власти, усиление социальной и имущественной дифференциации — знати и дружины, с одной стороны, появление зависимых соплеменников — с другой. Это были процессы, которые вели к формированию классового раннефеодального общества.

Н. А. НЕПОРОЖНЯЯ

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В АНТИФАШИСТСКОМ РОМАНЕ МИХАЙЛО ЛАЛИЧА

Михайло Лалич — один из ведущих писателей современной Югославии. Почти все его романы — «Свадьба» (1950), «Ненастная весна» (1953), «Разрыв» (1955, 1969), «Лелейская гора» (1957, 1962), «Облава» (1960), «Ключья тьмы» (1970) — посвящены антифашистской борьбе и революции в Югославии. Подобно таким советским писателям, как В. Быков, Г. Бакланов, Ю. Бондарев и др., М. Лалич изображает остро трагические ситуации и прослеживает поведение персонажей в момент наивысшего напряжения их душевных сил.

Михайло Лалич принадлежит к тем художникам, которые утверждают богатство реалистического искусства. Манифестами реализма можно назвать интервью и выступления М. Лалича 60—70-х годов, где он, опираясь на свою художественную практику, касается ряда кардинальных проблем искусства: «Реализм — главное направление современной прозы», «Диалог о прозе», «Слово о Негоше» (выступление по поводу вручения М. Лаличу премии имени П. П. Негоша)¹ и др.

Писатель так характеризует взаимосвязь своих романов с реальными событиями: «Я принадлежу к тому поколению, которому стечением обстоятельств суждено было воевать, и, таким образом, я стал одним из свидетелей этой войны. Занимаясь писательским трудом — т. е. свидетельствуя, — я прежде всего стремлюсь к детальному познанию конкретной правды, во-вторых, эту конкретную правду углубляю, насколько мне удастся, ищу связь с общечеловеческим, с той правдой, высшей и более прочной, чем конкретная, с закономерностями общественными и психологическими»². Одной из самых важных проблем литературы, по мнению писателя, является ее идейная направленность. Неся моральную ответственность перед обществом, он не может пользоваться предоставленной ему в социалистическом обществе свободой «как какой-то личной привилегией. Даже если бы свои произведения он печатал за свой счет, а не за счет общества, писатель социалистической страны не может быть частным собственником — ведь он претендует на роль воспитателя социалистических поколений, а это ответственная и серьезная роль, не допускающая игры и легкомыслия»³. Такой усиленный акцент на общественной значимости писательского труда находит свою реализацию прежде

¹ M. Lalić. Realizam — matica savremene proze. «Književne novine». 1963, 28 VI, br. 200; е г о ж е. Dijalog o' prozi. «Savreménik», 1970, br. 11; е г о ж е. Reč o Njegošu. «Savreménik», 1963, br. 11.

² «Književne novine», 1963, 28 VI, br. 200, s. 10.

³ Ibid.

всего в творческой практике М. Лалича. Тенденциозность — один из характернейших признаков его творчества. Она проявляется и в диалектике конфронтации персонажей, и в философском осмыслении трагедии войны. Но поэтика М. Лалича исключает возможность однозначного, плакатного понимания тенденциозности. Большое значение писатель придает художественной форме, обогащению и усовершенствованию приемов и способов реалистического познания действительности, сложного внутреннего мира человека XX столетия. Поэтому главной причиной предубежденного отношения некоторой части югославских писателей к реализму Лалич считает упрощенчество: «Некоторые теоретики, а за ними и некоторые благонамеренные писатели, стремясь превратить литературу в послушное орудие революционной пропаганды, упростили реализм, свели его к самой поверхностной фактографической фиксации видимых и осязаемых явлений вокруг нас. Мечта из такого реализма исключена, страсти подменены одной единственной страстью политического убеждения, конфликты упразднены, сомнения и переживания устранены, разнообразие характеров сведено к поляризации героя и предателя. Я всегда был против такого упрощенного понимания — оно привело к компрометированию реализма и деградации литературы, оно дало повод некоторым декадентским течениям ожить, раздуться и увлечь литературу в совершенно противоположную сторону, в мистику и шарлатанские мистификации»⁴.

Эстетическое познание противоречий и контрастов — в человеке, обществе, природе, — по мнению М. Лалича, — постоянно идет по восходящей, поэтому художник не имеет права останавливаться ни на одной из ступеней достигнутого, ни на одной из форм изображения сложного и изменяющегося мира. Особое место автор антифашистских романов отводит роли психологического фактора, в частности проблеме реалистического отображения переживаний, галлюцинаций, подсознательных реакций человека на явления в мире, что тоже является, как утверждает писатель, «отсветами реальности». В своем последнем интервью, опубликованном в советском журнале «Вопросы литературы», югославский прозаик говорит: «Писатель не может пренебречь многообразными проявлениями человеческого сознания и психологии, — в них получает проявление действительность. Реалист, пренебрегающий отображением всего этого, на самом деле не является реалистом. Писатель, не принимающий во внимание глубинных психологических свидетельств, оставляет их модернистской стороне, спекулятивно их использующей»⁵.

М. Лалич отстаивает большие возможности художественного познания объективно существующей реальности и противопоставляет свою платформу писателя-реалиста как упрощенному взгляду на реализм, так и модернистскому агностицизму. Такая позиция писателя близка к позиции советских теоретиков литературы, которые утверждают, что «все вопросы, к какой бы сфере они ни относились, реализм учит решать, опираясь на знание действительности. Это скрытая, но необходимая предпосылка всякого реалистического творчества. Знать, чтобы решать, знать, чтобы действовать, знать, чтобы даже чувствовать!»⁶.

Углубленное осмысление событий войны, народно-освободительной борьбы и революции в свете опыта истории помогает писателю точнее определить своих героев в социальных параметрах. Особое место в утверждении эстетического и этического идеала человека занимают традиции черногорского народа, который, несмотря на трагические перипетии веко-

⁴ Ibid.

⁵ «Вопросы литературы», 1975, № 11, стр. 168.

⁶ В. Д н е п р о в. Проблемы реализма. Л., 1960, стр. 15.

вой борьбы за свою независимость, сумел сберечь и передать потомкам все лучшее, что отличало Черногорию в прошлом — мужество, стойкость, честность, трудолюбие. Героизм всегда был и, как подтвердил опыт второй мировой войны, остается ведущей, наиболее типичной чертой народного характера. При этом писатель на материале своих произведений показывает, что и к Черногории в полной мере относятся ленинские слова о двух нациях в каждой нации в условиях эксплуататорского общества.

Понятия героического и народного у М. Лалича тяготеют одно к другому, хотя народное само по себе еще не обозначает идеально-хорошего. Категория народного характера для писателя реализуется лишь в конкретных образах.

Определенные исторические обстоятельства — прежде всего вековая борьба Черногории за независимость — сформировали свою систему норм поведения человека. Не случайно сербский литературовед М. Еремич высказал мысль, что «в этическом кодексе Лалича существует лишь одно качество человека — героизм. Все другие — выводятся из него. Лишь герой может честь и свободу ставить выше своей жизни, тогда как для труса не существует большей ценности, чем собственная жизнь. Кто не оказывает злу решительного отпора, определенно теряет достоинство и честь, а очень возможно — и жизнь, о которой потом никто не будет и вспоминать»⁷. Вместе с тем уважение и любовь к народным традициям не затемяют у Лалича критического отношения к патриархальной отсталости Черногории.

Мастерски передавая эмоциональное напряжение подвига, особенно осязаемое в романе-трагедии «Облава», М. Лалич рисует настоящий героизм небольшой группы народных мстителей, павших жертвой четнической облавы, как свободное волеизъявление каждого, и именно в этом — источник оптимизма самых трагических страниц романа писателя. Эстетический эффект жизнеутверждения, гуманистический пафос величия и красоты подвига в романах М. Лалича включают в себя момент осознанного самопожертвования героев. Это, конечно, не означало, что коммунисты пессимистически относились к жизни, что им легко было расставаться со своей жизнью, как не означало и того, что герои-антифашисты в романах М. Лалича по-экзистенциалистски чувствовали бессмысленность существования перед лицом триумфа зла.

В романе «Облава» М. Лалич использует большой арсенал художественных приемов (объективное повествование, внутренняя речь, сновидения, галлюцинации и др.) для всестороннего раскрытия психического состояния героев, их мыслей и чувств перед смертью. Сложная гамма переживаний одного из смертельно раненных героев. — Вуле Маркетича — звучит как гимн жизни и как презрение к смерти. Чтобы не попасть живым в руки врага, Вуле принимает решение убить себя сам: «Живое во мне связано сотнями нитей с этим миром, который нужно оставить и в котором есть такое небо! Но хочет рука, и у нее есть свой разум, есть душа, свой безмолвный голос протеста, она дрожит, потому что ей даже подумать больно, что именно она должна все разом оборвать»⁸. Он собирает остатки сил, чтобы выкрикнуть во весь голос: «Тяжко умирать, люди! Но раз нужно, значит, нужно!» — и стреляет себе в висок.

Глубоко трагически звучит и предсмертный монолог старого крестьянина, партизана Душана Зачанина. Смерть для него перевоплощается в уродливую женщину по имени Тьма: «Ненавижу тебя, темная Тьма, убил бы тебя, если бы мог! Ты отвратительна, прожорлива... Ненавижу тебя

⁷ Д. М. Е р е м и ч. Прсти неверног Томе. Београд, 1965, стр. 227.

⁸ М. Л а л и ч. Облава. М., 1969, стр. 279.

за несправедливость, за то, что не знаешь порядка, выхватываешь вне очереди молодых...»⁹.

Коммунисты в романах М. Лалича знают, что идут в бой не на жизнь, а на смерть, знают, что «ни одна победа не дается бесплатно»¹⁰, знают, что революция «с кровью рождается»¹¹, но знают и то, что их подвиг процедируется в будущее, что герой продолжает действовать и там, где его физически уже нет.

Коммунист Нико Доселич (роман «Разрыв») постоянно ориентируется на своего приятеля Минё Билюрича, который в его представлениях совпадает с реальным воплощением идеала человека и коммуниста. Билюрич был для него человеком, от которого «идут невидимые лучи, они прорываются через дали пространства, времени».

Это осознание коммунистами перспективы своих деяний составляет решающий компонент гуманистической концепции человека в романах М. Лалича. В деятельности коммунистов побеждает конструктивное начало. Антифашистская борьба представляется им не борьбой против абстрактно трактуемого зла: для югославских коммунистов движение Сопротивления (как и в других европейских странах) было направлено против конкретного социально-политического зла — фашизма — и непосредственно сливалось с революцией. В этом и состоял творческий, созидательный характер борьбы югославских коммунистов-антифашистов.

Партизаны желают смерти врагам и убивают их, защищая жизнь, отстаивая право честных людей жить и работать. Народных мстителей угнетает необходимость убивать, но в уничтожении врага они видят свой священный долг перед народом.

М. Лалич в своих произведениях последовательно проводит идею, что настоящая гуманность, настоящая любовь к человеку возможна лишь рядом с ненавистью к оккупантам. Не имеют права на существование ни абстрактная любовь к человеку, ни фашистский расизм, направленный на тотальное уничтожение «расово неполноценных» народов, так глубоко сатирически разоблаченный в образе Чазима Чоровича (роман «Облава») с его фашистскими апокалиптическими фантазиями.

Для героев романов Лалича — и коммунистов, и простых крестьян-черногорцев, воспитанных в народных традициях высокой морали, — важно не только физически уничтожить врага, но и обезвредить его идеологически. Характерная деталь: народные мстители, убивая врага, открыто говорят ему о причинах мести.

В романе «Свадьба» Тадия Чемеркич устраивает вместе с крестьянами засаду, чтоб казнить четников за их преступления. Один из крестьян, старый Заро Горичич при этом преследует еще одну цель: он мстит за племянника-коммуниста, своего единственного потомка, которого собственноручно расстрелял четник Вешкович: «Горичича не могла удовлетворить молчаливая месть, не мог он позволить своему врагу умереть внезапной, быстрой и легкой смертью. Он должен был вначале окликнуть его, предупредить, что час его настал, и объяснить почему, вызвать раскаяние, особенно горькое у гробовой черты»¹².

В романе «Облава» коммунист Гавро Бекич думает о предсмертном часе своего ярого врага, родственника Филиппа Бекича, представляя его как разговор, в котором бы он, Гавро, выложил Филиппу причину мести, на-

⁹ Там же, стр. 361.

¹⁰ М. Л а л и ч. Раскид. Београд, 1969, стр. 369.

¹¹ Там же, стр. 241.

¹² М. Л а л и ч. Свадьба. М., 1964, стр. 305.

помнил ему о его злодеяниях перед народом, о его издевательствах над невинными мусульманами.

Как резкий контраст этому рисует Лалич зверское поведение фашистов, для которых важнее не кого казнить, а сколько.

Глубоко трагична картина садистского издевательства четников над отцом и сыном Недичами в рассказе Лалича «Пустая земля». «Убийцы не очень спешили, сама смерть для них не представляла удовольствия, больше их привлекал предсмертный страх и муки жертв». Когда отец — Сретко Недич — стал молить преступников о пощаде, уверяя их в своей невиновности, они цинично заявили: «Это коммунисты спрашивают, справедливо ли. Всегда они ищут какую-то правду. А мы ее делим возле таких вот буков».

В своих произведениях на военную тему М. Лалич солидаризируется с советскими писателями, понимающими любовь к человеку, по удачному высказыванию А. Бочарова, как «гармонию гуманистического права жить и гуманистического долга убивать тех, кто угрожает твоей родине, твоему народу, тебе самому»¹³.

Так, и этическое и эстетическое в гуманистической концепции человека М. Лалича выступает неразрывно связанным с идейными взглядами, которые определяют его поведение и выбор пути в критической ситуации.

М. Лалич не только воспевае героинку антифашистской борьбы, но и стремится разобраться в поведении людей в тяжкие периоды движения Сопротивления, когда нередко его участникам приходилось сражаться в одиночестве. Все романы Лалича (за исключением «Облавы») можно условно назвать романами одного героя, а в «Ненастной весне», «Разрыве», «Лелейской горе» и повествование ведется от имени главного персонажа.

Сам факт изображения человека, в силу сложившихся обстоятельств вынужденного продолжать борьбу в одиночестве, его переживаний, сновидений, мучительной борьбы с самим собой некоторым югославским критикам послужил поводом для толкования романов Лалича «Лелейская гора», «Облава» как произведений экзистенциалистских. Но при более глубоком анализе текста становится очевидным, что концепция человека у М. Лалича существенно отличается и даже полемически противостоит концепции экзистенциализма¹⁴.

Если герои произведений писателей-экзистенциалистов находят выход для себя в отчуждении от ненавистного им общества в личном противостоянии миру зла, то герой романа «Лелейская гора» коммунист Ладо Тайович, который вынужден определенное время сражаться один, видит смысл своего существования в борьбе с врагом ради нового, социалистического общества, осознавая себя при этом частицей коллектива единомышленников: «Коммунисты мы тогда, когда собираемся вместе, а в одиночку человек не может быть коммунистом»¹⁵.

Понимая важность вопроса о творческом методе М. Лалича, сербский критик Милош И. Бандич затрагивает его уже на первых страницах своей книги «Михайло Лалич: Рассказ о человеческой храбрости», подытожившей многие интересные наблюдения исследователя.

Но метод М. Лалича остается для М. Бандича загадкой, кажется ему «парадоксальным», в позиции писателя ему видится проявление «упрям-

¹³ А. Б о ч а р о в. Человек и война. М., 1973, стр. 67.

¹⁴ Этот вопрос рассматривали советские ученые: Н. Б. Я к о в л е в а. Социалистическая концепция личности и современный роман. В кн. Герой художественной прозы (Социалистические страны Европы). М., 1973, стр. 276—285; Г. Я. И л ь и н а. «Чтишь, поэт, свой долг?» «Иностранная литература», 1975, № 5. А. Б о ч а р о в. Человек и война, стр. 67.

¹⁵ М. Л а л и ч. Лелейская гора. М., 1968, стр. 260.

ства». Исходя из того, что по мнению некоторых югославских литераторов реализм является понятием и признаком художественной поверхностности и духовной нищеты»¹⁶, М. И. Бандич выводит Лалича за пределы реализма, утверждая, что «по своему темпераменту он не является реалистическим писателем: сдержанная фантазия „Лелейской горы“ и проза „Облавы“, объединяющая аллегорию и кошмарную реальность, указывают на преодоление им реалистической схемы»¹⁷. Но и сам писатель к такому «реализму» себя не причисляет, ратуя за более глубокое понимание реалистического метода. Чувствуя уязвимость своей позиции, Бандич уходит от решения вопроса о том, каков же метод Лалича и предлагает компромиссное решение: «Будем ли мы его (Лалича. — Н. Н.) называть реалистом, модернистом или как-нибудь иначе — не имеет никакого значения. Такая литература всегда и везде называется одинаково: хорошая литература. Или большая литература»¹⁸. В последующих работах¹⁹ Бандич проявляет большую терпимость к реализму и не отрицает его в произведениях Лалича.

Противоречиво освещение вопроса о художественном методе М. Лалича и в одном из недавних югославских исследований «Романы М. Лалича» Радомира В. Ивановича²⁰, хотя автор и посвящает ему одну из глав: «Творческий метод» («Стваралачки поступак»).

Р. В. Иванович признает, что «картина революции в романах Лалича точно воспроизведена благодаря реалистической взаимосвязи действительности и метода, которым она отображена»²¹, правильно отмечает, что «сновидения, сложные психологические реакции героев в романах Лалича проявляются всегда в органической связи с реальностью»²², но при этом, как и М. И. Бандич, исходя из узкого понимания сущности реализма, эволюцию мастерства Лалича Р. В. Иванович усматривает прежде всего в трансформации реализма в «реализм фантастический» или реализм «мифологический» и т. п. «Для нас является самым важным тот факт, — пишет исследователь, — что сон сделал возможным преодоление традиционного реалистического метода. Из чистого реализма писатель переходит в формы фантастического реализма, разрушает границы между ними и открывает возможность для неканонизированного усовершенствования искусства слова»²³.

Симптоматично, что центральной проблемой в творчестве М. Лалича Р. В. Иванович считает одиночество и даже называет роман «Лелейская гора» «симфонией человеческого одиночества». Р. В. Иванович рассматривает факт одиночества абстрагированно, лишая его конкретного наполнения. Для него поэтому однозначны одиночество коммуниста Ладо Тайовича и четнического прислужника фашистов Рико Гиздича (роман «Ключья тьма»). Исследователь считает роман «Ключья тьма» «продолжением в творчестве писателя темы одиночества»²⁴. Между тем писатель последовательно и откровенно противопоставляет характер поведения и эмоций

¹⁶ М. Ј. В а н д и ć. Mihailo Lalić: Povest o ljudskoj hrabrosti. Titograd, 1965, s. 22.

¹⁷ Ibid., s. 23.

¹⁸ М. Ј. В а н д и ć. Ibid., s. 23.

¹⁹ М. Б а н д и ћ. «Распид» М. Лалића: тема, структура, верзије. «Летопис Матице Српске», Нови Сад, 1970, књ. 406, св. 1.

²⁰ Р. В. И в а н о в и ћ. Романи Михаила Лалића. Београд, 1974.

²¹ Там же, стр. 153.

²² Там же, стр. 109.

²³ Там же.

²⁴ R. I v a n o v i ć. O-usamljenosti u Lalićevim romanima. «Savremenik», 1974, бр. 2.

одинокого коммуниста и одинокого четника, столь тесно связанных с их общественными взглядами, убеждениями.

Одиночество Ладо Тайовича в «Лелейской горе» вынужденно, герой-коммунист в своих размышлениях осознает обреченность одинокого человека, мечтает о встрече с партизанами. Гиздич физически не одинок: он почти все время находится со своими вчерашними подчиненными, но он глубоко одинок душевно, морально.

Идея коллективизма является ведущей уже в первом романе Лалича «Свадьба». Отважный Тадия Чемеркич организовал с товарищами побег из четнической тюрьмы. И первой его мыслью — едва он почувствовал себя свободным — была мысль о необходимости создать свой коллектив: «Надо всех собрать... В одиночку пропадешь, сообща надо действовать. Мне бы хоть двух-трех товарищей найти, да и за одного дорого дам, потому что плохо, когда человек один. Один в поле не воин. Если бы мог человек жить без товарищей, он бы волком звался. Да и волк хоть раз в году, а взвоет от одиночества, — значит и волку одному тошно»²⁵.

Поэтизация коллектива как необходимого залога успешной борьбы с врагом, как единственной среды, где человек может реализовать свой этический и эстетический потенциал, является важнейшей составной частью концепции человека в произведениях Лалича.

В контрастном изображении героев-партизан и их преследователей (роман «Облава») ощущается полемика с экзистенциалистскими теориями, согласно которым каждый человек строит свой отдельный, отчужденный от коллектива мир в себе. М. Лалич развивает концепцию человека в коллективе, причем таком, где он по-настоящему раскрывает свои возможности, где он находит основу для утверждения себя как равноправного индивидуума.

Характерно употребление Лаличем в тексте произведений лексем «друштво» и «гóмила» для обозначения групп коммунистов и четников. Такая дифференциация в названии социально противоположных группировок мотивируется авторским пониманием коренного различия в принципах объединения партизан и четников. М. Лалич называет общность партизан — «друштво» (общество, коллектив), отмечая этим, что партизанское объединение — это коллектив, основанный на принципах сотрудничества, взаимопомощи, морали, близкой коммунистам. Члены этого коллектива входят в него как равноправные личности, и здесь существуют определенные возможности для реализации их индивидуальных способностей. Выбор пути — в прямом и переносном смысле — делают сами члены этого коллектива, а понимание партизанами объективной необходимости народно-освободительной борьбы гарантирует в пределах такого коллектива высокий уровень свободы личности, развитое чувство коллективизма.

Полной противоположностью является «гóмила» (толпа) четников, объединенная чувством мнимого коллективизма. Здесь человек выступает не как полноценная личность, а как слепой исполнитель определенной функции. Главари четников (Рико Гиздич, Филипп Бекич и др.) понимают, что толкают их на преступление против народа. Прикрывая свои подлые действия демагогическими фразами о нации и народе, они стремятся насильем подавить всякую попытку подчиненных им четников задуматься над бурными событиями войны и революции, попытку выделиться из толпы. М. Лалич доказывает, что вследствие этого индивидуальные особенности четников нивелируются, они теряют способность осознавать себя как личность, несущую ответственность перед народом.

²⁵ М. Л а л и ч. Свадьба, стр. 269.

Человек человеку враг там, где нет благородной цели, объединяющей людей, где нет общности взглядов, где нет такого общественного идеала, ради которого стоит идти на жертвы. При этом М. Лалич подчеркнуто четко связывает своих героев со временем и пространством, а проблема взаимоотношений человека и коллектива находит у югославского писателя социально-психологическое, конкретно-историческое решение.

М. Лалич анализирует неизбежность распада четнической толпы. В романе «Облава» он символически сопоставляет чувства и поведение четников и партизан после окончания облавы. Поиздевавшись над мертвыми партизанами, толпа четников распадается, делится на группы, которые в ссоре между собой выражают свое недовольство: одни — результатами облавы, другие — предчувствием неминуемой расплаты. «Пребывание в коллективе, в стаде, ничего хорошего не принесло, и потому их инстинктивно тянуло рассориться, раздробиться, разойтись, вернуться к одинокому существованию, снова стать быдлом, свободным от воспоминаний и лишенным дара предвиденья. Они кричали и в то же время чувствовали, как тонки связывающие их общественные узы, как быстро они рвутся»²⁶. М. Лалич показывает, как в толпе четников действовала взаимоотнооталкивающая сила, и противопоставляет четнической внутренней разобщенности чувство коллективизма коммунистов. Писатель тонко передает чувства, охватившие коммунистов Ладу Тайовича и Шаку Челича, когда они вырвались из окружения: «Они посмотрели друг на друга, все еще без слов, и им стало жаль друг друга. Вернулось что-то из прошлого: они тут, рядом, части одного и того же организма, правая и левая рука, им есть на кого положиться, есть на кого опереться, по крайней мере, можно думать не только о себе. Их связывает прошлое, а после общего нового рождения они почти близнецы; они нужны друг другу в том неясном грядущем, в которое вступили, чтобы не оставаться одним, чтобы не казаться смешными самим себе, чтобы не сойти с ума от одиночества и колебаний на том пути, на который они вступили прежде, чем узнали его бесконечные излучины. Ощущение несокрушимой верности и малая толика молчаливой любви, заменившие им в этот тяжкий час все прочие товарищеские отношения и клятвы, несколько подбодрили их. Даже усталость стала немного меньше и боль слегка утихла. Страх же и раньше не очень им мешал — в течение всего дня он постепенно таял, пока не исчез совсем...»²⁷.

Произведения М. Лалича — это высокохудожественный синтез правды истории и памяти сердца, личного опыта писателя, это углубленное осмысление событий в свете опыта истории. Гуманизм М. Лалича — действенный, жизнеутверждающий, социалистический — находит конкретное проявление в активной борьбе за счастье людей, за счастье сегодня и за счастье завтра. Положительный герой антифашистских романов М. Лалича утверждает себя в конкретно-историческом соприкосновении с действительностью, демонстрирует четкость гражданского, идейного, духовного самоопределения, осознает ответственность за свои поступки перед обществом и историей.

²⁶ М. Л а л и ч. Облава, стр. 369.

²⁷ Там же, стр. 371—372.

О. М. БЕЛОЗЕРОВА

ЙОЗЕФ ГРЕГОР ТАЙОВСКИЙ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В СЛОВАЦКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

На рубеже XIX—XX вв. словацкая литература интенсивно углубляет реалистический метод художественного обобщения действительности. Выдающуюся роль в развитии словацкого реализма в начале XX в. сыграло творчество Йозефа Грегора Тайовского (1874—1940)¹. Подобно своим соотечественникам, начинавшим активную творческую деятельность на рубеже 80—90-х годов XIX в. — Л. Надаши-Еге, Л. Подъяворинскому, Тимраве, Я. Есенскому и другим творцам так называемой второй волны словацкого реализма, — Тайовский в довоенный период разрабатывает малые прозаические жанры — преимущественно рассказ, которому он нередко придает черты очерковой зарисовки, портрета, эскизной «картинки с натуры». В 1900—1914 гг. у него вышло несколько сборников рассказов, каждый из которых свидетельствовал о качественно новой ступени в развитии словацкого реализма.

Вклад Й. Г. Тайовского в развитие словацкой литературы может быть понят и по достоинству оценен только в связи с творчеством его непосредственных предшественников и современников, особенно Мартина Кукучина и Тимравы, как творческое продолжение их традиций, художественных открытий и достижений.

Кукучин сумел отразить особенности склада мышления и образность языка простого народа. Писатель говорил об этом: «Манеру писать, думаю, я подхватил из уст самого народа»². Он сознательно стремился придать своим произведениям демократический характер, используя, в частности, лексические пласты живой народной речи.

Новаторским для словацкой литературы было стремление Кукучина «перейти от описания характера к его анализу»³. Наиболее заметно оно в психологических портретах героев рассказов 1885—1892 гг. («Рекруты», «Мишо», «Непробужденный»).

Вводя в литературу реальный крестьянский мир, рассматривая его как основу нации, открыв здесь типы, представлявшие многими гранями словацкий национальный характер, Кукучин подчинил всю совокупность средств художественного изображения национально-патриотической тенденции, утверждению морально-нравственных норм народного бытия.

¹ Общие сведения о Тайовском см. в «Истории словацкой литературы». М., 1970, стр. 277—288.

² Цит. по сб. «Kukučín v kritike a spomienkach», Bratislava, 1957, s. 29.

³ J. N o g e. M. Kukučín tradicionalista a novátor. Bratislava, 1962, с. 74.

Вплотную подошел он и к аналитическому изображению социально-психологических процессов, сопутствующих проникновению в деревню капиталистических отношений, но истолковал их как «посторонние», не затрагивающие основ здоровой крестьянской природы, народного национального характера.

Мастерство реалиста, художественное чутье и чувство меры не позволяли писателю создавать сусальные образы идеализированных представителей простого народа, лишённые каких бы то ни было отрицательных черт и человеческих слабостей. Однако отрицательные стороны бытия и характера простого человека писатель старается смягчить теплой улыбкой, подчеркивая и выделяя такие черты его природы, как трудолюбие, выносливость, взаимная выручка, на которых зиждется крестьянский «мир» и его здоровые морально-нравственные устои, способные противостоять губительному влиянию извне, помогающие человеку сохранить в себе то лучшее, что определяет словацкий национальный характер.

Многие его произведения посвящены изображению губительной власти денег, растлевающего влияния имущественного неравенства на моральный облик человека, разлагающей власти собственности. Эта проблема затронута в рассказах «Непробужденный», «Тени и свет», «Конец и начало» и в особенности — «Вот умрет дядюшка из Хохолева» и повести «Dies igae». И все же определяющим моментом решения всех конфликтов остается вера в гармонизиющую силу добра, в здоровую природу простого человека, в его способность исправляться и возрождаться. Возможность выхода из конфликтных ситуаций писатель ставит в зависимость от нравственного облика персонажей, переводит рассмотрение социальных проблем в сферу морали, основываясь на нравственных критериях и оставаясь во всех случаях преимущественно критиком нравов.

Изображению жизни простого деревенского люда посвящены и многие произведения Тимравы. Но если Кукучин старается запечатлеть образ жизни и быта простого крестьянина, взаимоотношения в простонародной среде, а при изображении состояния героев пользуется преимущественно авторскими пояснениями, разъяснениями, описаниями, то у Тимравы интерес в основном сосредоточен на преломлении действительности в восприятии героев, на их внутреннем психологическом мире; в ее произведениях заметно стремление предоставить слово самим героям, тщательно скрыть присутствие автора.

Впервые в словацкой литературе писательница использует для психологической характеристики художественную выразительность того приема, который много десятилетий спустя литературоведы назовут внутренним монологом. Тенденциозность автора отнюдь не прямолинейна — писательница очень тактично, всем ходом событий подводит читателя к самостоятельным выводам. И лишь в редких случаях концовки ее рассказов («Семья Канатки», «Смерть Палё Рочки», «Деспот») содержат открыто выраженный элемент правоучительности.

Тимрава отвергла идеализацию в духе Кукучина и выступила как бескомпромиссный критик общества. Она представила яркую картину жизни словацкого общества и словацкой деревни во всех ее прослойках, с глубоким пониманием взаимосвязи таких категорий, как социальное и нравственное. Ей удалось уловить и отразить характерное в психологическом облике своих героев, поставив его в зависимость от общественных условий. Будучи прямой преемницей Кукучина, воспринявшей его уроки, она пошла дальше своего учителя. Тимрава во многом интуитивно нащупывала пути к диалектическому пониманию человеческой природы с ее внутренними противоречиями, с заметными элементами эволюции. Почти всегда в характерах ее героинь намечается перспектива развития, пришедшая

на смену статичному, не обнаруживающему на протяжении произведения какой-либо динамики характеру персонажей Кукучина.

В национальном простонародном типе, открытом прозой Кукучина, Тимрава обнаруживает большое и глубокое общечеловеческое содержание. Именно оно делает ее героинь (по преимуществу Тимрава разрабатывает именно женские образы) представителями страждущей части человечества. В ее критике нравов почти совсем отсутствует национальный аспект, зато тем сильнее проявляется гуманистический пафос. Проницательно уловив диалектическую взаимосвязь между характером и социальными условиями жизни, писательница выступает в защиту человеческого достоинства, свободы проявлений духовного богатства личности, возможности самостоятельно определять свою судьбу, быть творцом своего счастья.

Первые сборники рассказов Тайовского как будто не выходили за рамки сложившейся традиции деревенской прозы ни по своей тематике, ни по выбору героев. И тем не менее, современный словацкий литературовед И. Кусы расценивает даже дебют этого писателя как заметную веху в истории словацкого реализма. «Тайовский вступает в литературу на втором этапе реформаторских усилий нового поколения реалистов и является тем автором, который, опираясь на опыт своих современников, увидел иной мир»⁴. Этим миром были демократические слои деревни и города.

Уточняя определение И. Кусы, можно было бы сказать, что Тайовский не столько увидел иной мир, сколько увидел его иначе. Острота социального видения, социальный угол зрения определили облик творчества этого писателя и поставили его особняком среди представителей второй волны словацкого реализма.

Никто до него в словацкой литературе не писал так правдиво и так сурово о беспросветной доле мужика. Его герой, как правило, жертва капиталистического строя, в условиях которого неизбежно деформируется и искажается его нравственный облик. Писатель взывает к чувству справедливости, он полон сострадания к обездоленным, возмущен социальным строем, порождающим такие явления. В отличие от своих предшественников он направляет острие своей критики против несправедливого общественного устройства, которое определяет облик современной Словакии. Социальная тенденциозность его произведений очевидна и в отборе материала и в стремлении обнажить отрицательные моменты национального бытия, вскрыть язвы словацкого общества, вызвать у читателя чувство возмущения, боли за поруганного человека — простого словацкого труженика.

Пафос обличения — определяющее начало творчества Тайовского, и в этом смысле о нем можно говорить как о новаторе, поднявшем социальный анализ и критику словацкой действительности до уровня общечеловеческого значения.

Демократизм и народность характеризуют творчество Тайовского с самых первых шагов в литературе. Его ранние рассказы — «Подпасок» (1900), годом позже написанный рассказ «Ростовщик» и последовавшие за ними рассказы «Мацо Млеч» (1903), «Апольена» (1903) и др. — отмечены четкими, глубокими и критически заостренными характеристиками обстоятельств, героев и конфликтов.

Трагедия Зузы в рассказе «Подпасок» возникает на почве социального неравенства. Она бедна и не может быть парой своему возлюбленному из более богатой семьи. В «Ростовщике» представлены едва ли не все те, кто

⁴ J. K u s ý. Vývinové miesto Tajovského predvojnovaj prózy. «Slovenská literatúra», 1970, № 2, s. 181.

угнетает деревенский люд: нотар⁵, староста, корчмарь, сборщик податей, богатый хозяин. Многие годы не платит хозяин батраку в рассказе «Мацо Млеч», как бы даже не догадываясь, что его батрак тоже заслуживает человеческой, а не скотской жизни. Страшно забита и бесправна девочка-служанка Апольена в одноименном рассказе. Один только труд от зари до зари, чтобы прокормить детей, видел в своей жизни простой, честный человек, крестьянин из рассказа «До конца».

«Социально мотивированы и судьбы последующих персонажей в творчестве Тайовского», — пишет словацкий исследователь его творчества⁶.

Нужда и голод заставляют бедную женщину ради нищенского заработка идти в праздничную ночь присматривать за детьми в богатой семье, а ее собственные в это время спят одни в нетопленной хате («Горький хлеб»).

От рассказа к рассказу накапливаются в творчестве Тайовского те качественные признаки, которые позволили словацким литературоведам отнести его творчество к этапу критического реализма в словацкой литературе. Правда, в период творческого становления писателя (конец 90-х, начало 900-х годов) проза Тайовского не лишена противоречий. Временами давали себя знать слабые стороны словацкого «будительства», его либерально-буржуазной идеологии. В некоторых рассказах Тайовский как бы покидает почву социального анализа, и тогда его критика, например алкоголизма, теряет четкий ориентир, скользит по поверхности, не вскрывая социальных корней явления («Что его убило», «Чтобы отвыкли»). Но подобные произведения являются все же довольно редким исключением из ряда тех, которые положили начало новому этапу развития словацкого реализма.

Углублению критических и обличительных тенденций в творчестве Тайовского в значительной степени способствовало воздействие русской литературы. Словацкие исследователи этой проблемы собрали большой материал для сравнительно-сопоставительного анализа и убедительно доказали, что Толстой и Чехов были для него главными авторитетами на литературном поприще⁷. Авторы советской «Истории словацкой литературы» не без основания отмечают, что стремление Тайовского к беспристрастному свидетельству, к документальной точности в изображении социального быта, психологического облика персонажей, бытовых деталей «в какой-то степени типологически роднит его творчество с прозой таких русских писателей, как Г. Успенский, Помяловский и др.»⁸.

Продолжая эти наблюдения и сопоставления, нельзя не отметить идейную близость Тайовского к русским и украинским революционным демократам, крупнейшим теоретикам критического реализма в русской и украинской литературах — Чернышевскому и Ивану Франко. Особенно заметна она в изображении народа и отношении к многообразным сторонам социального угнетения и самим угнетателям. Франтишек Вотруба еще в 1909 г. заметил: «Его писательским кредо стало стремление заглянуть в душу народа, а не описывать национальный костюм. Свои задачи в литературе он понимает иначе — как человек, по-настоящему преданный

⁵ Нотар в старой Австро-Венгрии — один из представителей исполнительной государственной власти на местах, наделенный широкими полномочиями.

⁶ J. Kusý. Ibid., s. 182.

⁷ S. Lesňáková. Cesty k realizmu (J. G. Tajovský a ruská literatúra). Bratislava, 1974; K. Rozenbaum. Tajovský a Tolstoj. Sb. «Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku». Bratislava, 1960.

⁸ А. П. Соловьев. А. Йозеф Грегор Тайовский. «История словацкой литературы», стр. 280.

народу, свою принадлежность к нации он понимает в духе Ивана Франко, как ответственный и важный долг»⁹.

Еще более прямые сходства обнаруживаются в самом изображении народа у Тайовского и ближайших последователей Ивана Франко — Василя Стефаника, Леся Мартовича. Конечно, при этом не надо забывать, что «Тайовский — оригинальная творческая индивидуальность, как в контексте национальной литературы, так и в сравнении с русскими (а равно и украинскими. — О. Б.) писателями»¹⁰. Исходные принципы в изображении народа, сложившиеся у русских и украинских писателей под прямым воздействием общественно-политической и эстетической программы русских революционных демократов, близки и творчеству Тайовского.

В рассказах «До конца», «Желобки», «Тайные богачи», «Соседский поросенок», «Домой», созданных, в основном, в период между 900-м и 1904 годом, да и в последующих произведениях «Матушка Пуосткова», «Рабочая книжка» Тайовский акцентирует внимание на светлых сторонах и духовном богатстве простого народа, показывая их при этом не только как атрибуты национального характера, а как достоинства людей труда.

Тем более вызывает доверие критика Тайовского в адрес той же среды, героев того же социального положения. Нет сомнения, что когда он показывал некоторых из них покорными до рабологии, даже не осознающими своего унижения и бесправия, он руководствовался таким же истинным пониманием народных интересов, каким руководствовался Н. Г. Чернышевский, о котором В. И. Ленин писал: «Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: „жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы“. Откровенные и прикровенные рабы — великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения»¹¹.

Несомненно, такой же любовью к родине были продиктованы критические портреты смиренных, покорных героев Тайовского. К. Розенбаум справедливо отмечает, что творчество Тайовского необходимо оценивать в соответствии с тем, насколько правдиво и полно, с каких позиций он отобразил жизнь своего народа, чем способствовал развитию словацкой литературы, а следовательно, и в соответствии с тем, как он относился к революционным силам, возникавшим в обществе.

Однако некоторые суждения К. Розенбаума нуждаются в существенных коррективах. Так, например, верно отмеченное им у Тайовского восприятие традиций предшественников не лишает нас права, как кажется, несколько иначе взглянуть на вопрос о новаторстве Тайовского.

Конечно же, творчество Тайовского создавалось не на пустом месте, всеми своими корнями оно связано с традициями национальной словацкой литературы. И тем не менее, внимательное изучение идейных и эстетических позиций писателя приводит к убеждению, что острота и пафос социальной критики поставили его творчество на новый уровень по сравнению со всем тем, что было сделано в словацкой литературе до него.

Его творчество знаменует собой освобождение словацкой литературы от сентиментально-романтических иллюзий. Ностальгические сожаления по поводу невозвратно уходящей патриархальной деревни сменились

⁹ F. V o t r u b a. Vybrané spisy. Bratislava, 1954, s. 96.

¹⁰ S. L e s ň á k o v á. Cesty k realizmu, s. 49.

¹¹ В. И. Л е н и н. О национальной гордости великороссов. В сб. «В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1969, стр. 107.

критикой всего старого и рабского, тормозящего развитие духовной и общественной жизни человека и народа.

Традиционные для словацкой прозы темы он освещает под новым углом зрения, позволяющим острее представить социальные проблемы, придать реализму черты большей критичности. Конкретнее становится и адрес критики. Писатель обвиняет представителей буржуазной национальной верхушки в преднамеренном стремлении держать словацкий народ в темноте и бесправии и наживаться на его бедах. Тайовский говорил об этом и как общественный деятель, и как художник. Одну из своих политических статей он начинает такими словами: «Стало правилом, что где бы ни ступил „хотарник“ (адм. должность), там попирается свобода личности. Сколько людей они изничтожили в Зогоре и Бардейове... Бесчинства, которые они творят, не имеют себе подобных...». А в рассказе «Стремниной» (1905) Тайовский представляет настоящее исследование причин и следствий почти безграничного господства нотаров в селе и зависимости от них крестьян: «Нотар в словацком крае всюду большой пан. Он держит в руках всю округу», «диктует на выборах», «хитростью и коварством нотар подчиняет себе все село и сосет из него кровь, пускает по миру не одну семью».

Разоблачениям губительной власти старост, адвокатов, нотаров, корчмарей посвящены все рассказы Тайовского. Идеалистическая вера Кукучина в возможность гармоничного сосуществования различных классов, богатых и бедных, на основе соблюдения патриархально-нравственных заповедей, сменяется в творчестве Тайовского острой критикой представителей эксплуататорской верхушки. Тайовский видит в них виновников и пособников тех многочисленных бед, которые не дают словацкому народу поднять голову, ведут ко все большему обнищанию народных масс, превращают крестьянина в неимущего с «рабочей книжкой», у которого уже нет своего дома, корней, связывающих его с земледельческим трудом и тем, что всегда было так важно для крестьянина — земель. Они разоряют его и толкают на эмиграцию.

Страшное проклятие Словакии — отъезд значительной части населения на заработки в Америку, не оставило равнодушным ни одного словацкого писателя. Тайовскому удалось и к этой теме подойти по-новому. Если для героев Тимравы (рассказ «Тот край, что манит») Америка — это страна, в которую не стоит ехать потому, что не так уж в ней хорошо, как думают несведущие и обманутые, то для Тайовского важно другое — прежде всего социальные причины эмиграции. Здесь его анализ не только внешних обстоятельств, но и психологии крестьянина достигает новых глубин и остроты социальных обобщений, благодаря чему его рассказы, написанные после 1904 г., превосходят не только достижения его предшественников и современников, но и уровень его собственного творчества 1900—1904 гг. Рассказы «Начало конца», «Стремниной», «Двенадцать душ», посвященные этой теме, звучат как обвинение в адрес социального строя, который держит словацкого крестьянина в темноте, отдает его в неограниченную власть нотарам и банкам, одинаково беспощадным в трудную для крестьянина минуту.

Рассказы Тайовского о словацкой эмиграции в Америку — значительная веха в истории словацкого реализма. А в общей истории реализма в славянских литературах их можно поставить в один ряд с такими значительными произведениями, как повесть В. Короленко «Без языка», рассказ Василя Стефаника «Каменный крест» и цикл стихотворений Ивана Франко «В Бразилию».

Рассказы об эмиграции составляют в творчестве Тайовского лишь часть общей картины разорения словацкого крестьянства и обнищания неиму-

щих слоев городского населения. Эмоциональное воздействие этой картины близко по силе и средствам художественной выразительности живописи русских передвижников, рассказам и очеркам Глеба Успенского, Чехова, Ивана Франко, Василя Стефаника. Неотвратимость совершающегося процесса разорения, беспомощность тружеников перед его беспощадностью, отчаяние, бесплодность усилий противостоять несчастью — такова логика большинства сюжетов в рассказах Тайовского, густо насыщенных терпкими эмоциями, нередко трагическими переживаниями.

Все это звучит сквозь горькие слезы письма, которое в рассказе «Скрываемся...» пишет бедная крестьянка мужу, два года назад уехавшему в Америку. Герой рассказа «Довольный» спасается от голода и нищеты в тюрьме. На воле честным трудом «не выжить, не прокормиться, не одеться...».

Героиня рассказа «Выпали из гнезда» уходит в монастырь, чтобы облегчить жизнь родителям и их многодетной семье. Лишения уже довели ее до чахотки, и в монастыре ей в сущности остается только умереть.

Вечный страх перед нищетой вывернул наизнанку все человеческое в столяре Бечко («Мастер Бечко»). Он морит голодом сыновей, непосильной работой загоняет в могилу жену, во время эпидемии торгует на базаре гробами, вызывая не понятный ему ужас у людей.

У Тайовского в художественном решении этой темы есть и другие аспекты и другие интонации. Они-то и позволили критикам еще в те времена назвать его словацким Горьким, справедливо усматривая отзвуки горьковского гуманизма в изображении людей, скатившихся на социальное дно, или близких к такому падению. Изображая этих людей, Тайовский поднимает голос в защиту человеческой личности, акцентирует внимание на тех ее достоинствах, которые особенно контрастно оттеняют несправедливость, бесчеловечность социального строя, социального неравенства и угнетения. Рассказ «Матушка Пуосткова» (1909) один из характернейших в этом ряду. Все в нем подчинено критической идее глубокого социального значения. Все внимание сосредоточено на аналитико-психологическом портрете одного лица, на его судьбе. Рельефно выписанные детали внешнего ряда («необычайно высохшая, маленькая», руки «детские», говорит «тихим робким голосом», «озадаченно смотрит») служат психологической характеристике героини. Внешние события, фабульные коллизии как бы отсутствуют и вместе с тем рассказ производит впечатление подлинной трагедии.

Подчеркивая высокие моральные достоинства этой простой женщины, говоря о ее трудолюбии, чувстве долга, умении сострадать ближнему, о ее долготерпении и необыкновенной честности, автор тем не менее видит и оборотные стороны этого характера, против которых он восставал и пытался искоренить в своем народе. Это забитость, униженность, рабская покорность судьбе, покорность, уничтожающая чувство собственного достоинства и не дающая простому человеку распрямиться, понять, что и он тоже человек.

Однако адрес его обвинения — все-таки общество, социальное устройство, убивающее в человеке человеческое, унижающее его достоинство.

Изображение драматических, а иногда и трагических превратностей судьбы пауперизованного крестьянства и городской бедноты тесно связано в некоторых рассказах Тайовского с картинками из жизни первых поколений словацкого рабочего класса. Внимательный взгляд писателя-реалиста отмечает, как одних разорение толкает в тюрьму, гонит с протянутой рукой на улицу, других — на фабрику.

В рассказе «На хлеб» (1909) изображен отец семейства, доведенный до отчаяния, до униженной просьбы о ссуде на хлеб для голодных детей.

В этом рассказе, кажется, впервые в словацкой литературе звучит слово «фабрика», впервые возникает ее зловеший образ, чтобы снова и снова появляться в качестве страшной приметы нового времени, как в рассказах об эмиграции словаков в Америку, так и в картинах жизни самой Словакии.

Тайовский первым из словацких писателей показал процесс возникновения в Словакии новой категории труженика — фабричного рабочего. Ему удалось представить фабрику как неизбежный этап в жизни словацкой бедноты и реалистически показать положение словацкого рабочего, отданного в полную и бесконтрольную власть фабричного начальства (рассказ «Мишо»), и условия его труда, изнурительного, плохо оплачиваемого и не дающего устойчивого положения.

Но, пожалуй, первым в словацкой литературе Тайовский увидел и другую категорию фабричных рабочих, осмелился показать сознательного представителя рабочего класса (в рассказе «Памятник») и открыто встать на сторону этого рабочего, которого в селе называют «социалистом» и который не скрывает своего возмущения существующими порядками: «ругает старосту за то, что против бедных держится с панами, священника за то, что только о собственном брюхе печется, а учителя называет мертвяком за то, что не на родном языке детей учит...».

Не следует преувеличивать значения этого, в сущности эпизодического, образа — писатель был еще далек от понимания основного конфликта действительности; буржуазия и пролетариат еще не выступают в его произведениях как центральные противодействующие этого конфликта, а главное — самому этому конфликту он еще не придавал решающего значения для установления новых, справедливых социальных отношений. И все же, само по себе обращение к таким образам было прогрессивным и первооткрывательским явлением для словацкой литературы того времени; оно свидетельствовало о том, что социальная направленность творчества Тайовского была связана с освоением передовых освободительных идей.

Не поднявшись до идеологии пролетарского демократизма, Тайовский связывал надежды на утверждение демократических принципов в Словакии, главным образом, с сознательной общественной деятельностью словацкой интеллигенции, с ее активностью в деле борьбы за освобождение народа. Вот почему одной из основных во втором периоде его творчества стала проблема взаимоотношения интеллигенции и народа, вернее, интеллигенции и крестьянства. Тайовский открыл в этой теме для словацкой литературы новые критические, обличительные аспекты. Он видел глубоко пропасть между народом и интеллигенцией: народ относился к интеллигенции с недоверием, судил о ней преимущественно по тем ее представителям, которые принимали участие в политике, в деятельности государственного аппарата угнетения, отрекались от своего словацкого происхождения, становились «мадьяронами», стремясь таким образом пробиться в «паны» (рассказы «Из Чадца в город», «Тяжкий бой», «Пан сын» «Сочельник»).

Известная ограниченность и непоследовательность взглядов писателя временами притупляла остроту его критики, ослабляла реализм некоторых его произведений. Этим объясняются мало убедительные развязки рассказов «Сочельник», «Письмо», где заблудшие герои раскаиваются и подают надежды на самоисправление. Этим можно объяснить и преувеличенную оценку «малых дел» будителей словацкого национального самосознания в рассказе «Умер Томашик», где с большим авторским сочувствием воспет распространитель словацких газет и книг, торгующий ими на улицах, даже в убыток себе.

Но не эти произведения характерны для Тайовского в годы, овеянные дыханием первой русской революции, отмеченные подъемом освободительного движения во всей Европе. Исследователи творчества Тайовского справедливо отмечают, что в этот период созданы «наиболее зрелые и наиболее художественные» его произведения. Без этих произведений, без всего созданного Тайовским до начала первой мировой войны, невозможно составить верное представление о месте его в истории словацкой литературы, в развитии словацкого реализма.

Произведения Тайовского, сумевшего синтезировать в своем творчестве лучшее, что дала демократическая проза первой волны словацкого реализма, представленная творчеством Тимравы, Л. Надаши, Подьяворинской, Есенского, знаменовали новый этап реализма в словацкой литературе. В лице Тайовского словацкая реалистическая проза подходит к изображению действительности с сугубо социальных позиций, подчиняя этой цели все приемы и средства. Материал действительности отобран и художественно типизирован в соответствии с глубоко критической идеей, направленной на вскрытие несправедливости существующих общественных порядков, вопиющего беззакония, уничтожающих в простом человеке не только чувство собственного достоинства, но и вообще осознание себя как личности, как человека.

В творчестве Тайовского задачи социальной критики не противопоставляются общенациональным задачам, с которыми мы встречаемся в произведениях Кукучина. Это был новый уровень подхода к общественным явлениям, пронизанный критикой с классовых позиций, стремлением пробудить общественное сознание своего народа, возбудить в нем чувство протеста против существующей несправедливости.

Для «предшествующей словацкой прозы народ был предметом умиления, ценностью, которую надо беречь от неизвестных пока опасностей капитализма, потому что этот народ опора и надежда национального освобождения»¹². Тайовский первым в словацкой литературе показал, что «нравственные каноны словацкой деревни разрушены»¹³.

Тайовский-реалист изображает с критических позиций не только тех, кого он считает повинным в народных бедах, не только эксплуататоров, но и тех, ради кого он живет и творит.

Простой крестьянин, забытый, обездоленный, вышвырнутый из привычных условий существования, лишенный человеческого достоинства и того, что было смыслом его жизни — земли, становится человеком без корней, без стержня, без морали. Фабрика — единственное, что ждет обездоленного крестьянина. Но и тут его подстерегает та же нищета, те же оковы тьмы и бесправия.

В творчестве Тайовского была высказана исчерпывающая правда о словацком народе в современную писателю эпоху, положен безоговорочный предел всем иллюзиям об автономности словацкого национального коллектива по отношению к социальным процессам капиталистического развития. Писатель убедительно вскрыл необратимость этих процессов, поскольку они затронули само основание, сердцевину традиционного патриархального крестьянского бытия — труд, столетиями определявший здоровый нравственный облик деревни. Труд в условиях капиталистических отношений стал унижительным, поработачивающим, губительным для человека. Разрушен и второй оплот простонародного бытия — коллективизм, трудовая солидарность. Классово-имущественные преграды способствовали разрушению не только деревни, былого общинного «мира»

¹² J. Kusý. Ibid., s. 181.

¹³ Ibid., s. 184.

(уход в города) и нации (эмиграция за океан), но и последней ячейки общества — семьи.

Верный жизненной правде, Тайовский еще не представляет нам рабочего, осознавшего себя единицей сформировавшегося класса и вставшего на защиту своих прав. Для этого в Словакии еще не настало время; рабочий класс только начал формироваться и ряды его пополнялись жертвами обнищавшей деревни. Тайовский показывает нам лишь первых рабочих; недавних крестьян. Это обращение к проблемам пауперизации деревни и рождения нового класса имело прогрессивное значение для словацкой реалистической литературы, поставило ее на тот уровень, на котором о ней уже можно было говорить как о литературе, отражающей наиболее актуальные явления социальной действительности, как о литературе, близкой по своим художественным и идейным задачам передовым явлениям в западных и восточноевропейских, особенно в русской, литературах.

Частично сопоставительный анализ словацкой литературы с другими литературами уже осуществлен в работах словацких ученых. Почти не затронутым остался еще один аспект — сопоставление с украинской литературой, особенно с той ее ветвью, которая развивалась на землях Западной Украины. «Из украинских прозаиков на словацкую литературу наибольшее влияние, — справедливо замечает Иван Кусы, — оказывали Иван Франко и Василь Стефаник»¹⁴. Общность исторических судеб и задач, вставших перед словацким и украинским народами на рубеже двух веков, формировали некоторые типологические сходства в развитии реализма и в их литературах, и открывали путь для взаимодействия обеих литератур.

Обобщая наблюдения, изложенные в данной работе, можно сделать вывод, что Тайовский был представителем критического реализма в словацкой литературе. Сравнительно-типологическое сопоставление его творчества с русской и украинской литературой критического реализма может дать более полное и глубокое представление о том, какое место занимает писатель в развитии своей национальной литературы.

¹⁴ J. K u s ý. Ibid., s. 18.

В. И. СКУПСКИЙ

СПОРНЫЕ СЛУЧАИ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО В ЕВАНГЕЛЬСКИХ КОДЕКСАХ

1. В классическом древнегреческом, по правилам которого родительный самостоятельный (далее — РС) был полностью независимым от остальной части предложения, какая-либо возможность неясных или спорных абсолютных оборотов исключалась; в новозаветном греческом эти правила нарушаются очень часто, и возникают такие — невозможные с точки зрения классических норм — РС, которые находятся в некоторой грамматической зависимости от сказуемого. Славянские дательные самостоятельные (далее — ДС), употребляемые на месте таких РС, тоже характеризуются аналогичной неполной самостоятельностью и таким же неполным соответствием классическим нормам. Распространение в славянских текстах ДС, которые характеризуются частичной зависимостью от сказуемого, а потому отклоняются от классических норм, было связано и с некоторым различием между греческим и славянским синтаксисом. Дело в том, что в роли сказуемых, к которым относятся греческие РС, чаще всего употребляются глаголы, которые могут иметь при себе зависимый дат., а род., как правило, они не управляют; в связи с этим относительная синтаксическая независимость греческих РС, даже если эти обороты и отклоняются от классических норм, является совершенно очевидной. Но на с л а в я н с к о й почве, где соответствующие глаголы тоже, как правило, управляют дат. и дат. же падежом оформляется абсолютный причастный оборот, позиционная самостоятельность соответствующих оборотов нередко ослаблена. Подобного рода ДС могут появляться в славянских текстах и на месте других греческих синтаксических конструкций, кроме РС. В результате всего этого в с л а в я н с к и х текстах имеется много ДС, частично зависящих от сказуемого, и это является одним из проявлений специфики славянского ДС по сравнению с абсолютными причастными оборотами других языков, особенно древнегреческого. По традиции эти причастные обороты в дат. относят к ДС; однако такая трактовка определяется не столько их позицией по отношению к глаголу-сказуемому, сколько соответствием греческому РС (иногда — дат. или вин. самостоятельным). В некоторых случаях это соответствие установить трудно; в связи с этим встречаются такие причастные обороты в дат., которые одними исследователями могут трактоваться как ДС, а другими — как зависимые дат. Из сказанного следует, что вопрос о спорных случаях абсолютного причастного оборота является невозможным в классическом древнегреческом и практически неактуален в новозаветном; но по отношению к славянскому ДС он является весьма важным, так как составляет часть актуального вопроса о специфике славянского ДС.

Несмотря на это, спорные случаи славянского ДС не привлекли еще должного внимания ученых. Хотя ДС посвящена обширная литература и им постоянно интересуются еще со времен М. Смотрицкого, вплоть до недавнего времени примеры его обычно использовались лишь в иллюстративных целях. Для этого подбирались, как правило, наиболее ясные образцы. В 1934 г. Я. Станислав привел в своей работе все случаи ДС, выявленные им в старославянских памятниках¹. Позднее ДС в старославянских евангельских кодексах был подвергнут разбору в специальной работе Л. Нечасака². Случаи Мт XXVI, 7, Мк XVI, 12, 14 и Л XVII, 7, которые (без специальной аргументации) рассматриваются Я. Станиславом как ДС, Л. Нечасек считает зависимыми дат., лишь внешне напоминающими собою ДС³, а случай Ио V. 13 (которого Я. Станислав не указывает) он относит к числу так называемых связанных ДС⁴. Так возник спор о синтаксической природе каждого из упомянутых оборотов. Эти разногласия нашли затем некоторое отражение в последующей литературе.

Л. Нечасек привел убедительные доказательства того, что причастный оборот в дат. в Мк XVI, 12 является зависимым⁵, причастный же оборот в Мк XVI, 14 разобран в специальной статье⁶. Остальные три оборота, т. е. те, которые содержатся в Мт XXVI, 7, Л XVII, 7 и Ио V. 13, не получили еще достаточно обоснованного объяснения. Им и посвящается настоящая статья.

Неубедительность существующих трактовок каждого из этих трех мест связана с неполнотой материала, к которому обращаются исследователи. Славянские источники ограничены у них, как правило, лишь старославянскими памятниками. Что же касается греческих источников, то авторы по традиции опираются лишь на искусственно реконструированные тексты, представленные в различных критических изданиях. Таким образом, при трактовке указанных спорных случаев ДС совсем не учитываются показания церковнославянских и оригинальных греческих кодексов. В литературе давно уже обращается внимание на то, что явления синтаксиса старославянских памятников не могут быть удовлетворительно объяснены без учета показаний широкого круга церковнославянских источников⁷. Известно также, что в исследованиях по старославянскому языку

¹ J. Stanislav. *Dativ absolutný v starej cirkevnej slovančine*. «Byzantinoslavica», V, 1933—1934, s. 1—112.

² См. Л. Нечасака. *Staroslověnské dativní vazby participiální a jejich předlohy v řeckém textu evangelíí*. «Slavia», XXVI, 1, 1957, s. 13—30.

³ См. Л. Нечасака. *Ibid.*, s. 13, 17.

⁴ *Ibid.*, s. 14.

⁵ *Ibid.*, s. 13.

⁶ Б. И. Скупский. Об одном спорном случае дательного самостоятельного. Сб. научных сообщений (филология). Дагестанский гос. ун-т им. В. И. Ленина. Махачкала, 1971, стр. 168—187.

⁷ См. J. Kurz. *Problematika zkoumání syntaxe staroslověnského jazyka a nastin rozboru významu částic i, a a pod. v konstrukcích participiálních vazeb s vrstíými slovesy*. «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků». Praha, 1958, s. 90, 95; И. Курц. *Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка*. В сб. *Исследования по синтаксису старославянского языка*. Прага, 1963, стр. 7, 13, 14; е г о ж е. Роль церковнославянского языка как международного (литературного) языка славян. IV Международный съезд славистов, т. II. Проблемы славянского языкознания. М., 1962, стр. 134; е г о ж е. Выступление. Там же, стр. 265—266; А. Д о с т а л. Выступление. Там же, стр. 155 и 266—267; К. Н о г á л е к. О засадách výberu textů pro excerpte staroslověnského slovníku a o rozsahu této excerpte. «Slavia», XXIV, 1, 1955, s. 126; Д. Б. Богдан, Л. П. Жуковская, J. Kurz, А. С. Львов, Р. М. Цейтлин. [Какъв трябва да бъде кръгът от паметници...]. Славянска филология, т. I. Отговор на въпросите за научната анкета по езикознание. София, 1963, стр. 7, 8, 9—10, 10—11, 11—12; ср. также: Г. Б и р н б а у м. К методике выделения синтаксических грецизмов в старославянском языке. IV Международный съезд славистов, т. I. София, 1963, стр. 10—11.

руководствоваться искусственно реконструированными греческими текстами нецелесообразно, а следует привлекать оригинальные греческие памятники⁸. Исходя из этого, ниже учитываются показания старославянских, церковнославянских и оригинальных греческих евангельских кодексов. Поскольку явления славянского перевода могут варьироваться в зависимости от типа евангелия, в качестве славянских и греческих источников нами используются не только четвероевангелия, но и краткие и полные апракосы; при отборе полных апракосов обеспечено представительство их важнейших типологических разрядов. В числе церковнославянских источников представлены их различные изводы; в числе греческих представлены различные редакции (рецензии) и типы рукописей. Славянские источники ограничены возрастом до XIII—XIV вв., греческие — до XIII в. включительно⁹. Кроме славянских и греческих источников, учитываются также явления латинского и готского переводов¹⁰.

2. Мф XXVI. 7: греческие кодексы: а) *καὶ κατέχευεν αὐτοῦ ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ ἀνακειμένον* — Иа-85; б) *καὶ κατέχευεν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ ἀνακειμένον* — К-61, К-75, К-92, К-1027, К-177, К-179, К-55, К-86, К-87, К-88, Ис-56, Ис-848, Ис-76, Ис-1016, Ис-8371, Иа-93, Иа-94, Иа-168, Иа-286, Иη-337, Иη-183, Иη-203, Иη-5254, Иη-288, Иη-346, Ил-1054, Ил-1033, Ил-109, Ил-173, Ил-1211, Иф-830, Иф-167, Иф-1096, Иф-190, Иф-1091, Иф-1098, Иф-1094, Иф-1023, Иф-1216, Иф-287, Иф-1289, Иф-1260, Иф-1266, Иф-253, Иф-309, Иф-3015, Иβ-121, Иβ-1178, Иβ-1043, Иβ-350, Иβ-1350, Ио-90, Ио-129, Ис-1132, Ис-207, Ис-1226, Ис-351, Ис-377, Ик-84, Ик-71, Ик-73, Ик-1089, Ик-1121, Ик-285, Ик-291, Ик-1225, Ик-1250, Ик-294, Ик-1206, Ик-384, Ик-1390, Иг-1083, Иг-1020, Иг-398, Иг-1341, И-70, И-95, И-96, И-178, И-192, И-247, И-243, И-8260, И-370, И-371, И-1386, И-1317, Греч. 55 129в и 130в¹¹, Греч. 669, Б I № 5 198г-199а и 199г, Б I № 2 303а и 307а, Греч. 69 318а-б и 321г-322а (И-1246 *αὐτοῦ τῆς κεφαλῆς ἀνακειμένου*; славянские кодексы: а) и *кзвмиѣ на глакж его кзвзежащцсѹ емѹ* — Ас, Врач, Пут 34 (Дбрѣш глакж иссѹ); б) *и кзвмиѣ на глакж его кзвзежащцга* — Зогр, Мар, Гал, Тип, Мак, Пог 150 об., Мст 141в, Пант 175б; в) *и кзвмиѣ на глакж юмоу кзвзежащцсѹ* Остр 152г и 155г, Хв, Тырн, Ник, Арх 89 и 92 об., Пог 151 об., Боян 46 и 47, Пут 70 об., Юр 1726, № 104

стов..., стр. 250; е го же. Выступление. Там же, стр. 277—278; е го же. Общеславянское наследие и иноязычные образцы в структурных разновидностях старославянского предложения. В сб. *American contributions to the Sixts International Congress of Slavists. Prague, 1968, August, s. 7—13. V. I: Linguistic contributions.* Mouton, 1968, p. 30—34; R. R ů ž i ě k a. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen.* Berlin, 1963, S. 5—6.

⁸ См. M. Weingart. *Vatroslav Jagić: Zum altslavischen Apostolus... [рецензия]. «Slavia», № 1, 2—3, 1922, S. 416—420; А. С. Л ъ в о в. Варьирование средств выражения в памятниках старославянской письменности. «Вопросы языкознания», 1974, № 6, стр. 88—90.*

⁹ Перечни использованных здесь славянских и греческих источников не выходят за пределы тех списков, которые приведены в опубликованных ранее статьях. Принимаемые здесь условные сокращения для греческих и славянских источников соответствуют тем обозначениям, которые приняты в тех же работах. Необходимые справки см. в работах: В. И. С к у п с к и й. Там же, стр. 184—187; е го же. Причастие в именительном на месте предиката дательного самостоятельного в славянских евангельских текстах. *«Studia palaeoslovenica...».* Praha, 1971, стр. 314—316; е го же. Об одном греческом соответствии славянского дательного самостоятельного. *НДВШ. Филологические науки, 1973, № 4, стр. 56—57; е го же. Славянский перевод Л XXIII, 45. «Slovo», № 23, Zagreb, 1973, s. 119—122.*

¹⁰ По изданиям (соответственно): A. M e r k. *Novum Testamentum graece et latine*, ed. 8. Roma, 1957; H. G a b e l e n t z et Dr. J. L o e b e. *Veteris et Novi Testamenti Versionis gothicae fragmenta...*, I. Lipsiae, 1843.

¹¹ В апракосах (греческих и славянских) указание на лист рукописи содержится лишь в тех случаях, если определенное место (евангельского текста) представлено более одного раза (т. е. в составе различных чтений).

138б и 140б, Холм 130 об. и 132 об., Гал-апр 130в и 132а (Деч, Шаф, Евс 79в и 81в, Мст 139в, Юр 174а, Добр 212 а и 215а, Вук, Сим 125в и 127в его кзвзлежацсy); лат. перевод: *et effudit super caput ipsius recumbentis* (иногда *recumbente ipso*).

Это место (причастный оборот в дат.) в старославянских кодексах давно интересует ученых. Я. Станислав высказал сомнение, является ли вариант Остр ДС, и склонен был считать его обычным дат.¹² Л. Нечасек принимает во внимание только вариант Остр и решительно считает его зависимым дат., применным, равнозначным дат. в за слово жентъ съвѣдѣтельствкѹишги (И IV.39) и и стгвръзѣ очѣ слѣпоу рсждѣноу (И IX.32)¹³. П. Илчев, не различая вариантов Ас и Остр, высказывается противоположно, говоря, что едва ли можно считать эти дат. притяжательными; при этом он склонен видеть в употреблении формы дат. падежа стремление славянских редакторов употреблять ДС там, где его не было в первоначальном переводе¹⁴. Согласно Р. Ружичке, вариант Ас (и др.) с ДС образовался на месте первоначального зависимого дат. посессивного¹⁵; следует заметить, что этот случай является у него важнейшим примером, подтверждающим его положение о близости ДС и зависимого дат. посессивного; указанное же положение, в свою очередь, служит важнейшим аргументом, которым Р. Ружичка обосновал свою гипотезу о закономерности трансформации греческого РС в славянский ДС. Как видим, трактовка причастного оборота в дат. в Ас (и др.) имеет для Р. Ружички важнейшее значение для объяснения генезиса славянского ДС. Таким образом, варианты Ас, Врач и др. и Остр, Хв, Тырн и др. трактуются по-разному, причем у П. Илчева и особенно у Р. Ружички с трактовкой варианта Ас связаны теоретические положения, имеющие важное значение для объяснения славянского ДС.

Вариант Зогр, Мар, Гал и др. представляет собою совершенно ясный род. зависимый (присубстантивный); другие трактовки его неизвестны и невозможны. Что же касается вариантов с причастным оборотом в дат., представленных у нас в Ас, Врач и др. и в Остр, Хв, Тырн и др., то здесь следует видеть два существенно различных варианта: в Ас, Врач и др. представлен род. присубстантивный его, в связи с чем причастный оборот в дат. может здесь рассматриваться как ДС; в Остр, Хв, Тырн и др. нет род. присубстантивного, в связи с чем следует полагать, что причастный оборот в дат. выполняет здесь функцию зависимого дат. присубстантивного, соответствующего род. присубстантивному большей части греческих кодексов (а также того варианта, который представлен в Зогр, Мар и др.). На основании этого следует считать необоснованным неразличение П. Илчевым вариантов Ас, Врач и др. и Остр, Хв, Тырн и др.

Вариант Остр, Хв, Тырн и др. с достаточным основанием можно считать зависимым дат. присубстантивным (синонимичным род. присубстантивному, представленному в варианте Зогр, Мар, Гал и др.), как это вытекает из трактовок Я. Станислава, Л. Нечасека и др. Такое толкование данного варианта может быть подкреплено наличием в большей части греческих кодексов варианта с род. присубстантивным (К-61, К-75 и др.), которому одинаково соответствуют славянские род. и дат. присубстантивные. Правда, указанный здесь греческий причастный оборот в род. *αὐτοῦ ἰαμαχημένου* сам по себе является двузначным, как и славянский причастный оборот в дат. в Остр и др., потому, что он в принципе может понимать-

¹² См. J. Stanislav. Ibid., s. 44.

¹³ См. L. Nečásek. Ibid., s. 17.

¹⁴ См. П. Илчев. За спецификата на старобългарския *dativus absolutus*. «Български език», XIII, 3, 1963; стр. 218.

¹⁵ См. R. Růžička. Ibid., S. 268.

ся и как род. зависимый, и как РС. Однако то обстоятельство, что этому греческому варианту полностью соответствует славянский вариант с род., представленный в Зогр, Мар и др., а также латинский перевод с род. *irsius recumbentis*, который может толковаться только как присубстантивный род., свидетельствует, что этот греческий причастный оборот в род. понимался древними (латинскими и славянскими) переводчиками как зависимый род. присубстантивный. Полное соответствие варианта, представленного в Остр, Хв, Тырн и др., греческому варианту с род. присубстантивным свидетельствует о том, что этот славянский вариант следует рассматривать только как зависимый дат. присубстантивный, а не как ДС.

В варианте Ас, Врач и др., где имеется род. присубстантивный его, наличие дат. с аналогичной функцией представляется невозможным. В связи с этим следует считать правдоподобной трактовку Р. Ружички, согласно которой причастный оборот в дат. в Ас является ДС. Однако предложенное Р. Ружичкой объяснение этого варианта недостаточно убедительно. Ориентируясь на такой греческий текст, где в этом месте представлен зависимый род. присубстантивный (ср. у нас вариант в К-61, К-75 и др.), Р. Ружичка возводит этот ДС — через посредство зависимого причастного оборота в дат. в варианте Остр. и др. — к греческому род. зависимому присубстантивному. Но для сопоставления с таким греческим вариантом нет достаточных оснований. В числе привлекаемых нами оригинальных греческих источников есть один кодекс, где употреблен совершенно бесспорный РС, — Иа-85 (знаменитый Кодекс Безы). С учетом этого больше оснований полагать, что вариант с ДС возник не на славянской почве, а в соответствии с греческим вариантом с РС, представленным в Иа-85. Отсюда следует, что важное теоретическое положение о близости славянского ДС к зависимому дат. присубстантивному и связанная с ним гипотеза о закономерности трансформации греческого РС в славянский ДС являются неубедительными. С другой стороны, возведение ДС в Ас и др. к РС в Иа-85 позволяет несколько иначе определить историю различных славянских вариантов, чем это представляли себе П. Илчев и Р. Ружичка. Значительное количественное преобладание род. и дат. зависимых и в церковнославянских и в старославянских кодексах должно свидетельствовать о том, что в первоначальном переводе в Мт XXVI, 7, вероятно, ДС не было, а был употреблен один из указанных зависимых присубстантивных падежей — род. или дат. Больше оснований полагать, что здесь фигурировал дат. зависимый, так как этот падеж явно преобладает в наших источниках. Но этот дат. был недостаточно выразителен, так как мог восприниматься и как ДС. Позднейшие редакторы стараются исправить это место. Одно из исправлений выразилось в том, что дат. зависимый заменяется род. зависимым. Эту замену следовало бы считать удачным исправлением первоначального перевода, так как в результате сохраняется полное соответствие греческому оригиналу и в то же время устраняется та двусмысленность, которой характеризуются здесь славянский причастный оборот в дат. и греческий причастный оборот в род.; то обстоятельство, что род. присубстантивный преобладает в четвероевангелиях и представлен в Зогр и Мар, дает основание предполагать, что замена дат. присубстантивного род. присубстантивным произошла при редактировании первого славянского текста четвероевангелия. Другое исправление выразилось в том, что зависимый дат. заменяется ДС; следует полагать, что славянский редактор, недовольный этим местом в первоначальном переводе, нашел подходящий для него греческий вариант, представленный в Иа-85. Поскольку вариант с РС ограничен только этой греческой рукописью, можно предполагать, что именно она и явилась тем непосредственным об-

разцом, по которому был исправлен здесь первоначальный перевод¹⁶. Однако возможно и иное объяснение: поскольку ДС содержится только в апракосах, он мог здесь появиться еще в первоначальном переводе; в этом случае следовало бы предполагать отклонение первоначального перевода от оригинала — рукописи К-редакции — и непосредственное влияние на него рукописи иной редакции, например Иа-δ5; появление же здесь род. и дат. присубстантивных можно было бы в таком случае отнести за счет позднейших редакционных исправлений по рукописям К-редакции (поскольку вариант с род. зависимым содержится в обоих старославянских четвероевангелиях, логично было бы предположить, что он возник еще при редактировании первоначального славянского текста четвероевангелия).

3. Л XVII, 7: греческие кодексы: а) Τίς δὲ ἐξ ὑμῶν δοῦλον ἔχων ἀροτριῶντα ἢ ποιμαίνοντα ὃς εἰσελθόντος αὐτοῦ ἐκ τοῦ ἀγροῦ ἐρεῖ αὐτῷ — Иа-050 (Иа-286 нет ἐκ τοῦ ἀγροῦ); б) ... ὃς εἰσελθόντα ἐκ τοῦ ἀγροῦ ἐρεῖ — Ит-1211, Ит-218, Греч. 71, Греч. 16 104г и 107г, Греч. 17, Б I № 5 (Ит-368 ἐρεῖ αὐτῷ нет δὲ); в) ... ὃς εἰσελθόντι ἐκ τοῦ ἀγροῦ ἐρεῖ — К-61, К-75, К-92, К-94, К-1027, К-177, К-179, К-1126, К-55, К-86, К-87, К-88, Ис-014, Ис-δ6, Ис-76, Ис-δ371, Иа-133, Иа-168, Иа-93, Иа-168, Иη-183, Иη-288, Иф-δ30, Иф-1096, Иф-190, Иф-1091, Иф-1098, Иф-72, Иф-1094, Иф-287, Иф-1289, Иф-1260, Иф-253, Иф-309, Иф-3015, Иф-δ362, Иβ-121, Иβ-1178, Иβ-1043, Иβ-350, Иβ-1349, Ио-90, Ио-1279, Ио-1222, Ио-270, Иσ-1132, Иσ-1226, Иσ-351, Ик-δ4, Ик-71, Ик-73, Ик-1089, Ик-1121, Ик-285, Ик-291, Ик-1225, Ик-1250, Ик-294, Ик-1206, Ик-384, Ик-329, Ик-1390, Иг-77, Иг-1083, Иг-398, Иг-1341, И-70, И-95, И-96, И-1246, И-247, И-δ260, И-371, И-1385, И-1354, И-1317, Греч. 55, Греч. 669, Греч. 504, Б I № 2, Греч. 69 (Ис-δ1, Ис-δ2, Ис-δ48, Ис-1016, Иа-337, Иη-δ254, Иη-203, Иη-1341, Иη-346, Ис-1054, Ит-1033, Ил-19, И-178, И-192, И-1353, 'ερεῖ αὐτῷ; Иа-δ5, δὲ ἔχων ὑμῶν δοῦλον, μὲ ἐρεῖ αὐτῷ; другие несущественные отклонения не оговариваются); г) ... ὃς εἰσελθόντι αὐτῷ ἐκ τοῦ ἀγροῦ, ἐρεῖ — Ис-376; славянские кодексы: а) Кстеран же¹⁷ отъ кагъ рѣчь емю — Зогр; б) ... иже пришедшию емю съ сѣла речетъ емю — Ас, Остр, Сав, Гал, Арх, Мак, Пог, Боян, Пут, Евс. Мст, Юр, Мир, Дбр, Вук, № 104, Мил, Холм, Сим, Гал-апр. (Хв, Ник кто; Дбрйш и вместо иже, речет ли; Тырн или, и пришедшию; Деч или; Шаф нет емю; в некоторых рѣчь и другие несущественные отклонения); в) ... иже пришедшию съ сѣла речетъ (т. е. нет емю, нет емю) — Мар, Тип (В речетъ емю); лат. перевод: Quis autem vestrum habens servum arantem aut pascentem, qui regresso de agro di cat illi (в части кодексов — aut oves, dicit, dicit); готский перевод: was ban izvara skalk aigans arjandan aibbau haldandan. saesi atgaggandin af haibjai qibai.

Вариант Ас, Остр и др. Я. Станислав считает ДС¹⁸; других толкований нет, да они и невозможны. Остальные варианты менее ясны. Вариант Мар (и др.), по мнению Я. Станислава, является бессубъектным ДС¹⁹. Других толкований нет. Однако оно представляется спорным, так как в этом варианте при глаголе-сказуемом нет своего дополнения; таким

¹⁶ По мнению К. Горалека, ДС здесь появился независимо от род. самостоятельного, представленного в Иа-δ5 (см. К. Н о г а л е к. *Evangeliaře a četvoroevangelia*, Praha, 1954, s. 137); эта мысль, однако, никак не аргументирована.

¹⁷ В печатном издании Зогра иначе: котору иже. Такое деление текста ошибочно, так как во всех греческих кодексах здесь только τίς δὲ; ср. также свидетельства остальных славянских кодексов и латинского перевода.

¹⁸ См. J. S t a n i s l a v. *Ibid.*, s. 77, 79.

¹⁹ *Ibid.*

образом нет достоверного признака того, что *пришлѣдшюу* здесь само не выполняет функции этого зависимого члена предложения. Такая трактовка, следовательно, требует проверки. Вариант Зогра Я. Станислав считает ДС²⁰. Л. Нечасек возражает против этого, полагая, что здесь *пришлѣдшюу* является зависимым от *речеть* ДС²¹. Этот случай, таким образом, тоже требует дополнительного исследования.

Что касается варианта Мар и др., то Я. Станислав, трактуя его как бессубъектный ДС, никак не аргументирует своей точки зрения. Наличие варианта Ас, Остр и др. с бесспорным ДС само по себе не может быть надежным аргументом в пользу того, что в Мар и др. представлен именно бессубъектный ДС, а не зависимый дат. Между тем этот вариант полностью соответствует греческому варианту во всех К-, Ис- и большей части И-кодексов, где выступает обычный зависимый дат. причастия. Поэтому есть основание полагать, что вариант Мар и др. был употреблен в соответствии с греческим вариантом К-, Ис- и большей части И-кодексов; следовательно, этот вариант представляет собою не (бессубъектный) ДС, а зависимый дат. причастия.

По поводу варианта Зогра заметим, что в печатном издании этого памятника *пришлѣдшюу* может быть истолковано лишь как членная форма причастия: а именно это и является существенной особенностью данного варианта. Этот вариант представлен лишь одним памятником. Для исследователя, круг славянских источников которого ограничен лишь 5-ю старославянскими памятниками, а рассматриваемое место представлено в 3-х различных вариантах, указанное обстоятельство не может иметь никакого существенного значения; но в числе наших источников кроме старославянских имеется еще ряд церковнославянских, с учетом которых обособленный характер этого варианта ощущается довольно ясно. Явных доказательств того, что здесь выступает членная форма причастия, возникшая на славянской почве, славянские источники не содержат. Я. Станислав не решается причислить этот случай к известным ему примерам замены именной формы причастия (в качестве предиката) местоименной и предлагает здесь чтение *пришлѣдшюу*, допуская здесь недосмотр издателя при членении текста на слова²². В таком случае вариант Зогра следовало бы считать разновидностью варианта с ДС, представленного в Ас и др. Л. Нечасек, рассматривая этот вариант как зависимый дат., цитирует Л XVII, 7 по изданию И. В. Ягича и ссылается на греческий текст, где в данном месте находится зависимый дат. причастия²³.

Если сопоставить вариант Зогра в трактовке И. В. Ягича и Л. Нечасека (*пришлѣдшюу*) с тем греческим фрагментом, на который ссылается Л. Нечасек (*εἰσελθόντι*), то явное несоответствие этого славянского варианта указанному греческому совершенно очевидно: при членной форме причастия в Зогра мы находим в греческом тексте причастие без члена; указанный греческий вариант этого места, следовательно, говорит не в пользу членения, предложенного И. В. Ягичем и Л. Нечасеком. Заметим также, что такое членение не может быть подтверждено и ни одним из других вариантов этого места, представленных в привлекаемых нами оригинальных греческих источниках (см. выше). Что же касается

²⁰ Ibid., s. 21.

²¹ L. Nečas. Ibid., s. 13.

²² См. J. Stanislav. Ibid., s. 21. Заметим что Я. Станислав говорит здесь именно о недосмотре издателя («... je tu vydavatelevo nedopatrenie»), а отнюдь не перепечатки, как это ошибочно поняла Л. В. Граве (См. Л. В. Граве. Именная и членная форма причастий в роли предиката дательного самостоятельного в древнерусском языке. Уч. зап. Смоленского пед. ин-та, XIII. 1964, стр. 186).

²³ См. L. Nečas. Ibid., s. 13.

позиции Я. Станислава, то он обосновывает членение припадзшоумоу тем, что в Зогр энклитическое моу встречается часто; соответствующих примеров он не приводит, но ссылается на другие места — Мт VIII, 28, XIII.4 и Мрк V.21, — где в печатном издании Зогр представлены местоименные причастия в дат., тогда как, по его мнению, в этих случаях тоже следует видеть именные формы причастий с последующим моу²⁴. Хотя у Я. Станислава и нет здесь ссылок на греческие источники, частое употребление энклитического моу в Зогр общеизвестно, поэтому его предположение заслуживает доверия. К тому же следует заметить, что в свое время еще Н. К. Грунский указывал на непоследовательность членения текста на слова в печатном издании Зогр; в числе примеров он приводит Мк V.21 (т. е. то же место, на которое указывает и Я. Станислав) и Мк IX, 28²⁵. Н. К. Грунский, однако, определенно не высказывается о том, как, по его мнению, должны читаться указанные места.

Хотя замечания Н. К. Грунского и Я. Станислава кажутся вполне справедливыми, они все же недостаточны; их слабое место в том, что они не подкреплены свидетельствами греческих кодексов. По наведенным справкам, в указанных выше 4-местах наших греческих источников оказалось следующее:

в Мт VIII.28: в части кодексов — РС ἐλθόντος αὐτοῦ (Ис-81, Ис-82, Ис-1016, Иα-050, Иη-183, Иι-1054, Иι-1033, Иι-109, Иι-173) или ἐλθόντων αὐτῶν (Ис-82); во всех остальных — зависимый причастный оборот в дат. ἐλθόντι αὐτῶ;

в Мт XIII.4 — во всех кодексах субъективный инфинитив (с вин. местоимения) ἐν τῷ σπεῖρειν αὐτόν;

в Мк V, 2 — РС (с причастием без члена) διαπεράσαντος τοῦ Ἰησοῦ (в Иα-014 — описка: διαπεράσαντες);

в Мк IX, 28: в одной части кодексов — РС; в других кодексах (в том числе во всех К-) — вин. самостоятельный ἐισελθόντα αὐτόν; в Иα-014 — род. причастия (без члена), т. е. вероятный РС бессубъектный.

Таким образом, местоименные причастия во всех этих местах славянских кодексов не оправданы, в то время как членение «именное причастие в дат. + моу» везде находится в полном соответствии со свидетельствами греческих кодексов.

Кроме разобранных 4-х случаев, отметим еще два, в которых в печатном издании Зогр представлено моу: εχιστή μοу в Мк XI.27 (где во всех греческих кодексах — совершенно бесспорный РС περιπατούντος αὐτοῦ) и дааше моу в Л XV, 16 (где дат. местоимения моу совершенно очевиден даже без учета греческих кодексов).

Все это свидетельствует о том, что членение, предложенное Я. Станиславом, полностью оправданно. Следовательно, вариант Зогр тождествен варианту Ас, Остр и др., и его можно рассматривать лишь как ДС.

4. Ио V, 13: греческие кодексы: ὁ γὰρ Ἰησοῦς ἐξένευσεν ὄχλου ὄντος ἐν τῷ τόπῳ — К-61, К-75, К-92, К-1027, К-177, К-179, К-1126, К-55, К-86, К-87, К-88, Ис-81, Ис-014, Ис-86, Ис-56, Ис-848, Ис-83, Ис-76, Ис-1016, Ис-376, Ис-8371, Иα-050, Иα-133, Иα-93, Иα-286, Иα-337, Иη-183, Иη-8254, Иη-203, Иη-288, Иη-1331, Иη-346, Иι-1054, Иι-1033, Иι-173, Иι-1211, Иι-218, Иι-3017, Иι-368, Иф-1114, Иф-1096, Иф-190, Иф-1091, Иф-72, Иф-1094, Иф-287, Иф-1289, Иф-1266, Иф-253, Иф-309, Иф-3015, Иβ-121, Иβ-1178, Иβ-1043, Иβ-350, Ио-90, Ио-129, Ио-1110, Ио-1279, Ио-1222, Ио-270, Ис-1132, Ис-1226, Ис-351, Ис-377, Ил-19, Ик-84, Ик-71, Ик-73, Ик-1089, Ик-1121, Ик-291, Ик-1225, Ик-1250, Ик-294, Ик-1206,

²⁴ См. J. Stanislav, Ibid.

²⁵ См. Н. К. Грунский и др. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, I, 3. Юрьев, 1911, стр. 263.

Ик-384, Ик-329, Ик-1390, Иг-77, Иг-1083, Иг-1020, Иг-398, Иг-1341, И-70, И-95, И-96, И-178, И-192, И-1246, И-247, И-243, И-8260, И-246, И-371, И-1386, И-А4, Греч. 55 (нет. τῶ), Греч. 71, Греч. 16, Греч. 17, Б I № 7, Б I № 5, Б I № 2, Греч. 69 (Ис-δ2 μέσῳ вм. τόπῳ, ἐνεούσῳ; ; Иα-δ5 ἐνεούσῳ; Иф-1098 ὅτος ἐτός); славянские кодексы: а) ис во оукласни са народоу сжштю на мѣстѣ — Зогр, Мар, Ас, Остр, Гал, Тип, Хв, Тырн, Шаф, Пог, Евс, Добр, Пнт, Вук, Холм (Дбрйш, Деч мѣстѣ томъ; Мак оубо, мѣстѣ томъ, народъ вместо народоу; Врач, Мст оубо; Мир какласни се; № 104 же вместо бо, незначительный дефект рукописи; Гал-апр. же оукласника са); б) ил во оукласни са от(ъ) народа соуца на мѣстѣ — Сим; лат. перевод: *Jesus enim declinavit a turba constituta in loco* (во многих нет а).

В литературе причастный оборот в дат. в этом месте трактуется по-разному. Согласно В. Вондраку, глаголы оустъжити, оукласнити са означают движение в противоположную сторону; дат. народоу сжштю в И V, 13, по его мнению, является подлинным дат., зависимым от оукласни са, и означает объект, от которого направлено движение²⁶. У И. И. Срезневского, цитирующего этот фрагмент по Остр, перед причастным оборотом в дат. стоит запятая (Исуса воукласниа, народоу сжшцу на мѣстѣ)²⁷; отсюда следует, что он понимал этот оборот как ДС. Я. Станислав этого места в свой перечень ДС не включил, считая его, видимо, зависимым дат. Л. Нечасек рассматривает этот оборот как ДС и упрекает Я. Станислава за то, что тот опустил его в своем списке; заметим, однако, что он относит этот ДС к разряду «связанных», т. е. частично зависимых от сказуемого, оборотов²⁸. Р. Мразек считает этот дат. зависимым и рассматривает его как дополнение с оттенком аблативности²⁹. Р. Вечерка называет оукласнити са среди тех глаголов, при которых употребляется зависимый род. удаления, устранения, лишения, освобождения и т. п.³⁰; из этого следовало бы, что зависимый дат. при этом глаголе невозможен и что причастный оборот в дат. в И V, 13 является ДС. Согласно Ч. Бартуле, глагол оукласнити са относится к тем возвратным глаголам, которые управляют преимущественно дат. падежом³¹. П. Илчев высказывается неопределенно: он склонен рассматривать народоу сжштю как зависимый дат. вреда — пользы; в то же время он допускает, что этот дат. является простой контаминацией греческого РС и славянского ДС, обусловленной внешним сходством графического изображения окончаний этих двух форм — греч. -оу и слав. оу³².

Таким образом, одни авторы (В. Вондрак, Я. Станислав, Р. Мразек, отчасти П. Илчев, а также и Л. Нечасек) считают дат. в Ио V, 13 зависимым от оукласнити са, другие (И. И. Срезневский, Р. Вечерка, отчасти

²⁶ См. W. V o n d r á k. *Altkirchenslavische Grammatik*. Berlin, 1900, S. 288, 289; В. В о н д р а к. *Древнерусскославянский синтаксис*. Казань, 1915, стр. 23.

²⁷ См. И. И. С р е з н е в с к и й. *Материалы для словаря древнерусского языка*, III. СПб., 1903, стлб. 1179.

²⁸ См. L. N e c á s e k. *Ibid.*, s. 14.

²⁹ См. Р. М р а з е к. *Дательный падеж в старославянском языке. Исследования по синтаксису старославянского языка*, стр. 232.

³⁰ См. Р. В е ч е р к а. *Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке*. Там же, стр. 211, 212. Заметим, что прямо противоположные характеристики глагола оукласнити са содержатся в различных статьях одного и того же сборника, притом без каких-либо оговорок.

³¹ См. C z. B a r t u l a. *Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach staro-cerkiewno-słowiańskich*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, s. 36, 120.

³² См. П. И л ч е в. Там же, стр. 218. Заметим, что еще раньше мысль об обусловленности славянского ДС графическим сходством окончаний греческого род. и славянского дат. высказывал Ю. Крижанич. См. Ю. К р и ж а н и ч. *Грамматично изказање об руском језику*. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 4. М., 1859, стр. 179.

Л. Нечасек) рассматривают это место как оборот ДС. Ни то, ни другое толкование специально не аргументировано.

Свидетельства греческих кодексов, представленных в критическом аппарате использованного издания (тетров), не могут быть здесь надежной опорой, так как содержащийся там причастный оборот в род. является столь же неоднозначным, как и соответствующий ему славянский дат.: он с одинаковым успехом может быть истолкован и как зависимый (от сказуемого) род. удаления, и как РС. Однако в р у к о п и с я х, использованных нами в качестве источников (краткие и полные апракосы), представляют с этой точки зрения интерес членение текста и употребление строчных знаков: из 8 случаев, засвидетельствованных этими источниками, в 7 (кроме Греч. 71) между сказуемым и причастным оборотом в род. есть промежуток и находится какой-то строчный знак — [,], [,], [;] и др. Это должно свидетельствовать о наличии определенного ритмомелодического членения, указывающего на синтаксическую обособленность интересующего нас оборота; такая обособленность хорошо объяснима, если этот оборот понимался как РС, но едва ли она могла бы иметь место, если бы он являлся зависимым род., тесно связанным со сказуемым. Определенный интерес представляют и колебания в латинских кодексах. Беспредложный аблатив *turba constituta*, представленный в части латинских кодексов, является здесь таким же двузначным, как и греческий род.: он может (в принципе) толковаться и как аблатив зависимый, и как аблатив самостоятельный. Но в другой части кодексов здесь аблатив с предлогом: *a turba (constituta)*, который может толковаться лишь как зависимый. Примечательно, что «а + аблатив» отмечено, главным образом, в п о з д н е й ш и х латинских кодексах. Это должно свидетельствовать о том, что предлог здесь стал употребляться с целью сделать более выразительной синтаксическую зависимость причастного оборота в аблативе. Очевидно, беспредложный аблатив в Ио V, 13 латинских кодексов не был самостоятельным, но так как он сам по себе был двузначным, то в позднейших рукописях для большей выразительности он распространяется предлогом *a*. В славянских источниках привлекают внимание варианты Мак и Сим: в обоих этих памятниках отражены попытки избавиться от оборота в дат., который славянские переводчики имели основание считать невыразительным. Вариант Сим, кроме того, отражает замену причастного оборота в дат. родительным удаления. Этот случай мог бы свидетельствовать в пользу того, что дат. падеж в этом месте понимался как зависимый от суклони *ѿ* дат. удаления (ср. трактовки В. Вондрака, Р. Мразека, вероятно, также Я. Станислава, П. Илчева). С другой стороны, однако, отмечаем, что в 6 церковнославянских рукописях — Мак, Пог, Врач, Мст, Юр, Сим — между сказуемым и причастным оборотом в дат. имеется отчетливый промежуток и стоит точка; это, как и аналогичное явление в греческих рукописях, должно говорить в пользу того, что этот оборот понимался как ДС. Таким образом, графика греческих рукописей свидетельствует, что причастный оборот в дат. славянских кодексов следует понимать как ДС; то же показывает и графика части славянских рукописей. Однако такое толкование не согласуется с явлениями Сим и латинских кодексов и потому не является единственно возможным. Это вынуждает нас обратиться к выяснению синтаксических свойств глагола суклони *ѿ* и — тем самым — уточнить наше представление о позиции и характере рассматриваемого здесь причастного оборота в дат.

Как видно из приведенной выше справки, содержащиеся в литературе суждения о синтаксических свойствах глагола суклони *ѿ* противоречивы. Причем авторы, утверждающие, что при этом глаголе может быть зависимый дат., иллюстрируют это только одним примером — причастным

оборотом в дат. русск. из Ио V, 13, т. е. именно тем, который интересует нас и сам требует специального исследования; мнение же Р. Вечерки о способности этого глагола управлять род. не подтверждено ни одним примером. Следовательно, в этом случае сведения о глаголе ничего не дают для характеристики интересующего нас оборота. По наведенным справкам, место Ио V, 13 является единственным в евангельском тексте, где отмечен этот глагол; но в других текстах (кроме евангельских кодексов) глагол оукласнити ѿа (также оуклапати ѿа) отмечен многократно, и при нем представлены: а) род. с отъ (Супр 6, 7-8, 24.16, 91.17-18, 427.11, Син XXVI.9, XXXIII.15, XXXVI.27, XXIV.9, С.4, CXVIII.21, 51, 102, 115, 152, Евх 72в. 23-78а1) или без предлога (Супр 365.29, 521.28-29, 566.9-10), вин. с на (Син XVI.11, XX.12, IV.4); б) твор. (Супр 508.15-16); в) отсутствие зависимого падежа (Супр 93.18, Син XIII.3, XV.7, II.4, С1,12, CVIII.23, CXXIV.5); ни одного случая с зависимым дат. (объекта удаления) при этом глаголе не обнаружено. Аналогичным, по свидетельствам Ф. Миклопича и И. И. Срезневского, является и положение в церковнославянских памятниках различных изводов³³. Отсюда следует, что глагол оукласнити ѿа не мог управлять дат. беспредложным. На основании этого, а также с учетом свидетельств греческих и части славянских рукописей окончательно заключаем, что причастный оборот в дат. в Ио V, 13 является ДС. При этом, поскольку при оукласнити ѿа совершенно невозможен зависимый дат., нет никаких оснований говорить о наличии хотя бы ч а с т и ч н о й зависимости этого ДС от сказуемого, как это делал Л. Нечасек³⁴, относя его к разряду «связанных»; этот оборот, согласно классификации Л. Нечасека, следует рассматривать как ДС в полном смысле этого слова.

5. Как мы убедились, определение действительного характера причастных оборотов в дат., содержащихся в Мт XXVI, 7, Л XVII.7 и Ио V, 13, невозможно лишь на материале старославянских кодексов даже с ориентацией на греческий текст евангелия; для этого потребовались показания ряда церковнославянских и множества оригинальных греческих кодексов, а отчасти и свидетельства латинского и готского переводов. Сказанное может быть еще одним подтверждением того общепризнанного положения, согласно которому одним из важнейших условий успешного исследования синтаксиса старославянского языка должен быть учет свидетельств широкого круга церковнославянских и оригинальных греческих памятников, а также явлений латинского и готского переводов. Этим свидетельствам для Мт XXVI, 7 оказалось достаточно. Но вопрос о ДС в Л XVII, 7 Зогр и Ио V, 13 потребовал еще изучения и других обстоятельств: для Л XVII, 7 оказалось необходимым учесть закономерности употребления энклитического мсу в Зогр; для Ио V, 13 — принять во внимание графику подлинных рукописей (греческих и славянских) и синтаксические свойства глагола оукласнити ѿа.

Изложенное здесь может быть одной из многих иллюстраций того, насколько вся проблема славянского ДС сложна и актуальна по сравнению с вопросом об абсолютных причастных оборотах в других (например, древнегреческом, латинском) языках, где соответствующей проблемы практически не существует.

³³ См. F. Miklosich. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vindobonae, 1862—1865, s. 1045; И. И. Срезневский. Там же, стлб. 1179—1180.

³⁴ См. L. Nečas. *Ibid.*, s. 14.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Славяне и Запад». Сб. статей к 70-летию И. Ф. Бэлзы.

Отв. редактор акад. Б. А. Рыбаков. М., 1975, 282 стр.

«Славяне и Запад» — большой сборник статей и сообщений, посвященных юбилею видного советского историка культуры, доктора искусствоведения профессора Игоря Федоровича Бэлзы.

В сборнике по существу четыре раздела. Если два из них («Литература и искусство», «История») составляют статьи участников этого труда — соратников, последователей и учеников юбиляра, представляющих советскую и зарубежную науку, то два других раздела, иные по жанру и задачам, меньшие, естественно, по объему, не менее интересны и необходимы в этом издании, ибо позволяют читателю представить многогранную деятельность — научную, композиторскую, издательскую, просветительскую — глубокого знатока и интерпретатора европейской, в частности славянской, культуры. Я имею в виду статьи А. А. Сидорова, В. И. Злыднева, Йозефа Плавца и списки печатных работ и изданных музыкальных сочинений И. Ф. Бэлзы.

Ниже, одновременно с разбором статей, мы попытаемся рассказать также о жизни исследователя. Содержание статей сборника, расположенных в горизонтальной плоскости, попробуем построить в вертикальной плоскости и сопоставить с этапами почти полувековой научной и творческой деятельности И. Ф. Бэлзы.

Толчком для меня как рецензента послужила вступительная статья «И. Ф. Бэлза как историк культуры» А. А. Сидорова и В. И. Злыднева, которые пишут, что в И. Ф. Бэлзе «соединяются интересы творца, создателя художественных ценностей и их истолкователя, вдумчивого исследователя». Это тот нужный ключ, которым можно открыть тайну творчества. Это очень важная черта деятельности И. Ф. Бэлзы. Музыка (славянская) была и остается главной любовью проф. И. Ф. Бэлзы. В нем воедино слились композитор, педагог, музыковед и историк, занимающийся главным образом музыкальной культурой западных и восточных славян.

Личность ученого, талантливого и эрудированного, наложила печать на содержание сборника «Славяне и Запад» — в нем отчетливо звучат проблемы связи музыки с творчеством поэтов и художни-

ков, взаимоотношений искусства с литературой и историей. И в этом — одно из главных достоинств этой коллективной работы.

Авторы вступительной статьи четко наметили характеристику научного и общественного пути И. Ф. Бэлзы. Пунктиром обрисовав творчество композитора и педагога, они в основном осветили главные направления его научной и общественной деятельности, причем дали не сводный биографический очерк, а творческий портрет ученого.

К сожалению, в прилагаемом к сборнику списке печатных работ И. Ф. Бэлзы не указаны статьи и заметки в советской и иностранной периодической печати, а их свыше 200, и перечень их дал бы возможность полнее судить о популяризаторской деятельности ученого, блестящего пропагандиста художественных ценностей. Такая неполнота списка печатных работ, безусловно, является упущением.

Вступительный очерк дает возможность рецензенту заметить магистральные линии и этапы научной деятельности историка культуры. Существенную помощь в этом оказывает также ценная статья чешского профессора И. Плавца «Исследователь и друг чешской и словацкой музыки».

Итак, два источника — музыка и история, два русла деятельности — музыкант-исполнитель и талантливый историк, соединились в исследованиях славянской культуры, которыми И. Ф. Бэлза занимается в течение пятидесяти лет. Вначале в трудах И. Ф. Бэлзы гораздо сильнее чувствовался голос музыканта. Русская и украинская музыка на рубеже XIX—XX вв. и советская музыка как темы музыковедения по существу принадлежат к раннему, довоенному периоду творчества. Но уже в 50—60-х годах в трудах И. Ф. Бэлзы голоса музыканта и историка зазвучали одновременно. Вспомним такие его книги, как «Русские классики и музыкальная культура западного славянства» (1950), «Чешская оперная классика» (1951), «История польской музыкальной культуры» (т. I, 1954; т. II, 1957; т. III, 1972), «История чешской музыкальной культуры» (т. I, 1959; т. II, 1973) и другие комплексные труды по истории культуры западнославянских народов. Это были

книги-синтезы, раскрывавшие истоки славянских напевов, народные начала в национальных культурах Чехии и Польши. Тесная связь культуры западнославянских народов с русской музыкальной культурой является лейтмотивом всех работ, изданных ученым в это двадцатилетие.

Наконец, третий этап в деятельности ученого наметился примерно с середины 60-х годов. Гений Пушкина и Данте послужил вдохновением для историка культуры. Путеводной звездой историка стала поэзия. Музыка и поэзия, литература и изобразительное искусство становятся постепенно равноправными компонентами в интересных исследованиях ученого, раскрывавших общие закономерности культурных связей славянских народов с западноевропейским миром в средневековой и новой истории.

Весь материал сборника «Славяне и Запад» распадается на две группы, соответствующие двум последним этапам научно-творчества И. Ф. Бэлзы.

Имеющиеся сообщения о И. Ф. Бэлзе как исполнителе и издатель только дополняют образ исследователя, который всегда жил и живет музыкой и книгой. С 1938 г. и дальше он все время остается по существу на посту издателя. Но И. Ф. Бэлза не только издатель, он еще и библиофил — большая коллекция экслибрисов, собранная им, к сожалению, в годы войны была утрачена. После войны он несколько раз возвращается к теме экслибрисов, пытаясь вновь восстановить свою коллекцию книжных знаков. Но это оказалось трудно. Несколько экслибрисов для И. Ф. Бэлзы были сделаны художниками из СССР и Польши. Два экслибриса с портретом посмертной маски Данте (художники В. Розенталь и Н. Шамрило) помещены в сборнике.

К кругу интересов И. Ф. Бэлзы примыкает статья «Польша в русских исторических и географических сочинениях XVII в.» (автор — А. И. Рогов), в которой показана связь польских и русских книг, при этом подчеркнута славянское самосознание их авторов. Статья «Оскар Недал в главе венского оркестра общества музыкантов» (автор — А. Бухнер) прекрасно помогает понять личность и облик большого слависта. Е. П. Наумов в своей работе «Славянские страны в западноевропейской публицистике XIV в.» много внимания уделил Сербии.

Но вернемся к первой группе статей сборника «Славяне и Запад», (соответствующей второму этапу деятельности И. Ф. Бэлзы). Главные мысли, основная линия — это славянские истоки мелодии и ритма, народная и национальная музыка.

И. Снижкова в статье «Многоголосие в музыке чешского Ренессанса», лишь вскользь обрисовав эпоху чешского полифонического искусства XVI—XVII вв., подробно рассмотрела книгу хорových

партий, книгу «vagans», обнаруженную в архиве Страговского монастыря. Изучив происхождение источника и проведя его анализ, И. Снижкова приходит к следующему заключению: источник тесно связан «с народнопесенным творчеством, что отразилось на характере полифонии» (стр. 192). И далее: «Состав сборника характеризуется в целом широтой диапазона средств выразительности и эмоциональным богатством, которые, как отмечал И. Ф. Бэлза, присущи творчеству чешских композиторов-гуманистов добелогорского периода» (стр. 198). Статья «О значении и роли музыки Станислава Монюшко» В. Рудзиньского является большим исследованием. Оперы Ст. Монюшко, как правильно указывает автор, были «очень важным элементом в формировании национального самосознания нации поляков» (стр. 153). Оперы и песни Монюшко вбирают темы польского музыкального фольклора, а также мотивы белорусской и литовской народной песенности, определяют позицию польской музыки. «То, что мы воспринимаем его музыку как типично польскую, — пишет автор, — ясно свидетельствует, насколько глубоко уходит она корнями в национальную почву и насколько точно отражает дух польской культуры» (стр. 156).

Для советских читателей интересна статья «Моравский и славянский фольклор как стилиобразующий элемент музыки Яначка» М. Выслоужила. Правда, это скорее эскиз большого исследования — всего три странички, но вывод большой и важный. «В его (Яначки. — В. К.) музыке всегда ясно ощущается народная основа, фольклорные музыкальные моравские и славянские элементы глубоко проникли в ее ткань... Понимание Яначком народности музыкального стиля отличается от того, которое было распространено среди чешских музыкантов XIX в. В то же время оно во многом напоминает аналогичные творческие устремления Бартока, Стравинского, Прокофьева и других современных мастеров» (стр. 201).

И наконец, последняя статья, относящаяся к первой группе исследований, — «Любительский театр и чешская культура XIX в.» Л. Титовой. Привлеченный автором интересный свежий материал дает возможность наметить важные черты в жизни чешского национального театра, и даже шире — в общественно-политическом движении чехов.

Две статьи — «Иностранцы художники в Польше (конец XVIII первая треть XIX в.)» И. И. Свириды и Шекспировские спектакли в пражском Временном театре Ю. И. Ритчика — являют собой связующее звено между первой группой исследований и второй, соответствующей третьему этапу творчества И. Ф. Бэлзы.

Как правильно считает И. И. Свирида, лицо польского искусства определялось не столько влиянием иностранных худож-

ников и связью их с польскими художниками, сколько соперничеством между иностранными и нарождающимися течениями польских художников. «Вытеснение зарубежных мастеров было характерно не только для среды художников. Аналогичные явления можно проследить в музыкальной и театральной жизни конца XVIII — первой трети XIX в.». «Эти изменения, — еще раз подчеркивает автор в конце исследования, — были частью общего процесса формирования польской национальной творческой интеллигенции, важным составным элементом борьбы за национальное искусство...» (стр. 83).

Дав характеристику основных явлений чешского национального Возрождения, Ю. И. Ритчик показал важное значение главной чешской сцены в общественно-культурной жизни Чехии 60—70-х годов XIX в. Большое внимание уделено анализу оригинальной интерпретации шекспировских образов чешскими актерами, высокому художественному уровню шекспировских постановок во Временном театре, рассмотрена история издания полного перевода драм Шекспира — одного из первых в Европе. Яркий фактический материал убедительно подтверждает общий вывод автора о том, что Временный театр был одним из тех выдающихся очагов национальной культуры, которые способствовали укреплению чувства национальной значимости, национального самознания чехов.

Вторая группа исследований состоит из 12 статей. Несмотря на их кажущуюся тематическую пестроту, основные статьи являют собой стройную линию: поэзия, музыка, искусство, взаимосвязь и связепричинность творчества поэтов, композиторов и художников. Но все же главную роль во второй группе статей (соответствующей третьему этапу творчества Бэлзы) играет тема «Поэты и поэзия».

Именно поэтому две большие и интересные статьи: чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благой («Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном») и И. К. Горского («Об одной особенности поэзии Словацкого») оказываются зачином второй группы статей сборника.

Д. Д. Благой — маститый исследователь пушкинского творчества — показал, что Пушкин был не только национальным поэтом, но и — в последние годы творчества — народным поэтом. «От самого начала и до самого конца „Песня“ („Песня о Георгии Черном“ — В. К.) насквозь народна» (стр. 27), — пишет автор. И дальше: «Все только что сказанное позволяет определить „Песню о Георгии Черном“ как единственное в своем роде произведение Пушкина, в котором подлинная народность и духа, и самой поэтической формы сочетается с поражающим проникновением в сокровеннейшие глубины человеческой психики, в самое кровное и потаенное, что есть в человеке» (стр. 30).

Пересказ песни из эпоса южных славян, казалось, незначительное явление в творчестве Пушкина. Но, как доказал Д. Д. Благой, это большое, настоящее открытие в творчестве великого поэта.

Третья статья второй группы — «Романтизм или романтизм?» Ст. Яроциньского — служит переходом к теме взаимосвязи литературы и искусства. Статья, правда, вызывает некоторые возражения и лучше было бы назвать ее эссе. Но как бы то ни было, такое произведение, пусть с оговорками, безусловно, является интересным исследованием культуры XIX в. Главный его недостаток, на наш взгляд, — отсутствие фактора этногенетического самосознания нации.

Статья А. С. Мыльникова — «Чешские земли в освещении немецкой прессы середины XVIII в.» посвящена другой эпохе, но тем не менее тема народности присутствует здесь. Автор подчеркнул, что деятельность Г. Лессинга, А. Фойхта и особенно И. Гердера сыграла большую роль в культуре славян.

Страницы русско-французских и польско-французских культурных связей XIX в. занимают видное место в сборнике. Темы общественно-политической мысли (В. Л. Дьяков — «Польские конспираторы 1830—1840-х годов в их связях с Францией»), театральных связей (Т. Сиверт — «Польский эмигрант Ян Гиньский и парижский театр XIX в.») и музыкальных (Ж. Шайе — «Тургенев и поэма Шоссона») дают возможность проследить отхождения и параллели культур в истории славянских стран и Франции. Все статьи и сообщения основаны авторами на новых документальных материалах.

Исключительно интересным исследованием является одна из последних работ покойного польского академика Ю. Стажиньского — «Делакруа, Шопен и романтический орфизм». Такая статья может рассматриваться как синтез-эссе. Отталкиваясь от «Писем» Ф. Шопена и «Дневников» Делакруа, автор пришел к мыслям о синтетическом искусстве. «Романтизм, — говорит он, — распылил эти связи, стремясь охватить в полной мере взаимоотношения между живописью, музыкой, поэзией» (стр. 130). Романтическая концепция обусловила стремление «переводить звуки на язык красок, а краски — на язык звуков» (стр. 132). «Многочисленные примеры показывают, — пишет дальше автор, — что в романтическую эпоху орфические образцы и концепции неразрывно связаны с дантовскими».

Кстати, рецензент должен отметить большую роль И. Ф. Бэлзы в европейской дантологии. Им создано, по существу, новое направление — славянская дантология. Он написал несколько трудов о поэзии Данте и издал четыре сборника («Данте и славяне» М., 1965; «Дантовские чтения» М., 1968; 1974; 1973).

Но вернемся к статье Ю. Стажиньского.

Мысли автора не были, безусловно, ни неизвестными, ни неожиданными. Он сам, конечно, понимает это: «...каждый из этих мастеров по-своему отстаивал такой принцип взаимосвязи слов, звуков и красок, как в собственном творчестве, так и в трактовке других произведений» (стр. 132). И далее называет ряд больших имен: Делакруа, Бальзак, Гофман, Гейне, Лист, Шопен, По, Бодлер. Этот список можно было бы пополнить: поэты А. Блок, Е. Баратынский, философ и поэт В. Соловьев и т. д. И, конечно, самым крупным явлением был русский композитор А. Н. Скрябин.

Стажинский не просто повторяет уже известное, а стремится к великой мечте: «Эти смелые мечты начали осуществляться только в наши дни, и все же открывшиеся возможности далеки еще от полного использования их» (стр. 136). В наши дни это становится реальностью. В Москве в мае 1975 г. была исполнена поэма «Прометей» А. Н. Скрябина. Композитор сам написал партию света, включенную в музыкальную партитуру. В нашей стране впервые «Прометей» прозвучал в сопровождении динамического цветового освещения.

Много метких наблюдений найдем мы в статье А. А. Илюшина «О некоторых формах гротескной образности в литературе и искусстве». Основой исследования для автора послужили художественные образы художника Ф. Гойи и поэта Н. А. Некрасова. Он попытался показать по-иному

место гротеска в искусстве и литературе на примере творчества двух больших, но резко отличных мастеров, не связанных между собой ни эпохой, ни культурной средой. Чувство и настроение и художника и поэта были всегда активными протестами против несправедливости общественных устоев, что четко обосновано автором.

И, наконец, о музыковедческих статьях в сборнике. Все три статьи: Л. С. Гинзбурга — «Джузеппе Тартини в русской музыкальной жизни», Д. Кернера — «Прага в жизни Моцарта», Ю. Хоминского — «Кароль Шимановский и западноевропейская музыка» — посвящены музыкальной европейской культуре конца XVIII — начала XX в., соотношениям и связям национальных культур.

Эти статьи, безусловно, интересны и содержательны. Они показывают облик замечательных мастеров, творимую ими музыку, в которой воплотились чаяния польского композитора К. Шимановского: «Пусть она будет национальной в своем неповторимом своеобразии, но пусть стремится при этом к таким высотам, где ее достоинства станут уже общечеловеческими».

Книга «Славяне и Запад», посвященная важным проблемам славянской культуры и ее взаимоотношениям с западноевропейской культурой, — труд, достойный имени крупного ученого.

В. Д. Корлюк

КНИГА О ЯНЕ АРНОШТЕ СМОЛЕРЕ

Я. А. Смолер принадлежит к числу «будителей», которые своей разносторонней деятельностью способствовали выполнению важнейших задач национального Возрождения. О нем написано немало¹, но систематического изложения жизненного пути и анализа его творчества в целом до сих пор не было. Рецензируемая книга² восполняет этот пробел.

Автор монографии Ян Цыж — один из виднейших борцов за национальные права лужицких сербов — в период господства фашизма в Германии подвергался репрессиям, а после установления народной власти в ГДР отдает все силы разви-

тию социалистической культуры своего народа. Ему принадлежит много работ по разным вопросам сербской истории и культуры.

Книга о Я. А. Смолере — результат длительных исследований. Значительная часть литературного наследия Я. А. Смолера погибла во время второй мировой войны, и автору монографии пришлось пользоваться архивами тех стран, с представителями которых Смолер находился в контакте. Я. Цыж уже ранее опубликовал переписку Смолера с различными славянскими деятелями и организациями³.

Я. А. Смолер (1816—1884) пришел в лужицко-сербское национальное Возрождение в середине 30-х годов XIX в. Он энергично взялся за дело объединения патриотических сил, создания национальной культуры — ему принадлежит заслу-

¹ Важнейшие работы о Я. А. Смолере в России написаны Т. Д. Флоринским («Известия Санктпетербургского славянского благотворительного общества», 1884, № 7) и Н. И. Янчуком (ЖМНП, 1885, ч. 240).

² J. C. у. ž. Jan Arnošt Smoler. Budyšin, 1975 (на верхнелужицком сербском языке).

³ Эти письма опубликованы в органе Института изучения сербского народа АН ГДР «Lětopis», Reihe A, Reihe B, Bd. 15—21 (1968—1974).

га введения нового правописания, сразу же принятого большинством сербской интеллигенции, издания песен лужицких сербов⁴. Этот великолепный свод сербского фольклора запечатлел национальные особенности народа, быстро исчезающие в связи с германизацией, и представлял собой уникальный образец научной обработки произведений народного творчества, послуживший примером для других славянских ученых. «Песни» Смолера стали одним из главных источников для филологов, лингвистов и этнографов, изучавших жизнь лужицких сербов.

Объединяя патриотические силы, Смолер установил живой контакт с семинаристами и гимназистами-сербами, лейпцигским сербским семинаром, вроцлавским студенческим обществом и т. д. Я. Цыж рассматривает далее вопрос о значении идеи славянской взаимности для деятельности Смолера и сербского Возрождения вообще: Смолер рассматривал эту идею как теоретическую основу развития сербского самосознания, стремился пробудить в народе национальное чувство, активизировать его политически. Смолер считал, что сербы, познав свои культурные и материальные ценности, развивая их, могут достигнуть уровня своих славянских братьев и идти с ними в одном строю. Он поддерживал контакты со многими славянскими деятелями. Интересная характеристика взглядов Я. А. Смолера, предложенная Я. Цыжом, к сожалению, не сопровождается авторской оценкой: указанием на идеалистическую основу взглядов Смолера и утопичность самой теории славянской взаимности, разумеется, при закономерности ее возникновения на заре национальной Возрождения.

В разделе, посвященном выдающемуся русскому слависту И. И. Срезневскому, автор книги подробно описывает путешествие харьковского ученого по Лужицам в сопровождении Я. А. Смолера (1840). Основным материалом для раздела послужили, очевидно, письма И. Срезневского⁵. Весьма интересна мысль о благотворности взаимовлияния И. Срезневского и Я. А. Смолера.

Интересен раздел о контактах Я. А. Смолера с Я. Е. Пуркине и Ф. Л. Челаковским (Вроцлав, 1842—1846). Основываясь на тексте декрета от 28 II 1841 г., по которому в Берлине и Вроцлаве открылись кафедры славистики, Я. Цыж делает вывод, что славистика стала университетской дисциплиной в Пруссии ранее, чем в России. Здесь, видимо, следовало бы отметить, что в России сла-

вянские кафедры были предусмотрены уже университетским уставом 1835 г., преподавание же славистики началось в 1841/42 г., т. е. практически одновременно с началом ее преподавания в Пруссии.

В книге приведен свежий материал о создании Матицы Сербской. Отмечена консервативность ее руководства и умеренная позиция в период революции 1848 г. Большое внимание уделено сербскому движению этого периода в целом. Отмечено, что, ограничившись петициями, различные социальные слои сербского народа, однако, преследовали разные цели: крестьяне выдвинули экономические и социальные требования, которых не было в петиции интеллигенции. Смолер активно участвовал в событиях: писал статьи о жизни сербского народа и политическом положении в Европе, издавал журнал «Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft» и сербскую газету «Тыдженске новины», участвовал в создании крестьянских обществ, хоровых кружков и т. д. Я. Цыж правильно оценивает этот период сербской истории как кульминационный: народ впервые за всю свою историю вступил в политическую жизнь, выдвинул на демократической основе экономические и социальные требования.

В период реакции сербскому движению приходилось приспосабливаться к создавшейся обстановке во избежание его полного подавления. Смолер, демократ по убеждениям (он скрывал у себя участников дрезденской революции, горячо сочувствовал полякам, восставшим в 1863 г. против царской России), должен был проводить очень гибкую политику.

Рассматривая роль Я. А. Смолера как «политического воспитателя» народа, Я. Цыж показывает, что этот деятель не видел в сербском обществе классов, игнорировал важные социальные вопросы, обращая внимание лишь на развитие народной культуры.

В книге много говорится об отношении Смолера к остальному славянству. Сербское движение не могло существовать без помощи «братских народов», славянские связи были насущной необходимостью.

Контакты Смолера со славянами носили различный характер. У чехов были заимствованы все основные идеи и формы Возрождения. По инициативе Смолера была создана по примеру пражской «Мещанской беседы» «Будишинская беседа», организовывались хоровые кружки, проводились праздники песни; он принимал активное участие в создании Матиц. Смолер привлекал к сотрудничеству в своих изданиях почти всех крупных деятелей чешского Возрождения, переводил их труды. В Чехии готовилась сербская национальная интеллигенция.

Весьма тесными были и контакты с поляками. Политические проблемы Польши Смолер интерпретировал в демократиче-

⁴ L. Haupt, J. A. Smoler. Pjesnički hornych a delnych Serbow, I—II, W Grimme, 1841—1843.

⁵ И. Срезневский. Путевые письма и заметки о сербах-лужицанах (1840). «Живая старина», 1890, № 1, тр. 84—102.

ском духе. Он издавал в 1849 г. польский журнал «Стадло», основанный польским политическим эмигрантом Р. Зморским, много лет сотрудничал с правоведом А. Парчевским⁶. Первая история лужицких сербов написана жившим в России польским историком В. Богуславским⁷. В 1862 г. Смолеру предложили славянскую кафедру в Варшаве, но он предпочел «остаться со своим народом».

Весьма интенсивны были связи Смолера и с Россией, где он бывал неоднократно. По мнению Я. Цыжа, Смолер был убежден в том, что Россия желает каждому славянскому народу самостоятельности. Жаль, что эта мысль не развита более подробно. С И. Срезневским, О. Бодянским, В. Ламанским, А. Гильфердингом Смолера связывало многое. Они предоставляли ему обширную информацию о России, сотрудничали в его изданиях⁸. Смолер поддерживал контакты и с другими русскими деятелями, преимущественно славянофилами. Их взгляды на славян он не разделял, но надеялся на их помощь его угнетенному народу. В России Смолер собрал значительные суммы денег. На наш взгляд, в книге следовало бы подчеркнуть, что дарителями были исключительно частные лица, русское правительство не ассигновало в пользу сербов ни копейки. Материалы советских архивов⁹ убедительно подтверждают основательность защиты автором книги Я. А. Смоле-

ра от обвинений немецкой провинциальной прессы в том, что он был якобы платным агентом России.

Поездки Смолера в Россию диктовались не только стремлением получить денежную помощь. В Петербурге он занимался в публичной библиотеке, посещал лекции в университете, сдружился с Т. Г. Шевченко. Я. Цыж справедливо указывает, что Смолер был особенно тесно связан со славянофилами, только не следовало бы относить к ним без оговорок и О. М. Бодянского, и особенно И. И. Срезневского (стр. 211).

Есть в книге сведения и о связях Смолера с южными славянами.

Смолер разносторонне охарактеризован в монографии — как общественный деятель, поддерживавший все культурные начинания, основатель и активный сотрудник Матицы, ее председатель (1872—1883), филолог, этнограф, ученый-переводчик, издавший на сербском и немецком языках многие труды славянских ученых, в том числе русских¹⁰. Он был избран членом многих ученых обществ. Из книги читатель получит представление о самом крупном деятеле сербо-лужицкой культуры и Возрождения XIX в., горячем патриоте, посвятившем жизнь делу пробуждения национального сознания своего народа, заложившем важные основы борьбы последующих поколений против германизации, за сохранение самобытности лужицких сербов. Книга Я. Цыжа — достойный литературный памятник лужицкого серба своему знаменитому предку.

Л. П. Лантвева

⁶ Сохранилась переписка Смолера с польскими учеными, часть ее опубликована Я. Цыжом в журнале «Lëtopis», 1971, А 18/2, 1972, А 19/2.

⁷ W. Bogusławski. Rys dziejów serbo-łużyckich. Petersburg, 1861.

⁸ Переписка Я. А. Смолера с русскими корреспондентами опубликована Я. Цыжом в журнале «Lëtopis» за 1968—1970 гг. (выпуски А 15/2, А 16/1, А 16/2, А 17/1).

⁹ Подробно об этом см. Л. П. Лантвева. Сведения о сербах-лужичанах в архивах Москвы и Ленинграда. «Lëtopis», 1970, А 17/2.

¹⁰ Например, А. Hilferding. Geschichte der Serben und Bilgaren. Bautzen, 1856 (2. Aufl. 1868); А. Hilferding. Die sprachlichen Denkmäler der Drewjaner und Glinjaner Slawen im Lüneburger Wedelande. Bautzen, 1857; А. Рурин, W. Spasowić. Stawizny lužisko-serbskeje literatury. Budyšin, 1881.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

Вопросы культуры европейских стран социализма чаще всего исследуются либо в масштабах одной страны, либо в совокупности с другими вопросами общественно-политического развития этих стран.

В сборнике, подготовленном Институтом истории АН УССР¹, поставлена

задача исследования общих закономерностей и специфических особенностей развития культуры в ряде европейских стран социализма — Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии.

Сборник объединяет усилия историков ряда научных учреждений Советского Союза по изучению проблематики культурного строительства этих стран. Рас-

¹ «Культурное строительство в европейских странах социализма». Киев, 1975.

ширение исследовательской базы в области культуры стран социализма само по себе является знаменательным фактом. Опыт такого исследования свидетельствует о стремлении преодолеть как узость страноведческого, так и широту совокупного с другими вопросами анализа предмета. Сложность задачи труда подобного рода прежде всего в реализации определенной концепции в исследуемом вопросе.

Сборник открывается статьей Г. Н. Попова «Культурная революция — закономерность развития социализма», в общих чертах как бы предвещающей рассмотрение вопросов культурного строительства. Основной ее пафос — значение ленинского учения о культурной революции для стран, вступивших на путь социалистического развития. Опираясь на известные положения В. И. Ленина в этом вопросе, автор замечает, что сущность, цели и социальное содержание культурной революции одинаковы для любой страны, развивающейся по социалистическому пути, но осуществляются революционные преобразования в различных формах, что зависит от уровня экономического и культурного развития той или иной страны, от ее национальных и исторических особенностей.

В соответствии с известными положениями Программы КПСС автор рассматривает культурную революцию как развивающийся процесс, который проходит две стадии — социалистическую и коммунистическую, отмечая, что каждая из них характеризуется определенными задачами. В каждой из стадий он выделяет несколько этапов и подчеркивает, что в зависимости от конкретных условий страны степень актуальности и объем задач различны.

Выделяя как одну из важных в марксистско-ленинском учении проблему культурного наследия, Г. Н. Попов обращает внимание на несколько аспектов — «отношение рабочего класса к культуре прошлых эпох, отношение к культуре современного буржуазного общества и отношение одних социалистических стран к достижениям культуры, накопленным другими странами» (стр. 16). К сожалению, ни один из этих аспектов не конкретизируется автором, а известные общие положения не дают еще представления о процессе культурной революции, происходящей в европейских странах социализма.

В сборнике уделено внимание как раннему периоду строительства основ социалистической культуры, так и периоду культуры развитого социалистического общества. В большинстве статей вопросы культурной революции рассматриваются на обоих этапах и группируются преимущественно вокруг проблем, связанных с политической коммунистических и рабочих партий в области культуры и формированием социалистической интеллигенции.

Авторы стремятся показать всю сложность, неоднозначность и диалектичность решения этих проблем в различных условиях культурного строительства в странах, имевших разную в культурно-историческом отношении судьбу.

В сборнике представлены различные аспекты многогранной деятельности коммунистических и рабочих партий в процессе культурного строительства: руководство системой народного образования, воспитание новой социалистической интеллигенции, борьба с буржуазными концепциями и течениями в области культуры. Здесь авторам удалось найти стержневой мотив в изложении — они сосредоточили внимание на характеристике задач, которые ставил каждый этап культурного строительства в данной стране и которые решались в специфических условиях ее культурного развития.

Однако усилия авторов не всегда оказываются плодотворными, когда они обращаются к анализу процессов культуры. Так, в статьях, посвященных вопросам народного образования (Э. П. Чейпеш «Развитие системы образования в Венгерской Народной Республике на новом этапе социалистического строительства. 1962—1972 гг.», И. М. Небесник «Строительство социалистической школы в Чехословакии», И. П. Стецяк «Основные этапы развития народного образования в социалистической Югославии»), внимание уделяется главным образом мероприятиям по организации школьной системы и совсем выпадают из поля зрения такие важные вопросы, как специфика самого образования, связанная с проблемой воспитания новой личности. Процесс изменений в системе народного образования, их значимость для формирования личности оказались за пределами рассмотрения. Анализ мероприятий в области образования и просвещения, в отрыве от организационной ткани культурного процесса в целом, от решения задач культурного строительства на его отдельных этапах, грешит схематизмом.

По той же причине недостаточно глубоко проанализирован такой вопрос, как взаимодействие национального и интернационального в процессе культурной революции. Раскрывая опыт Болгарской компартии в практическом решении этого вопроса, П. С. Сохань в статье «Единство национального и интернационального в болгарской социалистической культуре» почти не касается национальной специфики рассматриваемых явлений культуры, а интернациональное видит, в основном, в многообразии форм культурных связей.

Более удачно, на наш взгляд, освещаются вопросы, связанные с формированием социалистической интеллигенции. Обстоятельно рассмотрена сформулированная в заглавии тема статьи Ю. И. Егорова «Воспитание новой социалистической интеллигенции — одна из закономернос-

тей строительства социализма в ГДР». Сложный процесс формирования социалистической интеллигенции ГДР прослеживается автором в историко-культурном аспекте, где учитываются не только особенности послевоенного развития страны, но и условия предшествующего идеологического и культурного развития нации. Автор освещает политику КПГ, а затем и СЕПГ в отношении интеллигенции, в деле ее идеологического воспитания на разных исторических этапах. Специальное внимание уделено деятельности различного рода организаций (например, Культурбунда — «Союза деятелей культуры по демократическому обновлению Германии»), а также учреждениям типа Академии искусств и других в воспитании новых кадров художественной интеллигенции.

Всесторонне рассмотрена избранная тема в статье А. А. Керекеш-Надя «Из истории создания народной интеллигенции в Венгерской Народной Республике в первые годы народно-демократического строя (1945—1948 гг.)». Значительное место в ней уделено деятельности Венгерской коммунистической партии по подготовке новых кадров интеллигенции демократической республики. Автор останавливается на «выдвиженчестве» как особенности начального культурного строительства, характерной для стран, вступающих на путь социализма. Выдвижение на руководящие посты передовых рабочих и крестьян имело целью наиболее эффективно изменить социальный состав интеллигенции.

Немалое внимание вопросам формирования социалистической интеллигенции уделяется в статьях Л. Г. Федоренко «Решение задач культурной революции в Польской Народной Республике», С. Е. Вайнера «Становление социалистического искусства в Румынии» и С. Ю. Пруницы «Борьба Коммунистической партии Чехословакии за преодоление ревизионизма и оппортунизма в области культуры (1969—1971)». Здесь и характеристика особенностей развития польской интеллигенции, борьбы Польской рабочей партии за ее идеологическое перевоспитание в процессе решения задач культурной революции в Польше, и рассмотрение ряда вопросов, связанных со спецификой развития и воспитания художественной интеллигенции Румынии, и анализ причин, способствовавших распространению ревизионизма и оппортунизма в среде чехословацкой интеллигенции, и показ борьбы Коммунистической партии Чехословакии за их преодоление.

Каждый из перечисленных аспектов проблемы не только интересен своей историко-культурной информативностью, но, что еще более важно, позволяет выявить, с одной стороны, то единичное, что составляет особенность развития данного объекта (интеллигенции европейских социалистических стран), а с другой, при не-

котором использовании сравнительно-исторического анализа, — общее, определяемое как комплекс «культура и интеллигенция при социализме». И хотя в сборнике не ставится задача сравнительно-исторического исследования, сам фактический материал дает повод для размышлений в этом направлении.

Основные общие закономерности, прослеживаемые авторами сборника в этом комплексе — это а) процесс привлечения к социалистическому строительству старой буржуазной интеллигенции и воспитание новой социалистической интеллигенции; влияние специфических условий предшествующего культурного развития каждой нации на этот процесс; б) изменение материальной базы культуры, проведение ее широкой демократизации, переоценка всего культурного наследия, изменение положения интеллигенции и отношения к ней народных масс; в) изменение системы руководства учреждениями культуры, существенно меняющее социальную роль интеллигенции в обществе, и т. д.

Единичное, специфику авторы усматривают в различии социально-профессионального состава интеллигенции, унаследованного от старого строя, в степени распространения и влияния буржуазной идеологии, степени воспитательного воздействия партии и пр.

Статьи сборника в основе своей — исторические исследования вопросов культурного строительства, но, к сожалению, далеко не каждая представляет собой историко-культурный анализ протекавших в странах процессов культуры. Так, например, несколько упрощенно представлен процесс культурного развития Чехословакии периода кризисных событий 1968—1969 гг. в упомянутой статье С. Ю. Пруницы. Рассмотрение культурных явлений этого периода вне связи с неизбежно отраженными в нем культурными процессами периода 1945—1948 гг. приводит к изоляции этого этапа от истории культурного строительства Чехословакии.

Этот недостаток сказался и в освещении явлений художественной культуры, отдельных ее видов. Так, в статье С. Е. Вайнера «Становление социалистического искусства в Румынии» в перечень произведений румынской литературы последних лет попадают романы 50-х годов («Чужой», «Жажда», «Моролеты», стр. 202). Допущенная автором неточность создает неверное представление о некой общности, целостности литературных процессов этих периодов и, следовательно, искажает реальную картину развития румынской литературы.

Эмпиричность изложения, упоминание событий, имен и явлений без рассмотрения их в целостной системе развития культурной жизни стран социализма свидетельствуют о поисках путей исследования

общих закономерностей и особенностей развития этих стран, и потому в известном смысле сборник остается на этапе «первых подступов к проблеме». А ведь сейчас, по прошествии 25—30 лет революционных преобразований, можно делать

уже более уверенные шаги в изучении процессов и закономерностей развития культуры европейских стран социализма.

О. А. Северная

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ О ЯНЕ НЕРУДЕ

Как это ни парадоксально, как ни удивительно не только для иностранных исследователей творчества чешского классика Яна Неруды, но и для чехословацких литературоведов — первая научная библиография о нем вышла на родине писателя лишь в 1976 году¹, восемьдесят лет спустя после его смерти.

Огромная критическая литература о писателе, чье творчество вызывало как восторженные отклики почитателей его таланта, так и самую резкую критику, до сих пор не была научно систематизирована и осмыслена. Библиографические данные о его творчестве, правда, неоднократно появлялись в чешских литературных журналах, но все они носили отрывочный, частный характер. Достаточно сказать, что наиболее полная библиография критических работ о творчестве Яна Неруды Йозефа Брамборы, вышедшая в 1942 г., насчитывает 188 позиций, тогда как составители рецензируемой книги оперировали более чем 4 тыс. названий.

Впервые исследователи творчества Неруды получили такую богатую библиографию, которая значительно облегчит ориентацию в необъятной «нерудяне». Р. Шик и М. Лайске проделали огромную исследовательскую работу, отобрав почти из пяти тысяч критических работ более двух тысяч исследований, имеющих научную ценность и заслуживающих внимания современных литературоведов. Во введении к книге составители четко оговаривают «избранный» характер своего издания, критерии и принципы включения или, напротив, невключения материала в данную библиографию: «Библиографию основной литературы о жизни и творчестве Яна Неруды мы сознательно ограничили широким выбором статей, сообщений, эссе, которые развивают наши представления и обогащают наши знания о творчестве и жизни писателя, по-новому освещают его личность, либо трактуют его идейное и художественное развитие, анализируют его произведения. Полная библиография литературы о жизни и творчестве Я. Неруды вынуждала бы исследователей пускаться в поиски трудно доступных материалов, в которых на деле ока-

зались бы лишь давно известные и повторяемые истины».

Из необъятного моря литературы о творчестве Яна Неруды выбраны прежде всего монографические исследования (работы А. Новака, Ф. В. Крейчи, К. Полака, С. Будина и др.), работы мемуарного характера, воспоминания (Э. Красногорской, А. Гараликовой, С. Лнера и др.), тематические сборники («Из нерудовских времен», Прага, 1959; «Конференция о журналистике Неруды», Прага, 1959 и др.), а также статьи и сообщения, в которых рассматриваются важнейшие стороны творчества Неруды (статьи М. Погорского, А. Гамана, А. Заводского, Ф. Бурианека, К. Слейшки, Я. Мукаржовского и др.).

Нельзя не приветствовать присутствия в книге мелких газетных и журнальных заметок нерудовской поры, которые ценны своим документальным характером (отклики современников Неруды на его произведения, известия о его смерти, похоронах, некрологи и т. д.). Нам кажется полезным включение в библиографию и работ совершенно иного типа — исследований широкого историко-литературного и культурного характера, в которых личность и творчество Неруды занимает определенное место (книга Я. Цисаржа «Жизнь сцены», Прага, 1962, работа Брожовой-Малой «Путь за славой» (о певце Йозефе Лье), Прага, 1955 и др.).

В библиографию не включены всевозможные учебные пособия по истории и теории литературы, различные истории литературы, словари, популярные энциклопедии и иные издания подобного рода. Не вошли в библиографию за самими редкими исключениями, и рецензии на работы, посвященные творчеству Неруды, а также художественные произведения, в основу которых положена биография Неруды, и сведения об изданиях нерудовской корреспонденции.

Библиография охватывает огромный материал от первых критических заметок о творчестве Неруды в 1854 г. до 1971 г. включительно. Все материалы расположены в строгой хронологической последовательности, многие из них снабжены краткой аннотацией. Книга завершается предметным и именовым указателями.

Очевидно составители библиографии посвоему правы, создавая некий «избран-

¹ «Literatura o Janu Nerudovi». Sestavili Hynek Šik a Miroslav Laiske. Praha, Odeon, 1976.

ный» вариант, пытаюсь просеять сквозь свое «критическое сито» всю огромную литературу о Неруде, чтобы отобрать лучшее, не утратившее своего значения в наше время, отбрасывая менее важное, повторяющее уже открытые истины. Вместе с тем такой подход оставляет возможности для субъективных оценок. К счастью, принципы отбора материала, благодаря своей обоснованности и научной целесообразности позволили авторам сохранить должную объективность и полноту издания.

Справедливости ради, следует указать и на некоторые недостатки этого ценного издания. К сожалению, далеко не всегда сохранена последовательность в соблюдении принципов отбора материала. Отказываясь от включения в книгу историй литературы, составители библиографии, естественно, обходят вниманием, например, обширную и глубокую главу о Неруде М. Погорского в чешской академической «Истории чешской литературы»², но включают главу А. Соловьевой о Неруде из «Очерков истории чешской литературы XIX—XX вв. (Москва, 1963). Это исключение из правила не является, однако, реверансом в сторону советских исследователей чешского классика. Как раз советская богемистика представлена в рецензируемой книге очень неполно³, как и вообще работы иностранных исследователей. Так, например, в ней отсутствуют проблемные статьи А. Соловьевой, С. Никольского, О. Малевича, касающиеся эстетических воззрений писателя, типологической соотнесенности его творчества с творчеством русских писателей⁴.

Этой же важной проблеме посвящена интересная статья чешской исследовательницы Э. Германовой: «Художественная проза Я. Неруды и ее литературно-исторический контекст», опубликованная в Советском Союзе⁵ и несправедливо забытая Шияком и Лайске. Мы не встретим в библиографии и вступительных статей к русским изданиям чешского классика, хотя бы статьи В. Чернобаева «Ян Неруда и чешская литература XIX в.»⁶ или предисловия А. Соловьевой к избранному изданию произведений Яна Неруды в 2-х томах⁷, тогда как статьи подобного жанра, принадлежащие перу чешских исследователей, представлены в книге очень щедро. Очевидно, здесь произошло какое-то досадное упущение, так как трудно предположить, что составители библиографии не были осведомлены о важнейших советских изданиях Неруды или что сыграл роль определенный оценочный момент — в книгу включена положительная рецензия А. Гамана на издание Неруды в 2-х томах с предисловием А. Соловьевой.

Очень жаль, что от внимания составителей ускользнула заметка известного украинского поэта Максима Рыльского, переведившего стихи Яна Неруды и высоко оценившего его поэтическое дарование⁸.

Книга «Литература о Яне Неруде» займет достойное место в ряду ценных библиографических работ, которые облегчают научное исследование и помогают наметить его новые аспекты и задачи.

А. Соловьева

² «Dějiny české literatury». Díl. III. Praha, 1961.

³ На этот факт как на недостаток книги указывал также и чешский рецензент. См. «Tvorba», 13 X 1976.

⁴ А. Соловьева. Борьба Неруды за реалистическую эстетику в чешской литературе 60—70-х годов XIX в. В сб. Критический реализм в литературах западных и южных славян. М., 1965; С. В. Никольский, А. П. Соловьева. Гоголь и становление реализма в чешской литературе. «Краткие сообщения Института славяноведения АН

СССР». М., 1952, № 3; О. М. Малевич и ч. Неруда и Достоевский. В сб. Русско-чешские и русско-словацкие литературные отношения конца XVIII—XIX вв. М., 1968 и др.

⁵ «Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении». М., 1971.

⁶ Ян Неруда. Малостранские повести. Л., 1938.

⁷ Ян Неруда. Избранное в 2-х томах. М., 1958.

⁸ Максим Рыльский. Над стихами Яна Неруды. В кн. Классики и современники. М., 1957.

В. ВУЛЕТИЋ. Мисао и реч Светозара Марковића. Врџачка Бања, 1975, 236 стр.

В. ВУЛЕТИЧ. Мысль и слово Светозара Марковича

Имя сербского революционного демократа Светозара Марковича (1846—1875) — общественного деятеля, мыслителя и публициста 70-х годов XIX в. — хорошо известно советским читателям¹. Его содействие пробуждению социалистического движения на Балканах и распространению идей социализма, его последовательная борьба против реакционных и консервативных сил сербского общества в области политической жизни, народного образования, науки и искусства, наконец предпринятая им теоретическая разработка основ реализма в литературе — все это стало неотъемлемой частью передовой сербской культуры. Поэтому к наследию Св. Марковича постоянно обращались все прогрессивные деятели сербской культуры второй половины XIX — начала XX в., а также представители марксистской мысли межвоенного периода. И вполне понятно, что особое значение приобрели традиции Св. Марковича в послевоенной Югославии, в период социалистического строительства.

Деятельность Св. Марковича привлекала и привлекает к себе внимание ученых разных специальностей — и историков, и философов, и литературоведов. Однако при весьма значительном количестве общих статей и специальных исследований его политических, экономических и эстетических взглядов обобщающими трудами литератора о Св. Марковиче не богата. Долгое время вообще единственной монографией такого рода оставалась книга известного историка сербской литературы Йована Скерлича «Светозар Маркович, его жизнь, деятельность и идеи» (1910).

В последнее время заметный вклад в изучение многогранной деятельности Св. Марковича внесли работы В. Вулети-ча. Автор многочисленных исследований из истории сербской и русской литературы XIX в., один из крупнейших специалистов в области сербско-русских литературных связей, В. Вулети-ч, естественно, уделил много внимания пребыванию Марковича в России (1866—1869 гг.) и его отношению к русской революционной демократии². Тщательное изучение этого периода в биографии сербского просветителя, существенно повлиявшего на его мировоззрение и революционно-организаторскую деятельность, позволило югославскому ученому дать комплексное ос-

вещение всей жизни и творчества Марковича и тем углубить их понимание. Это в особенности относится к новой книге В. Вулети-ча «Мысль и слово Светозара Марковича», где дается последовательный анализ основных идей Марковича, высказывавшихся им в русской и сербской публицистике конца 60-х — начала 70-х годов прошлого века, и где содержится характеристика процесса их становления и развития. Кроме научно-публицистических сочинений Марковича в этой работе широко используются различные документы и прежде всего его письма к родным, друзьям и соратникам, а также исторические данные о его участии в революционном движении.

Отмечая влияние русской революционной демократии на формирование общественно-политических и эстетических взглядов Св. Марковича, автор рецензируемой книги в то же время совершенно справедливо подчеркивает, что своими корнями его мировоззрение глубоко уходит в сербскую почву. Согласно концепции В. Вулети-ча, только в соответствующих условиях сербской жизни и тогдашней борьбы за ее преобразование мог сложиться такой тип деятеля, как Маркович. Не случайно поэтому под этим углом зрения рассматривается вся его жизнь. Так, говоря о периоде созревания его личности (1846—1866), исследователь напоминает о постоянном присутствии членов семьи Марковича на политической арене сербской жизни с 30-х до конца 70-х годов. Традиции семьи, прежде всего пример отца и старшего брата Ефрема, явились первыми предпосылками идейного формирования Марковича. В дальнейшем национальный подъем (накануне и некоторое время после Святоандреевской скупщины 1858 г.) создал благоприятную атмосферу для пробуждения общественного сознания молодого поколения начала 60-х годов, к которому принадлежал и Св. Маркович. Незадолго до отъезда Св. Марковича в Петербург, в августе 1866 г., было основано Объединение сербской молодежи (Омладина) — первая в истории Сербии организация, поставившая своей задачей развитие просвещения, науки и культуры в общенациональном масштабе.

Вдохновленный, как и его сверстники, идеями Омладины, Маркович активно участвует в общественно-политической жизни сербского студенчества в Петербурге, в организации «Сербской общины» (в дальнейшем — югославянской), устанавливает контакты с русским революционным подпольем, а через него — с русской революционной эмиграцией в Швейцарии. К петербургскому периоду жизни Марковича относится и начало его литера-

¹ См. Св. Маркович. Избр. соч. Вступительная статья и комментарии В. Г. Карасева. М., 1956.

² См. В. Вулети-ч. Светозар Маркович и руски револуционарни демократи. Нови Сад, 1964.

турной работы, для которой, по наблюдениям В. Вулетича, характерны острое внимание к сербской общественно-политической жизни: ее осмысление в свете опыта русской революционной борьбы, поиски новых форм организации на родине общественного и культурного движения. Так, в статье «Сербской молодежи» он критикует сербские «беседы» за их преимущественно развлекательный характер и вскоре знакомит своих соотечественников с тем, как происходят подобные собрания в России (статья «Литературный вечер»). Под влиянием полемики, разгоревшейся в русской печати по вопросам народного просвещения, Маркович выступает с критикой системы образования в Сербии, решительно осуждая ее за примитивность и консерватизм («Как нас воспитывали»). Применяя эстетическую теорию Н. Г. Чернышевского к условиям развития родной литературы, Маркович пишет статью «Поэзия и мышление» — эту своеобразную программу сербской революционной демократии, где резкая критика литературной рутины сочетается с глубокой теоретической разработкой основных эстетических категорий.

В Швейцарии (1869—1870), где он продолжал изучение инженерного дела, Маркович, по выводу В. Вулетича, еще более укрепляет связи с русскими революционерами. Он участвует в работе русской секции I Интернационала, больше чем прежде занимается политическими и экономическими науками, изучает основы научного социализма. Словом, его теоретическая и практическая деятельность приобретает несколько иное направление,

однако он по-прежнему поддерживает неразрывную связь с Сербией, упорно ищет новые пути ее общественно-политического развития («Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии», «Сербские обмань» и др.). Автору рецензируемой книги удалось проследить эволюцию мировоззрения Марковича в значительной мере благодаря тому, что он сумел наглядно показать, как Маркович изучал развитие социалистических идей и соотносил их с происходившими переменами в сербской жизни (усиление реакции, переход большей части сербских либералов из оппозиции на службу монархическому режиму). Исследователь убедительно показывает «полевание» взглядов Св. Марковича, при котором, однако, тот не терял присущего ему чувства реальности и понимания насущных общенациональных задач и возможностей.

В. Вулетич освещает в последних разделах книги практическую деятельность Марковича в Сербии (организация рабочих и социалистической печати, создание артелей-коммун, выступления в защиту передовых, демократических элементов сербской общественной жизни) и вместе с тем характеризует его стойкость перед лицом ожесточенных нападок консервативной сербской печати и властей.

В книге вырисовывается впечатляющий образ борца и мыслителя, пламенного патриота своей родины и интернационалиста, предтечи той плеяды революционеров, которой выпало на долю осуществить социалистическую революцию.

А. Данилова

«*Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*». Za redakce T. I. Konstantinové. A. G. Širokovové, M. Zátovkaňuka. Praha, 1974, 313 s.

«Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского и чешского языков»

Недавно в Праге вышел сборник работ чехословацких и советских славистов «Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского и чешского языков». Эту книгу по праву можно назвать долгожданной. Ее выход был запланирован на 1974 г. (поэтому на титульном листе и указано Praha, 1974), но в силу ряда обстоятельств она вышла только в 1976 г.

Коллективный сборник является наглядным свидетельством дружбы и научного сотрудничества чехословацких и советских ученых-славистов. Статьи написаны русистами и богемистами пражского Карлова университета, Чехословацкой академии наук, Московского, Ленинградского и Брненского университетов и Экономического института в

Праге. Редакторы сборника справедливо замечают в предисловии, что «совместная работа в значительной степени способствует установлению научных, деловых и дружеских контактов между чешскими и советскими лингвистами» (стр. 7).

Сборник открывается статьей М. Затовканюка «К результатам сопоставительного изучения славянских языков (с установкой на практическое изучение языков)», которая служит своеобразным введением ко всей книге, так как в ней анализируются работы по сопоставительному исследованию славянских языков и излагаются в историкографическом плане сопоставительные методы, использованные в учебных пособиях по русскому и другим славянским языкам. Автор при-

ходит к выводу, что для современного состояния славянского сопоставительного анализа характерно стремление к комплексности лингвистического, психолингвистического и дидактического аспектов. Многие из описываемых автором книг являются библиографической редкостью, что делает статью М. Затовканока еще более ценной для широкого круга лингвистов, интересующихся вопросами сопоставительного изучения славянских языков и межславянской речевой интерференцией.

В обстоятельной статье проф. А. Г. Широковой «О функциональной нагрузке форм кондиционала настоящего времени в чешском языке (в сопоставлении с русским языком)» впервые дается полное сопоставительное описание форм кондиционала в чешском языке и форм сослагательного наклонения в русском. Известный советский богемист, автор учебников чешского языка считает метод сопоставительного описания, при котором один из языков принимается за исходный и описывается относительно другого, удобным для целей перевода и преподавания. Проф. А. Г. Широкова делает выводы о значении и употреблении кондициональных конструкций в чешском и русском языках, которые имеют теоретическое и методическое значение. Основной вывод автора: «Русский узус в отношении употребления форм кондиционала заметно отличается от чешского» (стр. 47) — подкреплен многочисленными примерами из произведений чешской художественной литературы и записей разговорной речи, которые снабжены удачными переводами.

Следует отметить хорошую композицию сборника. Статьи как бы дополняют друг друга, создавая в целом довольно полное представление о лексических и грамматических явлениях в русском и чешском языках в сопоставительном плане. Вслед за статьей А. Г. Широковой следует работа Л. И. Новиковой, посвященная проблематике глаголов *reflexiva tantum* с частицей *si* в современном чешском языке. О видовой дифференциации двувидовых глаголов с инязычной основой в чешском языке в сопоставлении с русским пишет С. А. Лебедев. В статье П. Адамца «Muset или mít» анализируется семантика указанных в названии работы модальных глаголов, имеющих в чешском языке значение долженствования, а также их семантических антиподов *nemuset*, *nemít*, *neměť* и *nemosí*. Автор исследует условия употребления этих глаголов в различных контекстах.

Ряд статей посвящен анализу русских и чешских имен существительных. В сравнительно-сопоставительном аспекте В. Ф. Васильевой изучаются существительные *pluralia tantum* в чешском и русском языках. Таблица функционирования форм множественного числа у существительных с обеими формами чис-

ла и в разряде имен существительных *pluralia tantum* удачно завершает эту статью. Словообразование русских и чешских существительных анализирует И. Ибрачек в статье «Стилистическая характеристика существительных с интернациональными суффиксами в современном русском языке (на фоне чешского языка)». Русские и чешские многозначные существительные изучаются В. Комовой-Шимковой, которая для формулирования результатов сопоставления использует так называемую дифференциальную полисемию. Автор делает некоторые предположения, касающиеся чешско-русской интерференции.

Специально вопросам речевой интерференции посвящены коллективная статья И. Зимовой, Р. Ходеры и Л. Розковцовой «Аспекты интерференции в обучении языкам» и работа М. Голоубковой и И. Зайнчковой «К взаимоотношению языковой интерференции и сопоставления языков (на материале склонения имен существительных)». Авторы показывают возникновение чешско-русской интерференции и пути предотвращения ошибок, обусловленных этим явлением, у чехов, говорящих по-русски.

Исторической лексикологии чешского языка посвящена статья Г. А. Лиллич «Из истории русских лексических заимствований в чешском языке». Автор рассматривает прилагательные *boďrý*, *chrabrý*, *pěšný*, *chromý*, *zadumčivý*, вошедшие в чешский язык из русского в период чешского национального возрождения.

Ленинградский фразеолог В. М. Мокиенко подходит к сопоставительному описанию русской и чешской фразеологии с точки зрения структурно-семантического моделирования. Этот метод, впервые выдвинутый автором в более ранних работах, позволяет сделать вывод о большей близости образных систем фразеологии сопоставляемых языков, чем обычно предполагается.

Э. Беличева-Кржижкова посвящает свою статью пространственной детерминации в русском и чешском языках. Некоторые синтаксические особенности современного русского языка в сопоставлении с чешским рассматривает также Д. Брчакова в работе «Аспекты употребления местоименного подлежащего в современном русском языке (на фоне чешского языка)». В статье М. Кубика анализируется проблематика сравнительно-сопоставительного исследования русских и чешских лексикализованных глагольно-именных сочетаний. К. Хлупачева в работе «К характеристике наименований в русском и чешском языках» делает вывод, что в русском языке имеется больше немотивированных наименований, чем в чешском. Анализ метонимических переносов преимущественно на материале поэзии С. Есенина проводит И. А. Долгих.

Нельзя не отметить замечательное полиграфическое оформление сборника. Книга издана на прекрасной бумаге, шрифт ясный и удобный для чтения, работа художника Я. Пришбрамского заслуживает высокой оценки.

Безусловно, редакторы провели большую работу по подготовке сборника к печати. Он оставляет впечатление единства в тематическом, терминологическом и структурно-последовательном планах. Примечательно незначительное количество опечаток, несмотря на то, что статьи написаны на двух языках — русском и чешском — и, кроме того, содержат примеры из многих других языков. Жаль, что в сборнике не установлено единство в склонении чешских фамилий на *-ек* в русском языке. На страницах книги «существуют» формы родительного падежа типа Мразека (стр. 47), Заоралека (стр. 256) и Гавранка, Горалка (стр. 178), Махка (стр. 283) и т. д. Допущен ряд ошибок и опечаток в именах собственных: Ю. Г. Гагарин вместо Ю. А. Гагарин, Тухвинская АССР вместо Тувинская

АССР, в АССР в Коми вместо в Коми АССР (стр. 183) и др. В сноске на стр. 251 статья В. М. Мокиенко «Историческая фразеология: этнография или лингвистика?» названа «Историка фразеология...». Расшифровка одних и тех же сокращений повторяется во многих статьях, и поэтому список использованных сокращений, помещенный в конце сборника, по сути дела не выполняет своего назначения. Но все эти мелкие замечания не снижают высокой положительной оценки, которую рецензируемая книга уже получила в научном мире.

Советские и чехословацкие лингвисты будут приветствовать новые издания подобных коллективных сборников. В наше время постоянно растущего международного сотрудничества объединение сил филологов СССР и ЧССР в решении общих задач будут способствовать прогрессу науки, укреплению дружбы между братскими народами.

В. И. Супрун

ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА В СЛОВАЦКОЙ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблемы изучения средневековой истории городов занимают важное место в работах словацких историков. Состоявшаяся в 1971 г. в Левочке конференция подвела итоги многолетним исследованиям проблемы развития городов, их роли в феодальном обществе¹. По материалам этой конференции в 1974 г. были изданы два сборника². В первом сборнике освещаются проблемы общественной, экономической, политической и культурной истории средневековых городов Словакии в целом, во втором — проблемы истории городов Спишского региона Словакии, развитию которых были присущи специфические черты, ибо в этом районе общественно-экономические процессы и становление словацкой народности больше, чем в других районах Словакии, были деформированы средневековой немецкой колонизацией, сказавшейся впоследствии и на особенностях формирования словацкой нации. Представленные в сборниках статьи охватывают почти все основные проблемы истории городов, раз-

рабатываемые в настоящее время словацкой историографией.

Наибольших результатов словацкая марксистская историография достигла в разработке проблем славянского заселения Словакии в раннефеодальный период, возникновения здесь городов и первоначального этнического состава их населения. Следует отметить, что именно эти проблемы наиболее тенденциозно освещены в буржуазной историографии. В результате систематических археологических раскопок, начавшихся в Словакии в 50-е годы и продолжающихся в настоящее время, был получен большой материал для изучения этих проблем. С достижениями в области исторической археологии знакомит читателей статья Б. Полла «К вопросу о возникновении городов с точки зрения исторической археологии». Словацкие историки, базируясь на новых археологических материалах, дополненных данными топономики, гидронимики и данных письменных источников, пришли к выводу о том, что средняя, северная и восточная Словакия были заселены славянами уже в раннефеодальный период и что развитие здесь городов началось задолго до немецкой колонизации. Эти выводы опровергают прежние утверждения немецкой и венгерской историографии, что горно-рудные области средней Словакии, а

¹ Обзор литературы по средневековым городам, вышедшей с 1960 по 1970 г., сделал на конференции Р. Марсина. «Historický časopis», 1972, s. 187—204.

² «Historické štúdie», XIX Bratislava, 1974, 264 s.; «Spišské mestá v stredoveku». Košice, 1974, 172 s.

какже ее северные и восточные области не были заселены до включения их в систему венгерского государства и до немецкой колонизации и что основателями городов в Словакии были немцы. Эти вопросы рассматриваются в статьях Б. Варсика, Я. Бенько, И. Халупецкого, П. Раткоша, В. Янковича. Б. Варсик убедительно доказывает, что спшский регион Словакии был заселен славянами еще в IX—XI вв. и что спшские города Левоча, Кежмарок, Гельница, Попрад, Спшска Нова Вес, Бела, Велька восходят своими корнями к исконно славянским торгово-ремесленным центрам («Первоначальное славянское заселение Спшша и истоки спшских городов»). Я. Бенько приводит данные о возникновении большого числа славянских общин в северной части спшского региона в период до немецкой колонизации и о доколониационном развитии североспшских городов — Подолинец, Гниецдзе, Спшска Стара Вес, Стара Любовня («Переход североспшских поселений с эмфитевтического права на городское право»). П. Раткош приходит к выводу, что в рудоносных районах Словакии еще до прихода немецких колонистов имелись многочисленные славянские поселения и что большая часть горных городов выросла из них или на их месте — Банска Штявница, Банска Быстрица, Ляпча, Гибы, Ружомберок, Спшска Нова Вес, Гельница («Возникновение и начало развития горнорудных городов Словакии»). А при возникновении горнорудных городов и развитии горнорудного производства в XIV—XV вв., наряду с притоком населения извне, большую роль играла уже внутренняя инфльтрация. И. Халупецкий на основе данных археологии и топонимики говорит об относительно густом заселении Спшша уже в VI—XII вв., о развитии спшских городов в период до немецкой колонизации («К некоторым проблемам ранней истории спшских городов»). В. Янкович пишет, что славяне заселили район Липтова еще в IX в. («Из истории Липтоской Мары»).

Важное место в исследованиях словацких историков занимает проблема немецкой колонизации и ее последствия, которой касаются авторы вышеназванных статей. Б. Варсик и П. Раткош считают, что первая волна немецких колонистов (конец XII — начало XIII в.), которая затронула Спшш и среднесловацкий горнорудный район, была слабой. В Спшше колонисты не создали отдельных поселений. Немецкая колонизация этого периода не оставила заметных следов в общественно-экономическом развитии Спшша. В среднесловацком горном районе немецкая колонизация коснулась только Банскобыстрицкого округа, но новые методы добычи руды, принесенные иноземными горняками, уже в этот период сплотивались здесь расцвету горного дела.

Более сильной была вторая волна немецкой колонизации (из Саксонии), которая началась со второй половины XIII в. после разорения татарами Словакии. С саксонской колонизацией связано возникновение большого числа немецких общин в Спшше и горных общин в горнорудном районе средней Словакии. Немецкая, а частично венгерская и польская, колонизация северных районов Спшша происходила в основном в XIV в. и даже позже. По мнению Я. Бенько, немецкое право, которое получили в период колонизации вновь основанные колонистами общины и на которое переводились старые славянские поселения, сначала способствовало развитию их как торгово-ремесленных центров, но с получением ими городских свобод и привилегий — становилось тормозом их дальнейшего развития. Автор приходит к выводу, что в начале XIV в. немецкая колонизация в целом способствовала более интенсивному росту спшских городов, но в дальнейшем всю власть в городах, благодаря королевским привилегиям, захватил немецкий патрициат, а славянское население на несколько столетий было вытеснено из экономической и политической жизни Спшша. Об этом же говорит и М. Сухи. В статье «Из истории политической борьбы городов со шляхтой с XVI до начала XVIII в.» он отмечает, что поскольку экономически наиболее сильной частью городского населения оказалось немецкое, интересы которого во многом лежали вне страны, то это определило политическую слабость города в венгерском королевстве. В своей борьбе за политическую власть немецкое мещанство городов Словакии не могло опереться на преобладающую часть городского населения, этнически чуждого ей.

Буржуазная историография, считая главным критерием средневекового города как особого социального института наличие городского права, связывала с ним и возникновение городов в Словакии во второй половине XIII—XIV вв., т. е. со временем получения правовых привилегий торгово-ремесленными центрами. Совпадение этого момента с периодом немецкой колонизации в Словакии послужило для буржуазных историков основанием для утверждения, что словацкие города были основаны немцами.

Словацкие историки отмечают, что средневековые города в своем развитии проходят несколько фаз. Первая охватывала период до получения городами привилегий. Д. Леготска («К вопросу об основной классификации средневековых городов Словакии») и Й. Карпат («Возникновение и развитие городов в средние века и королевская казна») в своих работах убедительно доказывают, что правовые привилегии явились лишь юридической фиксацией реально существовавшего города как экономического центра,

центра ремесла, торговли и горного дела. Получение городами юридических прав было неразрывно связано с фискальной политикой королевской власти, а определяющим фактором являлась материальная заинтересованность королевской казны, хотя и сами города также были заинтересованы в их получении. Размеры льгот, отмечает Й. Карнат, всегда определялись мерой фиска. Д. Леготска приходит к выводу, что основой возникновения городов и их дальнейшего существования и развития была экономическая база, подкрепленная правовой и экономической привилегиями. В подтверждение она приводит данные о том, что городские привилегии в течение второй половины XIII—XIV вв. получили более 50 торговых, ремесленных и горных центров Словакии (а в течение всего средневековья—около 150), однако, в дальнейшем свободными королевскими городами с полными выборными органами городского управления, развитой экономикой, представители которых с начала XV в. участвовали в заседаниях сеймов, стала лишь небольшая их часть. В XV в. таковых оказалось 16, а к концу феодального периода к ним прибавилось еще только 8. По уровню экономического и правового развития Д. Леготска разделяет средневековые города на три категории.

Й. Карнат считает спецификой словацких городов то, что с получением правовых привилегий они не становились свободными. Избавившись от юрисдикции феодалов, они становились фактически собственностью венгерского короля. В этом отличие их положения и развития от западноевропейских городов, уровня которых города в венгерском королевстве, в том числе и словацкие, не достигли на протяжении всего периода феодализма. Этот вывод подтверждает и М. Сухи. По его мнению, такая зависимость городов в Словакии от королевской власти была причиной того, что мецанство в венгерском королевстве не стало гегемоном политического развития. Политическая активность городов была направлена, как правило, лишь на защиту собственных привилегий, о чем свидетельствует характер борьбы городов, прежде всего словацких, с венгерской шляхтой в течение XVI—начала XVIII в.

В статье М. Сухи рассматривается также широкий круг вопросов, связанных с политической борьбой между словацкими городами и венгерской шляхтой, по которым в словацкой и венгерской историографии существуют различные, иногда прямо противоположные, точки зрения. Автор дает собственную оценку антигабсбургским восстаниям венгерского дворянства, отличающуюся от оценок, имеющих в историографии, а также глубокий анализ последствий этих восстаний для развития словацких городов. Вопреки мнению некоторых словацких

историков, считающих, что в XVI—XVIII вв. словацкие города не играли какой-либо роли в политической жизни Венгрии, М. Сухи полагает, что, несмотря на неблагоприятные условия развития, города Словакии в этот период являлись фактором, с которым были вынуждены считаться и венгерская шляхта и Габсбурги.

Большой интерес представляет, на наш взгляд, статья Шт. Мертановой «Возникновение и развитие спийского права», в которой исследуются вопросы возникновения, а также характерные особенности так называемого спийского права. Анализируя целый ряд исторических источников (городские привилегии 1271 г., Спийскую правовую книгу 1370 г. и др.), автор пришел к выводу, что спийское городское право не является чисто немецким правом, как это утверждает буржуазная историография. Скорее оно представляет собой синтез правовых норм и установлений, принятых немецкими колонистами, с правовыми нормами, появившимися в результате развития имущественных и общественных отношений на территории Спиа.

Проблематика общественно-экономического развития городов Словакии в средние века рассматривается в статьях А. Гачовой, М. Сухи, Ю. Бартла. А. Гачова («Некоторые аспекты численности и имущественного положения населения восточнословацких городов в средние века») дает сравнительный анализ имущественной структуры населения трех восточнословацких городов в XV—первой половине XVI в.—Бардейова, Прешова, Кежмарк. На основе сохранившихся налоговых списков она делает попытку определить численный состав городов (Бардейов и Прешов — около 3000—3800 человек, Кежмарок — около 2000—2200 человек), а также выявить специфические и общие черты их общественно-экономического развития, сравнив их с некоторыми центральноевропейскими городами — чешскими, моравскими, лужицкими. А. Гачова пришла к выводу, что в XV—первой половине XVI в. восточнословацкие города по уровню экономического развития не отличались от таких же по величине центральноевропейских городов. К сожалению, автор почти не затрагивает вопроса этнического состава населения восточнословацких городов, что имело немаловажное значение для их последующего развития. Единственное упоминание касается Прешова, где, по мнению автора, среди ремесленников было много венгров. Проблема этнического состава населения городов является одной из самых сложных. Особое значение она имеет для восточнословацких, прежде всего спийских городов, немецкая колонизация которых была наиболее сильной.

Ю. Бартл («Об источниках городского имущества и хозяйства»), исследуя ис-

точники имущества и хозяйства словацких городов XIV—XV вв., попытался получить ответы на два чрезвычайно важных вопроса: 1) какую роль играло городское хозяйство в экономике города в целом, как оно использовалось для развития предпринимательства и предкапиталистических форм промышленного производства и 2) какое место занимал средневековый словацкий город в экономике феодального общества. По мнению автора, всестороннее исследование имеющих источник свидетельствует о том, что в Словакии хозяйственная деятельность городов на принадлежащей им территории не привела в тот период к возникновению предкапиталистических, а затем и капиталистических форм предпринимательства и излагает причины этого.

В рассматриваемых сборниках исследуются также вопросы торговых связей словацких городов и их роль в торговле венгерского государства. О. Галага («Переломные годы 1270—1280 в развитии городов в Европе и Словакии») рассматривает развитие торговых связей городов Словакии на общем фоне развития европейской и мировой торговли. Автор отмечает все возрастающую с 70—80-х годов XIII в. роль восточнословацких городов в венгерской и европейской торговле. Этому, по его мнению, способствовало развитие морских торговых путей и сосредоточение центра международной торговли на Балтике, в ганзейских городах. В связи с этим именно Восточная Словакия стала воротами Венгерского королевства в европейской торговле. И. Казимир («Торговые связи Трнавы с Чешскими землями в середине XVI в.») характеризует чешско-словацкие торговые связи, связи между Чешскими землями и Трнавой, важнейшим торговым центром Венгерского королевства, и тенденцию их развития в период с 1540 по 1570 г. Автор приводит большой материал, свидетельствующий о росте объема торговли между Чешскими землями и Венгрией в этот период, особенно в последнюю треть XVI в. Выводы автора подтверждают точку зрения чешских историков об интенсивно развивающихся чешско-словацких торговых связях накануне Белой Горы. М. Сухи в статье «Спишские города, заложенные Польше» говорит о большой роли этих городов в польско-венгерско-русской торговле в XV—XVIII вв. С конца XV в. они становятся серьезными конкурентами восточнословацких городов — Левочи, Кошиц, Бардеюва.

Проблемы горных городов и развития горнорудного производства в Словакии в средние века рассматриваются в выше-названных статьях П. Раткоша. П. Галага, М. Складаны. П. Раткош исследовал вопрос о возникновении горнорудных городов и начале заселения рудовосных

районов Словакии. О. Галага показал, что спрос на медь на мировом рынке способствовал росту горнорудного производства и развитию горнорудных городов в Восточной Словакии. Автор приводит интересные данные о прогрессе в технике добычи руды и в технологии медеплавильного производства. Медь из Словакии пользовалась известностью на мировом рынке. М. Складана («Самые ранние свидетельства о предпринимательской деятельности Яна Турзо в средне-словацких горнорудных городах») на основе новых обнаруженных в фуггеровском архиве документов, касающихся деятельности краковского предпринимательского общества в горных городах средней Словакии в 1475 г. (документы даны в приложении к статье), датирует более ранним временем начало деятельности Я. Турзо в среднесловацком горнорудном районе. В историографии до сих пор начало деятельности Я. Турзо связывалось с возникновением турзовско-фуггеровского торгово-предпринимательского общества (1499—1525), основанного с целью эксплуатации среднесловацких медных рудников.

В рассматриваемых сборниках нашли широкое отражение и проблемы истории культуры средневековых городов Словакии. Им посвящены интересные статьи Ю. Сошко, Р. Рибарича и Л. Шашки. Ю. Сошко («Кодексы горнорудных городов средней Словакии» и «Средневековые рукописи на Спише») характеризует рукописные собрания среднесловацких горнорудных городов, прежде всего кодексы Кремницы, Банской Штявницы и Банской Быстрицы, а также исследует историю возникновения крупнейших спишских собраний: Спишской капитулы, Левочской приходской библиотеки и библиотеки спишских монахов-картузианцев. Особое внимание автор уделяет творениям спишских мастеров-художников, свидетельствующим о высоком уровне развития письма и книжной миниатюры в Спише в XIV—XVI вв. Р. Рибарич («Средневековый город как музыкально-культурный организм») рассматривает характерные черты и особенности музыки средневековых городов и ее отличия от монастырской и замковой. Статья Л. Шашки «Искусство средневекового Спиша» посвящена истории развития архитектуры, живописи, скульптуры, художественных ремесел Спиша. Из этих статей следует, что в XIV—XVI вв. города Словакии, особенно горные города, являлись не только развитыми экономическими центрами, но и крупными центрами средневековой культуры и искусства. С именами спишских мастеров связано создание таких мировых шедевров, как алтарь Левочского приходского костела и Спишский замок.

В завершающей сборник статье В. Янковича — «Спишская историография» — ав-

тор выделяет четыре периода в развитии историографии о Спише: I — начало XVI в. — середина XIX в.; II — с 70-х годов XIX в. до 1918 г.; III — с 1919 по 1944 г.; IV — с 1945 г. и показывает ее характерные черты и тенденции в каждый период, давая характеристику наиболее важным работам.

В целом можно сделать вывод, что статья в рассмотренных нами двух сборниках охватывают широкий круг проблем по средневековой истории Словакии, разрабатываемых словацкой марксистской исторической наукой. В большинстве статей подводятся итоги многолетних предшествующих исследований их авторов, прежде всего по таким сложным и до сих пор вызывающим большие споры проблемам, как первоначальное заселение территории Спиша и горнорудных

районов Словакии в раннефеодальный период и возникновение средневековых словацких городов. Исследования словацких историков во многом опровергают точки зрения буржуазной историографии по этим вопросам. Большой заслугой словацкой марксистской историографии является, на наш взгляд, также значительное внимание ее к исследованию общественно-экономических проблем, почти не получивших освещения в буржуазной историографии. Следует высоко оценить вклад словацких историков-марксистов в исследование целого ряда сложных вопросов средневековой истории Словакии и центрально-европейского региона в целом.

А. И. Виноградова

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1976 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Бодрова В. В. Народонаселение европейских социалистических стран. «Статистика», 1976.

Вопросы социально-политического развития социалистических стран. Сб. статей. М., 1976.

Грачев А. За право на будущее. Молодежное движение в борьбе за международную разрядку, безопасность и сотрудничество народов. «Знание», 1976.

Иванов И. Д. Международное разделение труда и НТР. «Знание», 1976.

Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 2. Рабочее движение в период перехода к империализму. 1871—1904. «Мысль», 1976.

Миккульский К. И. Классовая структура общества в странах социализма. «Наука», 1976.

Молодежное движение социалистических стран. Уч. пособие. М., 1976.

Некоторые вопросы классовой борьбы в зарубежных странах. Сб. науч. работ. Саранск, 1976.

Некоторые итоги педагогических исследований в европейских социалистических странах в 1974—1975 гг. М., 1976.

Нечай В. I. На шляху національного розвитку і соціального прогресу. Політвідав України, 1976.

Проблемы развития демократии в социалистическом обществе. Челябинск, 1976.}

Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. «Наука», 1976.

Развитое социалистическое общество, его историческое место и особенности строительства в различных странах. Материалы Всесоюз. конференции. 28—29 окт. 1974 г., ч. 1—2, М., 1975.

Социалистическая Федеративная Республика Югославия. «Наука», 1975

Теория и практика строительства социализма. Из опыта стран соц. дружества. «Наука», 1975.

Турко Н. Г. Политическая система зарубежных социалистических стран. «Знание», 1976.

Формирование и развитие содружества социалистических стран. Мат-лы VI заседания Комиссии историков СССР и ЧССР в Минске 23—26 сент. 1975 г., ч. 1—2. «Наука», 1976.

Характерные черты и особенности развитого социалистического общества. «Вища школа», 1976.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Анисимов Л. Н., Мазуров В. К. Европа и безопасность. «Беларусь», 1976.

Вахрамеев А. Социалистическое содружество в борьбе за мир и международную безопасность. «Знание», 1976.

Визит Леонида Ильича Брежнева в Социалистическую Федеративную Республику Югославию. 15—17 ноября 1976 г. Документы и материалы. Политиздат, 1976.

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. документов. 1975 год. Междунар. отношения, 1976.

Дудинский И. В. Социалистическое содружество: основные тенденции развития. «Мысль», 1976.

Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы. «Наука», 1976.

За дружбу и всестороннее сотрудничество. Материалы консультативного совещания руководителей молодежных организаций социалистических стран. Москва, 3—5 ноября 1976 г. Мол. гвардия, 1976.

За дружбу и всестороннее сотрудничество. Материалы консультативного совещания руководителей молодежных организаций соц. стран (Москва, 3—5 ноября 1976 г.). 2-е изд. доп. М., Мол. гвардия, 1976.

Интернациональное и национальное в социалистическом обществе. «Наукова думка», 1976.

История внешней политики СССР. 1917—1976. В 2-х т. Изд. 3-е доп., т. I. «Наука», 1976.

Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение. (К 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала). Политиздат, 1976.

Кулматов К. Н. Под знаменем пролетарского интернационализма и дружбы народов. «Знание», 1976.

Ладыгин Б. Н., Остроумов Г. С. Укрепление единства, развитие сотрудничества и упрочение международных позиций социалистических стран. «Знание», 1976.

Ладыгин Б. Н., Рыбаков О. К. и Седов В. И. Социалистическое содружество на новом этапе. «Мысль», 1976.

Ларин В. Международные отношения и идеологическая борьба. 60—70-е гг. Междунар. отношения, 1976.

Лебедев Н. И. Новый этап международных отношений. Междунар. отношения, 1976.

Международные отношения и внешняя политика СССР. Уч. пособие для курсантов высш. воен.-полит. училищ. Воениздат, 1976.

Мокин С. В. Интернациональная солидарность трудящихся. Вклад междунар. пролетариата, прогрессивной зарубеж. общественности в строительство социализма в СССР. Изд-во Моск. ун-та, 1976.

Молчанов Ю. Л. Курсом мира и международного сотрудничества, свободы и независимости народов. «Знание», 1976.

Мошняга В. П. Всемирная Федерация демократической молодежи. Мол. гвардия, 1976.

Непомнин В. Я. Единство и братство стран социализма. «Узбекистан», 1976.

Орел В. Н. Всемирный Совет Мира. Политиздат, 1976.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945—1960 гг.). «Наукова думка», 1976.

Политический консультативный комитет государств-участников Варшавского Договора. Совещание. (Материалы)... Бухарест, 25—26 ноября 1976 г. Политиздат, 1976.

Рахманинов Ю. Н. Европа на пути к обеспечению прочного мира. «Знание», 1976.

Сергеева Г. Г. Белорусская ССР в советско-болгарском сотрудничестве (1960—1975 гг.). «Наука и техника», 1976.

Сергеев А. В. Ленинским курсом борьбы за мир и свободу народов. «Знание», 1976.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

Аграрно-промышленная интеграция стран СЭВ. «Наука», 1976.

Актуальні проблеми ефективності і якості в економіці розвинутого соціалізму. Темат. збірник Ради молодих вчених Ін-ту. Київ, 1976.

Аперьян В. Е. Воспроизводство и трудовые ресурсы в социалистических странах. «Статистика», 1976.

Барковский А. Н. Экономика Польской Народной Республики. «Наука», 1976.

Бутаков Д. Д. Кредит и интенсификация производства в странах СЭВ. «Финансы», 1976.

Быков А. Н. Научно-техническая политика в условиях социалистической экономической интеграции. М., 1976.

Быков А. Н. По пути социалистической экономической интеграции. Моск. рабочий, 1975.

В рабочем родстве. О совместном труде советских и болгарских строителей третьей очереди Архангельского целлюлозно-бумажного комбината. Сев.-Зап. кн. изд., 1976.

Вайс Т. А. Проблемы сотрудничества стран СЭВ в использовании трудовых ресурсов. «Наука», 1976.

Варзин Н. П. Интеграция и рост производительности труда в странах СЭВ. «Экономика», 1976.

Взаимное сотрудничество стран СЭВ и их сотрудничество с третьими странами в решении топливно-сырьевых проблем. (Материалы Междунар. симпозиума ученых стран СЭВ. Москва, 9—12 дек. 1975 г.) М., 1976.

Вопросы использования капитальных вложений в социалистических странах. М., 1976.

Вопросы организации и управления народным хозяйством социалистических стран на современном этапе. М., 1976.

Географические аспекты социалистической экономической интеграции. М., 1976.

География производительных сил СССР и международное экономическое сотрудничество. «Мысль», 1976.

Данилов Е. А. Отношения Совета Экономической Взаимопомощи с капиталистическими и развивающимися странами. М., 1976.

Дегтярь Л. С. Проблемы рациональной занятости при социализме. «Наука», 1976.

Долгосрочное планирование и прогнозирование. Материалы конф. Междунар. экон. ассоц. Москва, дек. 1972. М., 1975.

Ерофеев Б. Н., Эгель Л. Е. Минерально-сырьевые ресурсы стран — членов СЭВ. «Знание», 1976.

Климин Н. В. Развитие экономических отношений социализма в условиях научно-технической революции. Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.

Комплексная программа социалистической экономической интеграции в действии. (По материалам, опублик. в соц. странах.) ч. 1. М., 1976.

Кормнов Ю. Ф. Развитие социалистической экономической интеграции. Проблемы и перспективы. «Экономика», 1976.

Краснов Ю. М. От конфронтации к сотрудничеству. Проблемы экон. и научн.-техн. сотрудничества капиталист. и соц. стран Европы. Междунар. отношения, 1976.

Кулигин П. И., Перельман М. Г. Управление инвестиционным процессом в европейских странах СЭВ. «Наука», 1976.

Медведев В. А. Социалистическое производств. Полит.-экон. исследование. «Экономика», 1976.

Методологические проблемы регионального развития европейских социалистических стран. М., 1976.

Микульский К. И. Значение коллективного опыта стран социалистического содружества для решения задач повышения эффективности общественного производства. (Тезисы докл.) М., 1976.

Микульский К. И. Социально-экономическая политика стран социализма. «Знание», 1976.

Милейковский А. Г. Экономические основы мирного сосуществования двух систем. Междунар. отношения, 1976.

Многостороннее экономическое сотрудничество социалистических государств. (Документы за 1972—1975 гг.) Юрид. лит-ра, 1976.

Морозов В. Международные эконо-

мические организации социалистических стран. Моск. рабочий, 1976.

Организация и планирование материально-технического снабжения в странах СЭВ. «Экономика», 1976.

Основные проблемы сотрудничества стран — членов СЭВ в области плановой деятельности. М., 1976.

Песчаный Д. Г. Сотрудничество между СССР и Болгарией в области сельского хозяйства. 1948—1958 гг. Ростов н/Д., 1975.

Плетнев Э. П. Внешнеэкономические связи и занятость. «Знание», 1976.

Проблема окружающей среды в мировой экономике и международных отношениях. «Мысль», 1976.

Проблемы планирования социалистической экономической интеграции. Науч. труды. М., 1976.

Профсоюзное движение в странах социализма. Сб. статей. Профиздат, 1976.

Профсоюзные кадры: подготовка и повышение квалификации. Сб. статей по материалам Совещания руководителей орг. отд. и учеб. заведений профцентров соц. стран (М., 1975 г.). Профиздат, 1976.

Роль профсоюзов в экономическом и социальном планировании. Материалы междунар. совещания (М., 25 февр.—2 марта 1974 г.). Профиздат, 1976.

Сдобников Ю. А. Экономическая интеграция в условиях двух систем (Вопросы сравнит. анализа). «Наука», 1976.

Соревнование двух мировых систем и буржуазное экономическое прогнозирование. Критика гос.-монопол. регулирования экономики. Междунар. отношения, 1976.

Социализм и народное благосостояние. «Мысль», 1976.

Социалистическая интеграция: процесс развития и совершенствования. «Мысль», 1976.

Социалистическая экономическая интеграция. Критика буржуазных и ревизионист. теорий. «Экономика», 1976.

Социально-экономические проблемы повышения производительности труда в развитом социалистическом обществе. Сб. статей. Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.

Специализация и концентрация сельского хозяйства в некоторых социалистических странах. М., 1976.

Страны СЭВ и Латинская Америка. Проблемы экон. сотрудничества. «Наука», 1976.

Структурные сдвиги в народном хозяйстве социалистических стран. «Мысль», 1976.

Территориальная структура народного хозяйства в социалистических странах. Сб. статей. «Наука», 1976.

Тощенко Ж. Т. Социальное планирование в условиях развитого социализма. «Знание», 1976.

Формирование аграрно-промышленных социалистических стран и междуна-

родное сотрудничество в аграрно-промышленной сфере. (Материалы междунар. науч. конф.) ч. 1—2. М., 1976.

Хозяйственный расчет в социалистической экономике. Из опыта стран СЭВ. «Мысль», 1976.

Черкасов Н. А., Мельников Ю. И. Экономическое сотрудничество и интеграция социалистических стран. Лениздат, 1976.

Шабалин А. Я. Сотрудничество стран — членов СЭВ в сфере материального производства. «Знание», 1976.

Ширяев Ю. С. Механизм социалистической экономической интеграции. «Мысль», 1976.

Шмелев Г. И., Шинтяпин Ю. П., Фрумкин Б. Е. Сотрудничество стран — членов СЭВ в сельском хозяйстве. «Экономика», 1976.

Экономические вопросы комплексного решения проблем международной социалистической специализации и кооперирования производства на современном этапе социалистической экономической интеграции с особым учетом вопросов эффективности. Материалы междунар. симпозиума. (Берлин, 4—6 дек. 1974 г.). М., 1976.

Экономические проблемы научно-технического сотрудничества, его место и роль в процессе социалистической экономической интеграции. Материалы междунар. симпозиума. М., 1976.

Экономические связи Восток — Запад: проблемы и возможности. «Мысль», 1976.

4. Партийная жизнь

Визит в Советский Союз партийно-государственной делегации Польской Народной Республики. 9—15 ноября 1976 г. Документы и материалы. Политиздат, 1976.

За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. Политиздат, 1976.

Загладин В. В. Историческая вежа европейского и мирового развития (О Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в Берлине). «Знание», 1976.

Коммунисты мира — о своих партиях. «Мир и социализм», 1976.

Коммунисты и проблемы современного молодежного движения. Сб. статей. «Мысль», 1976.

Приветствия XXV съезду КПСС от коммунистических, рабочих, национально-демократических и социалистических партий. Политиздат, 1976.

Форум советских коммунистов. Междунар. общественность о XXV съезде КПСС. «Прогресс», 1976.

Шибин В. А. Международная деятельность Коммунистической партии Сов. Союза в период между XXIV и

XXV съездами. Хроника двусторонних встреч КПСС с ком. и рабочими, нац., демокр., соц., социал.-демокр. партиями, прогрессивными и демокр. движениями. Апр. 1971 — февр. 1976. М., 1976.

5. Государственное строительство. Право

Аппарат управления социалистического государства, ч. 1. Юрид. лит-ра, 1976.

Государственное право зарубежных социалистических стран (Учебник). Высш. школа, 1976.

Государственное право и государственное управление. М., 1976.

Карпец И. И., Блищенко И. П. Международная ассоциация юристов-демократов (30 лет). Юрид. лит-ра, 1976.

Коллективные договоры в социалистических странах. Сб. статей о работе профсоюзов. Профиздат, 1976.

Кукушкин Ю. С. Советы в развитом социалистическом обществе. «Знание», 1976.

Николаева М. Н., Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов в европейских социалистических странах. (ВНР, ГДР, НРБ, ПНР, СРР, ЧССР). Обзорная информация. М., 1976.

Общественный строй, основные права и обязанности граждан в европейских социалистических государствах. Организация федерации в ЧССР и СФРЮ. Конституционная регламентация. Обзорная информация. М., 1976.

Ответственность за преступления против социалистической собственности по законодательству европейских социалистических стран. Обзорная информация. М., 1976.

Планирование и управление народным хозяйством в странах социализма на современном этапе. Правовые аспекты. Сб. статей. «Прогресс», 1976.

Политическая организация развитого социалистического общества. Правовые проблемы. «Наукова думка», 1976.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. 30. Междунар. отношения, 1976.

Социализм и демократия. Юрид. лит-ра, 1976.

Страшун Б. А. Социализм и демократия. (Социалистическое народное представительство). Междунар. отношения, 1976.

Токарев П. А. Учреждение межгосударственных экономических организаций стран — членов СЭВ. Правовые вопросы. «Наука», 1976.

Фаткудинов З. М. Договор подряда между социалистическими организациями. Юрид. лит-ра, 1976.

Финансовое право европейских социалистических стран. Юрид. лит-ра, 1976.

6. *Справочники. Библиография*

Иностранные атласы 1960—1974 (Анот. указ.). М., 1976.

К а л о е в а И. А. Советское славяноведение. Литература о зарубеж. слав. странах на рус. яз. 1969—1973 гг. Вып. 1—7. М., 1976.

К и р е е в В. П. Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. 1939—1945. Указ. сов. и зарубеж. библиогр. 2-е перераб. и доп. изд. М., 1976.

Международное право. Библиогр. 1917—1972 гг. Юрид. лит-ра, 1976.

Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. 1, 2. М., 1976.

Мир социализма в цифрах и фактах. 1975. (Справочник.) Политиздат, 1976.

Мицкевич в Одессе. Указ. отеч. литературы. Одесса, 1976.

Народное хозяйство социалистических стран в 1975 году. Сообщения стат. управлений. «Статистика», 1976.

Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. «Наука», 1976.

Сахаров И. В. Болгария. (Рекоменд. литературы.) «Книга», 1976.

Совместные научные труды ученых социалистических стран в области общественных наук. Библиогр. материалы 1974—1976. (По фондам ИНИОН АН СССР.) М., 1976.

Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. 1976. «Статистика», 1976.

Страны мира. Краткий полит.-экон. справочник. Политиздат, 1976.

Украинская ССР в изданиях республик Советского Союза и стран социалистического содружества. (Библиогр. указ. 1975). Харьков, 1976.

Фролова И. И. Иностранные справочники по истории зарубежных стран. Европа, Америка, Австралия. (Анот. указ. литературы.) «Книга», 1976.

Щапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики, ч. 1—2. М., 1976.

Экономические и научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ и СФРЮ. Развитие социалистической и экономической интеграции. Библиогр. указ. 1974. М., 1976.

Юрьева И. А. Народно-освободительная война в Югославии. 1941—1945 гг. Анот. указ. литературы. М., 1976.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

1. *История*

Б а л а г у р і Е. А., П е н я к С. І. Закарпаття — земля слов'янська. З історії слов'ян. племен Закарпаття VI—XIII ст. Нарис. «Карпати», 1976.

Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. «Наука», 1976.

Б е л я к о в Ю. Дорога на Шипку. Верхне-Волж. кн. изд-во, 1976.

Братское содружество. Сб. статей о советско-польском сотрудничестве в годы второй мировой войны. Изд-во Ереван. ун-та, 1976.

Великая Победа советского народа. 1941—1945. Материалы. науч. конф., посвящ. 30-летию Победы сов. народа в Великой Отеч. войне 1941—1945 гг.

Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. «Наука», 1976.

Г о л у б В. И. Болгария социалистическая. Союз рабочих и крестьян — основа развития соц. сел. хоз-ва НРБ. «Вища школа», 1976.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 9. Янв. 1946 г. — дек. 1949 г. «Наука», 1976.

Дослідження з слов'яно-руської археології. «Наукова думка», 1976.

Единство, рожденное в борьбе. (Сб. статей). Л., 1976.

История второй мировой войны 1939—1945, т. 6, 7. Воениздат, 1976.

Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. (Сб. статей). «Наука», 1976.

М а к о в а Е. С. Загреб в XVI веке. Из истории соц.-экон. отношений в феодальном городе. Изд-во Моск. ун-та, 1976.

М и н е е в П. Д. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. «Знание», 1976.

Новая история (второй период). Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. Высш. школа, 1976.

Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. «Наука», 1976.

П и г у л е в с к а я Н. В. Ближний Восток — Византия — славяне. «Наука» Ленингр. отд-ние, 1976.

Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1941). (Сборник.) Свердловск, 1976.

Проблеми слов'янознавства. Респ. мижвід. збірник. Вып. 14. Історія зарубіжних слов'янських народів. «Вища школа», 1976.

Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сб. статей, вып. 3. Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.

Р у с а н о в а И. П. Славянские

древности VI—VII вв. Культура праж. типа. «Наука», 1976.

Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. (Сборник.) «Наука», 1976.

Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. т. I. Ноябрь 1917 — сент. 1944. «Наука», 1976.

Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. «Наукова думка», 1976.

Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. документов и материалов. «Наука», 1976.

Черный А. И. Болгарская Коммунистическая партия в борьбе за социалистическую индустриализацию страны (1948—1958 гг.). «Вища школа», 1976.

Чарный В. П. Героическая эпопея болгарского народа. Апрельское восстание 1876 г. Изд-во Львов. ун-та, 1976.

Яжборовская И. С., Бухарин Н. И. У истоков польского социалистического движения. «Наука», 1976.

2. Культура. Наука

Архивное дело в Народной Республике Болгарии. (Обзор.) М., 1976.

Болгарович З. Україна в дослідженнях польських етнографів XIX ст. «Наукова думка», 1976.

Вервес Г. Д. В інтернаціональних літературних зв'язках. Дослідження «Дніпро», 1976.

Выставка произведений советских и болгарских художников. Отчет совместных творческих групп. Каталог. Сов. художник, 1976.

Гольберг М. Я. Иван Вазов. Життя і творчість. «Дніпро», 1976. Добровольные общества при социализме. «Наука», 1976.

Житник В. К. Поезія Антоніна Сиви. (Розвиток поетичної майстерності) «Вища школа», 1975.

Журавська І. Ю. Зарубіжний антифашистський роман. «Дніпро», 1976.

Из истории культуры средних веков и Возрождения. Сб. статей. «Наука», 1976.

Илия Бешков. Альбом о творчестве болгарского художника-графика. Изобразит. искусство, 1976.

Комелова Г., Ухапова И. Сплит. Дубровник. «Искусство», Ленингр. отделение, 1976.

Конен В. История зарубежной музыки. Вып. 3. Германия, Австрия, Франция, Польша, с 1789 г. до середины XIX в. «Музыка», 1976.

Кравцов Н. И. Славянский фольклор. Изд-во Моск. ун-та, 1976.

Крунтяева Т. Бедржих Сметана. 1824—1884. Крат. очерк жизни и творчества. «Музыка», Ленингр. отделение, 1976.

Кулепов В. И. Славянофилы и русская литература. Худож. лит., 1976.

Культурные связи народов Восточной

Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. (Сборник.) «Наука», 1976.

Лейзеров Н. Л. Художественная специфика искусства социалистического реализма. «Знание», 1976.

Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX веков. Реализм и другие течения. «Наука», 1976.

Международная конференция античников социалистических стран, 14-я. Ереван, 1976. Тезисы докладов... 18—23 мая 1976. Изд-во АН АрмССР, 1976.

Немировский Е. Л. Издательское дело и книговедение ПНР. Обзор. Вып. 2. «Книга», 1976.

Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Худож. проза начала 70-х гг. «Наука», 1976.

Огульский А. Современные поэты Болгарии. Сов. писатель, 1975.

Организация школьного образования в Народной Республике Болгарии. Науч. докл. на конф. и симпозиумах. М., 1976.

Пейчев И. Корни дружбы. Ташкент, 1976.

Писатели Народной Польши. «Наука», 1976.

Поглубко К. А. Из истории болгаро-российских культурных связей 40—70-х годов XIX в. (Болгары в уч. заведениях Одессы, Киева, Кишинева.) «Штиница», 1976.

Поглубко К. А. Христо Ботев и Россия. «Карта молдовеняскэ», 1976.

Погребеник Ф. П. Василь Стефаник у слов'янських літературах. «Наукова думка», 1976.

Проблеми слов'янознавства. Респ. міжвід. збірник. Вип. 13. Література, мова та культура зарубіжних слов'янських народів. «Вища школа», Вид-во при Львів. ун-т., 1976.

Программа курса истории польской литературы (Средневековье, Ренессанс). Для филол. фак. гос. ун-тов. Л., 1976.

Рапиорт Л. Витольд Лютославский. «Музыка», 1976.

Ростоцкий Б. И. Адам Мицкевич и театр. «Наука», 1976.

Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. «Наука», 1976.

Свирида И. Изобразительное искусство народной Польши. Плакат. Книжная графика. «Знание», 1976.

Система образования в Югославии. Обзор. М., 1976.

Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию М. П. Алексеева. «Наука», 1976.

Степак И. П., Мансфельд Д. П. Школа социалистической Югославии. «Педагогика», 1976.

Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. «Наука», 1976.

Тимофеева В. М., Мицкевич Б. М.

Зарубежная литература (1917—1925 гг.). Изд-во БГУ, 1976.

Формы, методы и средства коммунистического воспитания студентов в вузах социалистических стран. Сб. совместных трудов ученых соц. стран. Высш. школа, 1976.

Школа европейских стран социализма. Послевоен. развитие и соврем. проблемы. «Педагогика», 1976.

3. Языкознание

Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Библиогр. словарь, т. I. Изд-во Белорус. ун-та, 1976.

Григорян Э. А. Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. «Айастан», 1975.

Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. «Наука», 1976.

Иванов С. З. Польско-русский словарь по сахарной промышленности. Около 6000 терминов. Рус. язык, 1976.

Иванович С., Петранович И. Русско-сербскохорватский словарь. 40 000 слов. Изд. 4-е, испр. и доп. Рус. язык, 1976.

Киселев И. А. Частицы в современных восточнославянских языках. Минск, 1976.

Левинська С. Й. Граматика польської мови. (Іменник.) «Вища школа», 1976.

Материалы по русско-славянскому языкознанию. Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.

Мацюсович Я. В. Морфологический строй современного польского литературного языка, ч. 2. Глагол и неизменяемые части речи. Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.

Неверов С. В. Краткий болгаро-русский разговорник. Рус. язык, 1975.

Непокупный А. П. Балто-северославянские языковые связи. «Наукова думка», 1976.

Общекарпатский диалектологический атлас. Лингв. и этногр. аспекты. «Штиинца», 1976.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования, 1974. «Наука», 1976.

П в л о в и ч А. П. Чешско-русский словарь 52 000 слов. Изд. 6-е стереот. Рус. язык, 1976.

Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. Докл. на IV заседании Междунар. комис. по слав. лит. яз. 22—25 окт. 1974 г. «Наука», 1976.

Проблемы русистики в зарубежных славяноведческих журналах. Сб. реф. обзоров. М., 1976.

Симпозиум по структуре балканского текста. Тезисы докл. и сообщ. М., 1976.

С и м у л и к М. В. Сложные предложения усложненного типа в современных славянских языках. (Текст лекций.) Ужгород, 1976.

Славянское и балканское языкознание. Вып. 2. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. «Наука», 1976.

Словацко-русский разговорник. Рус. язык, 1976.

Словацко-русский словарь. Около 45 000 слов. Рус. язык. Словацк. педагогическое изд-во, 1976.

С т ы п у л а Р., К о в а л е в а Г. Польско-русский словарь. Около 35 000 слов. Изд. 2-е стереотип. Рус. язык. «Ведза повшехна», 1976.

Т и р а с п о л ь с к и й Г. И. Безлично-предикативные слова в славянских и литовском языках. Учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1976.

Г о л с т о й И. И. Сербскохорватско-русский словарь. 54 000 слов. Изд. 4-е, стереотип. Рус. язык, 1976.

Ф е д о р о в а М. В. Славяне, мордва и анты. К вопросу о языковых связях. Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.

Чешско-русский словарь в 2-х т. 62 000 слов. Рус. язык. Прага, Гос. пед. изд-во, 1976.

Ш в е ц Р. Д. Глагольно-междialeктные формы в восточнославянских языках. Морфолог. типы и грамат. категории. «Вища школа», 1976.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лекс. фонд. Вып. 3. Вратгьсь — сьрку. «Наука», 1976.

Этимология. Сборник. 1974. «Наука», 1976.

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1976 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Бутенко А., Павлова-Сильванская М. Социализм как фаза социально-экономического развития. *Обществ. науки*, 1976.

Главачек О. «Третий мир» и социально-экономические проблемы развивающихся стран. М., 1976.

Джеджула К. Е. Победа СССР в Великой Отечественной войне и образование мировой системы социализма. В кн. *Бессмертный подвиг партии и народа*. Киев, 1976.

Долгин В. Социалистическое сотрудничество и мировое развитие. *Международ. жизнь*, 1976, № 10.

Ицковский М. Под солнцем социализма. К 30-летию провозглашения Болгарии Народной Республикой. «Коммунист Узбекистана», 1976, № 9.

Кубадинский П. Развитой социализм — непосредственная историческая задача. «Коммунист», 1976, № 13.

Кубадинский П. Славная дата в жизни болгарского народа. «Коммунист Украины», 1976, № 9.

Мартынова Т. М. XXV съезд КПСС о развитии мировой системы социализма. В кн. *Развитие марксистско-ленинской теории в материалах XXV съезда КПСС*. М., 1976.

Николаев Л., Соколов А. Новый вклад в развитие социалистического сотрудничества. (К итогам XXX сессии СЭВ.) *Мировая экономика и международ. отношения*, 1976, № 9.

Общее дело коммунистов Европы. (Берлинская конференция коммунистических и рабочих партий Европы.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1976, № 9.

Семян М. В. Идеологические аспекты интеграционных процессов в современном мире. *Вопр. философии*, 1976, № 10.

Сидорчук М. Ф., Мадараш Ю. М. Поєднання національно-державних та інтернаціональних інтересів — об'єктивна закономірність розвитку країн світової соціалістичної системи. *Вісн. Львівського ун-ту. Сер. суспільних наук*, 1976, вип. 12.

Солодков Т. Социалистическое сотрудничество — самая динамичная система в мире. «Коммунист Белоруссии», 1976, № 9.

Степанов В. Интернационализация хозяйственной жизни и буржуазные концепции конвергенции. *Вопр. экономики*, 1976, № 10.

Чернейко Г. А. Болгария: путь

к развитому социализму. *Вопр. истории КПСС*, 1976, № 9.

Чернейко Г. А. Социалистическое строительство в Болгарии. «Новая и новейшая история», 1976, № 5.

Шарапова Е. Г. XXV съезд КПСС о союзе национально-освободительного движения и мировой социалистической системы. *Вестн. Моск. ун-та. Теория научн. коммунизма*, 1976, № 4.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Клепацкий Л. Н. Материальная основа сотрудничества социалистических стран. *Научн. докл. высш. школы. Научн. коммунизм*, 1976, № 5.

Международная разрядка и революционный процесс. *Международная теоретическая конференция. «Проблемы мира и социализма»*, Прага, 1976, № 9.

Морозов В. Экономическая основа материализации международной разрядки. *План. хоз-во*, 1976, № 9.

Орлик И. И. Социалистическое сотрудничество и провал «стратегического контроля». «История СССР», 1976, № 5.

Сергеев В. Сотрудничество профсоюзов социалистических стран — важный фактор укрепления мировой социалистической системы. В кн. *Профсоюзное движение в странах социализма*. М., 1976.

Троицкий Е. С. Национальные отношения развитого социализма и их влияние на мировой революционный процесс. *Научн. докл. высш. школы. Научн. коммунизм*, 1976, № 5.

Хнёупек Б. Вклад Чехословакии в укрепление мира. *Международ. жизнь*, 1976, № 8.

Шмелев Н. Социализм и всемирное хозяйство. *Мировая экономика и международ. отношения*, 1976, № 10.

3. Коммунистические партии социалистических стран

Михальченко В. В. Идеино-воспитательное воздействие ПОРП на молодое поколение. В кн. *Коммунисты и проблемы современного молодежного движения*. М., 1976.

Новиков И. Ф. Коммунистическая партия — организатор помощи патриотам зарубежных стран в создании национальных воинских формирований на территории СССР. В кн. *Бессмертный подвиг партии и народа*. Киев, 1976.

Проскурина Л. А. Координация внешнеполитической деятельности компартий социалистических стран как одно из условий разрядки международной напряженности. В кн. Развитие марксистско-ленинской теории в материалах XXV съезда КПСС. М., 1976.

Рубанов Н. С. Разрядка международной напряженности и вопросы укрепления военно-политического союза стран социализма. В кн. Развитие марксистско-ленинской теории в материалах XXV съезда КПСС. М., 1976.

Страшимиров К. Влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции на политику здравоохранения Болгарской Коммунистической партии. Сов. здравоохранение, 1976, т. 10.

Такшаш И. Коммунистические и рабочие партии социалистических стран Европы и молодежь. В кн. Коммунисты и проблемы современного молодежного движения. М., 1976.

Шилин Н. В. Важный фактор укрепления взаимодействия братских партий. (К итогам берлинской Конференции коммунистических и рабочих партий Европы.) Вopr. истории КПСС, 1976, № 9.

4. Экономика. Экономическое сотрудничество

Абрамов В., Дунин В., Петрова О. Производительность труда в сельском хозяйстве стран СЭВ. Междунар. с.-х. журн., 1976, № 5.

Айкова Б. Некоторые вопросы машинной обработки информации при создании автоматизированных систем управления в аграрно-промышленных комплексах НРБ. «Машинная обработка информации», Киев, 1976, вып. 23.

Александрин Н. Сотрудничество мелиораторов стран дружества. Междунар. с.-х. журн., 1976, № 5.

Аршипов А. Экономические черты развитого социализма. Обществ. науки, 1976.

Беличенко А. Н. Крепнет братское сотрудничество. «Деньги и кредит», 1976, № 9.

Березин В. СЭВ и развивающиеся страны. Экон. газ., 1976, № 39.

Богомоллов О. Советский Союз и экономическая интеграция стран СЭВ. Обществ. науки, 1976.

Брадистиллов Д. Территориально-промышленный комплекс и его прогнозирование. В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах Европы. М., 1976.

Будзин И., Стыбло В. На благо трудящихся. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области пищевой промышленности. Экон. газ., 1976, № 45.

Васильева Л. С. Управление научно-техническим прогрессом в странах СЭВ. Экономика и организация пром.

производства. Новосибирск, 1976, № 4.

Габрусевич В. Анализ стоимости и его применения в промышленности Польской Народной Республики. «Хозрасчет, финансы и кредит», Киев, 1976, № 18.

Горяинов В. П. О сотрудничестве стран — членов СЭВ в области прогнозирования развития эргономики. Техн. эстетика, 1976, № 5—6.

Гостилевич Э. И. О взаимодействии внутренних и внешних факторов развития экономики в условиях социалистической экономической интеграции. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1976, № 5.

Долежел О. Совершенствование Международной системы машин. Междунар. с.-х. журн., 1976, № 5.

Дудинский И. Экономические закономерности мировой системы социализма. Вopr. экономики, 1976, № 9.

Дэтына А. Взаимная торговля ПНР и СССР комплектным оборудованием для промышленных объектов. Внешн. торговля, 1976, № 9.

Завадский С. М. Политика хозяйственного освоения территории страны. В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах Европы. М., 1976.

Загребяев Н. П. Практика начисления и использования амортизационных отчислений в социалистических странах. В кн. Нормирование запасов и расходования материалов на ремонт и эксплуатацию основных фондов. М., 1976.

Захариев И., Радев Р., Кожухаров И. Методологические вопросы комплексных исследований по размещению производительных сил. В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах Европы. М., 1976.

Зенкова И. Социально-экономическая эффективность научно-технического прогресса. План. хоз-во, 1976, № 10.

Зорин Л. И. На взаимовыгодной основе. Внешн. торговля, 1976, № 8.

Иваничка К., Полачик Ш. Комплексный анализ районов Чехословацкой Социалистической Республики. В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах Европы. М., 1976.

Иванов П. Социалистическая интеграция в животноводстве. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 5.

Ивчев К., Калинин К. Сельское хозяйство стран — членов СЭВ — сотрудничество и развитие. (К завершению первого пятилетия комплексной программы.) Экономика сельск. хоз-ва, 1976, № 9.

Ковальцев Г. Новый этап интеграции стран СЭВ. Междунар. жизнь, 1976, № 8.

Козлов И. Экономическая инте-

грация и сотрудничество молодежи братских стран. Информ. бюл. Комитета молодежных организаций СССР, 1976, № 8.

Константинов Ю. А. XXV съезд КПСС о развитии социалистической экономической интеграции. «Деньги и кредит», 1976, № 10.

Копець А. Кооперирование и специализация в машиностроении ПНР и СССР. Внешн. торговля, 1976, № 9.

Корманов Ю. Ф. Социалистическая экономическая интеграция и ее роль в повышении эффективности общественного производства. В кн. Управление научно-техническим прогрессом, ч. 4. М., 1976.

Крыстев Г. Двадцать лет плодотворного сотрудничества. Междунар. с.-х. журн., 1976, № 5.

Кулич Я. Необходимость совместной деятельности социалистических стран на рынках развивающихся стран. В кн. Проблемы дальнейшего совершенствования механизма управления процессом социалистической экономической интеграции. М., 1976.

Кушнерик И. Труд пенсионеров и реабилитация инвалидов в ЧССР. Охрана труда и соц. страхование, 1976, № 9.

Лешицкий С. Понятие фактора пространства и его роль в современном хозяйстве. В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах Европы. М., 1976.

Лизун В. Н. Научно-техническое сотрудничество Монголии со странами СЭВ. Рабочий класс и совр. мир., 1976, № 5.

Лишевский С. Я. Пространственные проблемы урбанизации в Польше. В кн. Проблемы географии населения и использования территории. Тбилиси, 1976.

Майорова Е. Л. Основные задачи развития народного хозяйства ЧССР на 1976—1980 гг. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1976, 18 сент., № 112.

Марков Я. Болгария: забота об охране окружающей среды. Лесная пром-сть, 1976, № 10.

МБЭС в 1975 году. Внешн. торговля, 1976, № 9.

Мизера Ш., Суседка П. Производство и использование национального дохода по республикам и областям Чехословакии. (Опыт расчета). В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах Европы. М., 1976.

Милосердов В., Крылатых Э. Развитие научно-технического сотрудничества в области внедрения математических методов и ЭВМ в сельское хозяйство. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 5.

Михайлович К. О равномерности территориального развития экономики. В кн. Региональные проблемы и тер-

риториальное планирование в социалистических странах Европы. М., 1976.

Мищенко Е. М. Створення аграрно-промислових комплексів у Народній Республіці Болгарії. Укр. іст. журн., 1976, № 9.

Найденова Р., Николов Ф. К вопросу об экономическом районировании в Народной Республике Болгарии. В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах Европы. М., 1976.

Николаев Д. Транспорт — важная область общеевропейского сотрудничества. Внешн. торговля, 1976, № 11.

Петров В. С. Економічна інтеграція соціалістичних країн втілення ідей пролетарського інтернаціоналізму. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. суспільних наук, 1976, вип. 12.

Петрова В. Новые пятилетние планы братских социалистических стран. План. хоз-во, 1976, № 9.

Пичугин Б. Внешнеэкономические связи СССР в новой пятилетке. Междунар. жизнь, 1976, № 10.

Пловец У. Тенденции изменений в управлении внешней торговлей Польской Народной Республики. В кн. Проблемы дальнейшего совершенствования механизма управления процессом социалистической экономической интеграции. М., 1976.

Прасолов В., Васильев Л. Крупномасштабная интеграционная структура стран — членов СЭВ. (Газопровод Оренбург — Западная граница СССР.) Внешн. торговля, 1976, № 8.

Прохоров Г. М. Экономическое сотрудничество между социалистическими и развивающимися странами. В кн. Социально-экономические проблемы развивающихся стран. М., 1976.

Птичкин Н. Экономическая интеграция стран СЭВ — верный путь сотрудничества и укрепления социалистического содружества. К итогам XXX заседания Сессии СЭВ. Внешн. торговля, 1976, № 10.

Ружичка А. Влияние чехословако-советского экономического и научно-технического сотрудничества на экономическое развитие Словакии. В кн. Формирование и развитие содружества социалистических стран. Материалы VI заседания Комиссии историков СССР и ЧССР в Минске 23—26 сент. 1975 г., ч. 1. М., 1976.

Рунов Б. Итоги и перспективы сотрудничества СССР со странами СЭВ. Междунар. с.-х. журн., 1976, № 5.

Семенов Б. В. Экономическое сотрудничество СССР с социалистическими странами в области угольной промышленности. В кн. Основы экономики и управления угольным производством. М., 1976.

Сецомский К. Современные проблемы и тенденции развития теории территориально-экономического планирова-

ния. В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах Европы. М., 1976.

Скачков С. На основе равноправия и взаимной выгоды. Экономическое сотрудничество СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки. «Коммунист», 1976, № 12.

Созинов А., Щербаков В., Шведов Г. Научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ в области генетики и селекции растений. Междунар. с.-х. журн., 1976, № 5.

Стрелецки А. Сотрудничество в области семеноводства и развитие производства зерна в странах — членах СЭВ. Междунар. с.-х. журн., 1976, № 5.

Твардонь З. Один из примеров международной экономической интеграции. (О деятельности «Интератоминструмент»). Внешн. торговля, 1976, № 10.

Ушклов И. Совершенствование системы материального стимулирования в народном хозяйстве стран СЭВ. План. хоз-во, 1976, № 10.

Фонхоф Х., Цехмистренко А. Разработка прогноза развития лесного хозяйства стран — членов СЭВ до 2000 года. Междунар. с.-х. журн., 1976, № 5.

Хейзе Г. Н., Находкина В. З. Консультация специалистов сахарной промышленности стран — членов СЭВ. Сахарная пром-сть, 1976, № 10.

Цамбел С. К вопросу о значении чехословацко-советского долгосрочного торгового договора 1947 г. В кн. Формирование и развитие содружества социалистических стран. Материалы VI заседания Комиссии историков СССР и ЧССР в Минске 23—26 сент. 1975 г., ч. 1. М., 1976.

Шашаев Г. Н. Ценообразование во взаимной торговле стран — членов СЭВ. Вопр. ценообразования, 1976, вып. 4.

Ширяев Ю. Развитие международного социалистического разделения труда. Вопр. экономики, 1976, № 10.

Шульман А. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области плановой деятельности. Внешн. торговля, 1976, № 10.

Экономические связи Болгарии и Югославии со странами — членами СЭВ. Бюл. иностр. коммерц. информации, 1976, 7 сент., № 107.

5. Государственное строительство. Право

Бурай И. Влияние буржуазной идеологии на чехословацкое студенчество в 1968—1969 гг. и их последствия. В кн.

Актуальные проблемы современного молодежного движения. М., 1976.

Валевская В. Участие профсоюзов в осуществлении программы социально-экономического развития в Польше. В кн. Профсоюзное движение в странах социализма. М., 1976.

Валиева Е. Л. Интернационалистские традиции болгарского демократического студенчества. В кн. Актуальные проблемы современного молодежного движения. М., 1976.

Гроспич И., Фабян К. Социалистическая демократия и правотворчество. В кн. Социализм и демократия. М., 1976.

Зудин Ю. Возрастание роли и совершенствование деятельности болгарских профессиональных союзов. В кн. Профсоюзное движение в странах социализма. М., 1976.

Ионова Т. Б. Участие чехословацкой молодежи в строительстве развитого социалистического общества. В кн. Актуальные проблемы современного молодежного движения. М., 1976.

Лопатка А. Система социалистической демократии. В кн. Социализм и демократия. М., 1976.

Лошаков А. Профсоюзы социалистических стран в борьбе за строительство социализма и коммунизма, за международную безопасность и сотрудничество. В кн. Профсоюзное движение в странах социализма. М., 1976.

Михняк А. Развитие чехословацкой Народной армии после февраля 1948 года. Воен.-ист. журн., 1976, № 10.

Павлович З. Реформа місцевих органів державної влади і управління в Польській Народній Республіці. Рад. право, 1976, № 9.

Руколев Б. М. Революционные традиции чехословацкой молодежи в борьбе за социализм. В кн. Актуальные проблемы современного молодежного движения. М., 1976.

Страцены Й. Социалистическая демократия и вовлечение молодежи в управление делами общества и государства. В кн. Актуальные проблемы современного молодежного движения. М., 1976.

Тихонова Е. А. Характерные черты Федеративного устройства Югославии по Конституции СФРЮ 1974 года. Проблемы правоведения, Киев, 1976, вып. 33.

Шленова Н. Роль профсоюзов Чехословакии в развитии творческой инициативы трудящихся. В кн. Профсоюзное движение в странах социализма. М., 1976.

Юровски А. Положение отдельных лиц в процессе социализации у молодежи. В кн. Проблемы социальной психологии. Тбилиси, 1976.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

А в деева К. Д. Типология внутренней колонизации в Западной Европе в XI—XIII вв. В кн. XXIX Герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1976.

В ар тик о в а М. Чехословакия в социалистическом содружестве. В кн. Формирование и развитие содружества социалистических стран. Материалы VI заседания Комиссии историков СССР и ЧССР в Минске 23—26 сент. 1975 г., ч. 1. М., 1976.

И г н а т ь е в Г. А. События 1968 г. в Чехословакии и Социалистический интернационал. (Попытки возврата на старые антикоммунистические позиции.) В кн. XXIX Герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1976.

К а л е н и ч е н к о П. М. Взаимодействие Советских Вооруженных Сил с гражданским польским населением в ходе освобождения Польши (июль 1944—май 1945 г.). В кн. Бессмертный подвиг партии и народа. Киев, 1976.

К а л ь б е Э. Значение победы СССР над фашизмом для проведения народно-демократических революций. В кн. Бессмертный подвиг партии и народа. Киев, 1976.

К и з ч е н к о А. Ф., Ф и р с о в Н. И. Освободительная миссия Советского Союза и его Вооруженных Сил в Чехословакии (1944—1945 гг.). В кн. Бессмертный подвиг партии и народа. Киев, 1976.

М а й н у ш Ф. Боевое содружество чехов, словаков и советских воинов-освободителей в годы второй мировой войны. В кн. Бессмертный подвиг партии и народа. Киев, 1976.

М а д ц к о О. М., Ш в и д а к О. М. Інтернаціоналістська діяльність комуністичної Польщі (1918—1938 рр.). Укр. іст. журн., 1976, № 8.

П а р а ц у н о в Н. «Солнцем сегодня является партия». «Молодая гвардия», 1976, № 9.

С е л е ц к и й В. И. Великий освободительный подвиг Вооруженных Сил СССР в годы второй мировой войны. В кн. Бессмертный подвиг партии и народа. Киев, 1976.

Ч е р е п а н о в А. И. Бурные годы в Болгарии (1944—1947 гг.). «Новая и новейшая история», 1976, № 5.

Ч у г а й к о в В. П. КПП і КПЗУ в боротьбе за послідовне здійснення політичної лінії VII конгресу Комінтерну. Укр. іст. журн., 1976, № 9.

Ш л ы к М. Вяшчун праўды і волі народу. «Польмя», Мінск, 1976, № 9.

2. Культура

Б а е в а С. П. Р. Славейков и русские просветители (Карамзин и Крылов).

В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

Б о г д а н о в а И. А. Путь словацкой литературы к реалистическому методу. В кн. Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX веков. Реализм и другие течения. М., 1976.

Б о г о м о л о в а Н. А. От мечты к действительности. О поэзии Л. Стаффа 1910-х годов. В кн. Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX веков. Реализм и другие течения. М., 1976.

Б о е в а Л. От жития к повести. (Формирование жанров в древнерусской и древнеболгарской литературе.) В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

Б у д а г о в а Л. Н. Бунт «поколения 90-х годов» и поэзия И. Махара, О. Бржезины, А. Совы. В кн. Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX веков. Реализм и другие течения. М., 1976.

Б у л а х о в с ь к а Ю. Л. Про типологію стилю в поезії Максима Рильського і Ярослава Івашкевича 50-х років. В кн. Слово і труд. Київ, 1976.

Б э л з а И. Ф. Вклад славянских народов в мировую культуру. Некоторые аспекты исторического исследования. Вестн. АН СССР, 1976, № 10.

В а л е в а О. Валентин Валев. К 75-летию со дня рождения. «Искусство», 1976, № 9.

В а ц у р о В. Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820—1840-х годов. (Этюды и размышления.) В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

Б е л е ц к а я Н. Н. О роли фольклора в изучении славянских древностей. В кн. Средневековая Русь. М., 1976.

В е л ч е в В. Пушкин в Болгарии. В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

В е р в е с Г. Народження реалиста. (Творчество Я. Івашкевича.) «Всесвіт», 1976, № 8.

В и т к о в с к и й К. Управление культурно-просветительными учреждениями: опыт Польши. В кн. Актуальные вопросы клубной работы, вып. 2. М., 1976.

В и т т В. В. Польская проза конца XIX — начала XX века. К вопросу о типологии реализма. В кн. Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX веков. Реализм и другие течения. М., 1976.

В л а с о в а З. И. Русские и болгарские припевки к гаданию. В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

Г е р м а н о в Г. Начало. Апрельское восстание и русская литература. «Нева», 1976, № 9.

Голембевский Б. Некоторые вопросы воспитания польской молодежи. Научн. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1976, № 5.

Госиоровский М. К вопросу о роли преподавания истории в вузах в процессе социалистической интеграции. В кн. Формирование и развитие сотрудничества социалистических стран. Материалы VI заседания Комиссии историков СССР и ЧССР в Минске 23—26 сент. 1975 г., ч. 2. М., 1976.

Грэдан Х. Организация научно-методического руководства Домами культуры и коллективами художественной самодеятельности в Болгарии. В кн. Актуальные вопросы клубной работы, вып. 2. М., 1976.

Гургулова М. Восприятие творчества Лермонтова в Болгарии. В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

Даскалова Е. Пафос гражданского идеала эпохи. Русская и советская литература в интерпретации болгарских артистов. «Нева», 1976, № 9.

Дзюба О. М. Відбиття спільності походження східнослов'янських народів в українській полемічній літературі кінця XVI — початку XVII ст. Іст. дослідження. Вітчизняна історія, 1976, вип. 2.

Дороница Р. Ф. О некоторых типологических разновидностях в сербском реализме конца XIX — начала XX века. В кн. Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX веков. Реализм и другие течения. М., 1976.

Ермонский А. Писатели о читателях. (Современные литературные дискуссии в ПНР.) Иностран. лит., 1976, № 8.

Зыков Э. Г. Заметки о русско-болгарских литературных связях старшей поры (X—XI вв.). В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

Ильина Г. Я. Хорватский роман конца XIX — начала XX века. В кн. Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX века. Реализм и другие течения. М., 1976.

Калінічева Н. А. Историчні романи Й. Томана в оцінці Чехословацької та радянської критики. «Проблеми слов'язознавства», Львів, 1976, вип. 13.

Каранадзе Т. Ян Амос Коменский на литовском языке. «Скола да цховреба», Тбилиси, 1976, № 7.

Карас Ф. Актуальные вопросы культуросветработы и ее управление на современном этапе. В кн. Актуальные вопросы клубной работы, вып. 2. М., 1976.

Лавренов В. А. Українські та російські переклади вірша Х. Ботева «Моя молитва». Проблеми слов'язознавства, Львів, 1976, вип. 3.

Ласкеев Н. А. Центральная библиотека высших технических институтов

в Софии. Науч. и техн. б-ки СССР, 1976, № 10.

Лебеда К. Организация руководства клубными учреждениями в Чехословакии. В кн. Актуальные вопросы клубной работы, вып. 2. М., 1976.

Лихачев Д. С. К вопросу о судьбе рукописи Изборника 1073 г. в XIV в. В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

Львова Е. Стоян Сотиров — художник революции. «Искусство», 1976, № 9.

Марков Д. Ф. Реализм и другие течения в болгарской литературе конца XIX — начала XX века. В кн. Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX века. Реализм и другие течения. М., 1976.

Машкова А. Г. Особенности психологизму в романі Ярослава Гавлічка «Та третя». «Проблеми слов'язознавства», Львів, 1976, вип. 13.

Миляева Л. Російсько-українсько-сербські зв'язки XIV — XVIII століть. «Образотворче мистецтво», Київ, 1976, № 4.

Мокшин В. К. Сочетание национального и интернационального в формировании идейной убежденности молодежи стран социалистического сотрудничества. В кн. Актуальные проблемы современного молодежного движения. М., 1976.

Мороз М. «Слов'янський альманах» (1880 г.). «Вітчизна», Київ, 1976, № 8.

Моторний В. А., Трофимович К. К. Невідомі листи лужицького поета Якуба Барта-Цішинського. «Проблеми слов'язознавства», Львів, 1976, вип. 13.

Пальчевская Д. Военный телесериал: документ и легенда. В кн. Многосерийный телефильм: истоки, практика, перспективы. М., 1976.

Панченко А. М. Некоторые эстетические постулаты в «Шестодневне» Иоанна Экзарха. В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

Пархомовская С. Болгарские писатели в «Иностранной литературе». Иностран. лит., 1976, № 11.

Пiotровская А. Главная магистраль. (Рабочий роман в современной польской литературе.) Лит. обозрение, 1976, № 9.

Полек В. Т. Иван Котляревський у словацькій критиці. «Проблеми слов'язознавства», Львів, 1976, вип. 13.

Порудоминский В. И. Болгарские страницы жизни и творчества В. И. Даля. В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

Прийма Ф. Я. Болгарские параллели к «Слову о полку Игореве». В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. I. Л., 1976.

3. Язык

Рожновская М. Г. Временная парадигма глагола с *се* страдательного значения и сфера употребления ее форм в болгарском литературном языке. В кн. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976.

Сараджаева Л. Индоевропейские временные понятия и их развитие в армянском и славянских языках. Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР, 1976, № 7.

Семчинский С. В. Межъязыковая изосемия в языках и диалектах карпатского ареала. В кн. Общекарпатский диалектологический атлас. Лингв. и этногр. аспекты. Кишинев, 1976.

Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность (балто-славянская проблема). Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1976, т. 35, № 5.

Толстая С. М. Морфонологические типы субстантивных парадигм в польском языке. В кн. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976.

Толстой Н. И. К вопросу о судьбе славянских кратких и полных прила-

гательных. В кн. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976.

Трофимович К. К. Кілька штрихів до історії становлення верхньолужицької літературної мови. «Проблеми Слов'янознавства», Львів, 1976, вип. 13.

Удлер Р. Я. Значение восточнороманского языкового элемента в «Общекарпатском диалектологическом атласе». В кн. Общекарпатский диалектологический атлас. Лингв. и этногр. аспекты. Кишинев, 1976.

Цивьян Т. В. Морфосинтаксические функции новогреческого артикля в аспекте грамматики балканского языкового союза. В кн. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976.

Шило Г. Ф. Интерференция славянских и других языков в районе Карпат. В кн. Общекарпатский диалектологический атлас. Лингв. и этногр. аспекты. Кишинев, 1976.

Штудинер М. А. Долгие согласные в современном польском литературном языке. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1976, № 4.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед»,
1976, № 5

В. Хаджиниколов. Избранные сочинения товарища Тодора Живкова и болгарская историческая наука; Р. Попов. Болгарская политическая эмиграция и отношения между Болгарией и балканскими державами (1886—1887гг.); В. Георгиев. Из истории масонства в Болгарии.

«Kwartalnik Historyczny»,
1976, № 4

Е. Охманьский. Михален Литвин и его трактат о правах татар, литовцев и москвитян во второй половине XVI века; Я. Тазбир. Идеалы личности польской шляхты в XVII веке; Р. Чепулис-Растенис. Идеал личности польского интеллигента в свете посмертных воспоминаний (1841—1862); Л. Балицкий. Процессы монополизации и рост занятости в домбровской угольной промышленности в 1870—1913 гг.; М. Е. Захарас. Внешняя политика Польши и попытки соглашения западных держав в 1936 г.

«Przegląd Historyczny»,
1976, № 4

Е. Клочёвский. За сравнительную историю европейских обществ. Общественные, политические и культурные структуры Европы XIII в.; М. Маловист. К вопросу о развитии и упадке городов монгольской империи в XIII—XV вв.; Й. Калич. Торговые отношения балканских стран с Центральной Европой в XV в.; Х. Виснер. Великое Литовское княжество, Корона Польская, Речь Посполитая; А. Хойновский. Национальные меньшинства в политике польских правительств. 1921—1926; В. Сливовская. Итоги юбилея восстания декабристов. 1825—1975.

«Československý časopis historický»,
1976, № 6

Я. Млынский. Критический очерк западногерманской историографии, относящейся к истории КПЧ; В. Лацина. Проблемы отраслевой структуры чехословацкой промышленности в 1918—1930 гг.; В. Дангл. Национальная проблематика в австро-венгерской армии и Словакии; Й. Гаубелт. Франтишек Палацкий и Геламус Добнер.

Pamiętnik literacki,
1976, № 4

В. Косыны. Только ли «Сатира на ленивых крестьян»? Опыт социологиче-

ски-литературного описания текста; М. Янион. Литература и заговор; К. Гурский. В защиту Целины Мицкевич; М. Вька. К проблеме младопольского героизма; Э. Бальцежа. Поэзия о войне: стратегия участника; А. Виньенз. «Совет I» Миколая Семпа Шажиньского: опыт повторного чтения.

«Slovenská literatúra»,
1976, № 3

Ф. Мико. О характере эстетической информации; Ю. Ноге. Разложение эпичности многоплановости баллады Янка Крала; К. Розенбаум. Проза Карла Александра Модрани.

№ 4

В. Петрик. О генезисе мировоззренческой концепции Еге; Н. Краусова. Проза новых моделей или упадок эпической формы?; Я. Штевчек. Мотивация и система произведения.

№ 5

П. Петрус. Повесть Зехентера; М. Шутовец. Пространственные отношения и внешняя реальность в «Невестах» Швантнера; З. Валкова. Рифма поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» в словацком переводе Л. Фелдека; В. Марчок. Основной принцип лиризма в народной поэзии; Л. Вайдова. Иван Краско на румынском языке.

«Български език»,
1976, № 4

Е. Дограмаджиева. Памяти Кирила Мирчева (3 XII 75 — 21 XII 75); А. Маргос. Средневековые болгарские надписи в церкви близ села Рояк (Провадийско); К. Костов. Заметка о типологии и семантике членных форм существительных в болгарском языке; З. Генадиева-Мутафчиева. Модальная частица *да* в современном болгарском языке; Х. Симеонова. Болгарский диалектологический атлас и некоторые болгарские региональные атласы.

№ 5

Е. Пернишка. Некоторые достижения и перспективы современных болгарских толковых словарей; Ю. Балтова. Некоторые виды сложных слов в болгарском литературном языке периода Возрождения.

«Език и литература»,
№ 1976, № 2

Г. Веселинов. Апрельское восстание и болгарская литература; И. Лекков. Обратная (смысловая и формальная) связь словформ в синтагматическом и контекстуальном аспектах; С. Русакиев. Маяковский и Валцаров; Н. Кочев. К вопросу об эстетических взглядах исихастов; И. Куцаров. О соотношении болгарских и чешских глагольных времен.

№ 3

Съезд КПСС и проблемы культуры; С. Русакиев. Шолохов об ответственности писателя перед народом и человечеством; И. Боброва. Ритм и мелодия в новеллах К. Г. Паустовского; Е. Тодорова. Семантическая структура прилагательных меры пространства; А. Поликанов. Изображение рабочего класса в творчестве Василия Федорова.

№ 4

Вопросы культуры в документах XI съезда БКП; Б. Цепков. Огромное идейное богатство — избранные сочинения Тодора Живкова в 23 томах; С. Лисенко. Принципы лирической романтизации в драме М. Кулиша «Патетическая соната»; М. Виденов. Универбиация — характерная черта болгарской разговорной речи; К. Влахов. Название *Haemus* — Стара Планина; Н. Милева. Употребление служебного слова *da* в староболгарском языке.

«Język Polski»,
1976, № 4

Р. А. Ротштейн. Замечания о грамматическом роде и семантических признаках слов; Е. Островская. «Psalm o wildze» Тадеуша Новака; С. Гайда. *Górnice wyrobisko*. Из наблюдений над лексикосемантической группой слов из языка горняков; Е. Островская. Кристаллизация смысловой доминанты; А. Солтыс. Трудные артикуляционные последовательности в польском языке; Н. Герей-Шиманьская. Из лексики XVI в. — *trząsca*; Диалектные тексты. 52. А. Голломбек. Диалектные тексты из Сувальщины.

«Slavica slovaca»,
1975, № 3

Э. Секанинова. Значения приставок *o-* и *ob-* в русском и словацком языках; Е. Беличева-Кржижкова. Степени сравнения прилагательных в современных славянских языках;

Ш. Швагровский. О словообразовательной и стилистической характеристике параллельных женских названий к мужским в современном русском языке; Е. П. Васильева. Семантико-стилистическая характеристика глагольного ядра ввода конструкции с прямой речью (в русском языке); М. О. Маликова. Структурно-семантический анализ слов с морфемами *сверх-* и *без-/без-* в русском языке в сопоставлении со словацким; Ю. Панько. Тип *Что делать? (Куда идти?)* — его отрицательная и положительная конструкция. (На материале русского, украинского и словацкого языков.)

1976, № 1

Ш. Пецар. Заседание Лексиколингвистическо-лексикографической комиссии при Международном комитете славистов; Й. Ружичка. Исследование лексики в Словакии; Л. Киш. О предмете славянской сравнительной лексикологии: ономастика; Я. Горецкий. Семантические признаки, их языковая и содержательная основа; Г. Якобсон. Несколько наблюдений над лексическими заимствованиями; В. Бланар. Изменение значения как проблема сравнительной лексикологии; С. Скорупка. Сравнительная фразеология славянских языков; Й. Филипец. К вопросу сопоставления словарного состава двух языков; Э. Секанинова. Из проблематики двуязычной лексикографии; Ю. Фурдик. Что дает словообразование для лексикологии; И. Мистрик. Количественное и обратное изучение лексики; И. Немец. Реконструкция единиц неполно засвидетельствованной лексической системы; П. Ондрус. О сравнении слов и их значений в диалектах славянских языков; Ш. Пецар. К вопросу о принципах исторических словарей западнославянских языков; К. Чолакова. Некоторые теоретические вопросы составления фразеологических словарей; И. Рипка. К вопросу о концепции Словаря словацких народных говоров; Я. Матейчик. Проблемы диалектного словаря; М. Марсинова. Замечания о сопоставлении деноминативных глаголов в славянских языках.

«Slovo a slovesnost»,
1976, № 3

В. Кржижек. Критерии периодизации развития чешского языка; П. Сгалл. К вопросу о семантике предложения; М. Моравек, О. Мюллерова. Диалогическая коммуникация. (Опыт общей характеристики ситуации диалога); Я. Легар. Хроника Далмила и начало чешской литературы; К. Петрачек. Об иконической мотивации текста в арабской поэзии.

№ 4

К. Свобода. Сложные предложения с союзами в языке Франтишка Палацкого; И. Штепан. Конструкция предложения у Ф. Палацкого; Л. Клименш. Длина предложения в «Истории чешского народа» Палацкого; Я. Паневова. Так называемые обстоятельственные придаточные предложения места и их семантическая структура; И. Небеская. Об отрицании в сложных предложениях, выражающих причинные отношения; Е. Гаичева. Структура вопроса и ответа с точки зрения актуального членения; О. Мюллерова. О тематической структуре разговорных диалогических текстов.

«Slovenská reč»,
1976, № 4

Ф. Кочиш. Изоморфизм в синтаксисе; Ш. Пецар. Об употреблении слов, обозначающих дробь; Ф. Буффа. О различной мотивации производных слов в диалектах.

№ 5

Ш. Пецар. Изучаем положения XV съезда КПЧ; Ш. Ондруш. Словацк. диалектн. *bosman*, *pošajdes* и старосл. *posagь*; Т. Якабчинова. Об отношении между значением и словооб-

разовательными возможностями мотивирующих слов.

№ 6

Я. Оравец. Противительные конструкции; Я. Копина. Синтаксис фразеологизмов в романе Илемницкого «Хроника»; Ф. Буффа. О словообразовательных вариантах типа *kvet* — *kvetina* в словацком.

«Jezik», 1975/76, № 3—4

Б. Финка. Памяти С. Павешича; Л. Енке. Людевит Гай — многократный победитель; Р. Катичич. Культура речи; С. Вукушич. По поводу двух новоштокавских акцентовок имен мужского рода на *o*; От редакции. Примечание к статье С. Вукушича.

1975/1976, № 5

С. Тежак. Об употреблении отглагольных имен; С. Бабич. Фамилии, топонимы, названия жителей местностей, оттопонимические прилагательные в литературном языке; Д. Малич. О завершении одного великого труда; И. Криле. Грамматическая структура глагола *pretvoriti (se)* и *pretvarati (se)*; А. Касумович. О лексических ориентализмах в нашем литературном языке.

30 ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

26 января 1977 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященное 30-летию со дня основания Института (1947—1977).

С докладом о научной деятельности Института выступил директор Института чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков. Он коротко охарактеризовал основные этапы развития Института и итоги работы его коллектива за 30 лет, в течение которых произошли глубокие качественные изменения форм и методов работы. Начав с подготовки обобщающих трудов по истории и истории литератур славянских стран, коллектив Института в дальнейшем значительно расширил научно-исследовательскую проблематику, включив в нее изучение балканских стран (Румыния, Греция), и перешел к проведению сравнительно-исторических и комплексных исследований, одновременно поставив вопросы методологии и методики таких исследований. Отметив широкие международные научные связи Института и охарактеризовав целый ряд наиболее важных трудов, подготовленных Институтом за последние годы в области истории, литературоведения, лингвистики, истории культуры, Д. Ф. Марков остановился на проблематике исследований Института в десятой пятилетке¹. Д-р ист. наук В. А. Куманев зачитал приветствие Секции общественных наук Президиума АН СССР. Поздравив коллектив Института с 30-летним юбилеем, он отметил большой вклад Института в советскую историографию, содействие становлению и развитию марксистско-ленинской историко-филологической науки в европейских социалистических странах, а также то обстоятельство, что Институт стал крупным научным центром международного значения в области славяноведения и балканистики, подчеркнул те ответственные задачи, которые встают перед коллективом Института в десятой пятилетке в соответствии с историческими решениями

¹ Подробнее см. Д. Ф. Марков. За глубину и синтетичность научных исследований (К 30-летию Института славяноведения и балканистики АН СССР). «Советское славяноведение», 1977, № 3.

XXV съезда КПСС и прежде всего по повышению эффективности и качества всей научной работы, по усилению исследований наиболее актуальных направлений.

На заседании Ученого совета выступил академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков и чл.-корр. АН СССР Г. В. Степанов (от Отделения литературы и языка АН СССР). Они отметили большие достижения Института в области комплексного изучения проблем истории, культуры, литератур и языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы, а также заслуженный авторитет, которым пользуются исследования Института за рубежом, особенно в странах социалистического содружества.

От Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами коллектив Института приветствовал И. А. Черкасов, отметивший, наряду с плодотворной научной деятельностью, большой вклад Института в дело ознакомления широких слоев населения Советского Союза с историей и культурой славянских и балканских стран, с достижениями этих стран в строительстве социализма, а также активное участие специалистов Института в массово-политической и культурной деятельности советских обществ дружбы с народами социалистических стран. ССОД наградила Институт славяноведения и балканистики Почетной грамотой за большие заслуги в деле укрепления дружбы и сотрудничества с научной и творческой интеллигенцией стран социалистического содружества.

В выступлении заместителя начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР Р. С. Кузнецовой подчеркивалось, что работа Института всегда проходила в тесном контакте с государственными архивами. Важной формой этого содружества является совместная работа по подготовке документальных публикаций о дружественных связях народов СССР с народами зарубежных социалистических стран, выполняемых на высоком научном и идейно-теоретическом уровне.

На заседании Ученого совета были зачитаны приветственная телеграмма вице-

президента Академии наук СССР акад. П. Н. Федосеева и телефонограмма директора Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбакова.

С теплыми приветствиями и поздравлениями в адрес Института выступили также чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин (директор Института русского языка), генерал-майор Н. К. Глазунов (заместитель начальника Института военной истории МО СССР), доктор искусствоведения Б. И. Ростоцкий (Институт истории искусств), д-р ист. наук профессор В. Г. Карасьев (зав. кафедрой истории южных и западных славян МГУ), д-р филол. наук профессор А. Г. Широкова (зав. кафедрой славянской филологии МГУ), д-р ист. наук С. О. Шмидт (председатель Археографической комиссии), Л. М. Гаврилов (ученый секретарь Института истории СССР), чл.-корр. АН ССР Ш. Штэфанеску (директор Института истории им. Н. Йорга, СРР). Все выступавшие сердечно поздравили коллектив Института с 30-летним юбилеем, отметили большие успехи, достигнутые Институтом в изучении проблем славяноведения и балканистики, в деле развития сотрудничества с научными учреждениями стран Центральной и Юго-Восточной Европы, и пожелали сотрудникам Института новых достижений и творческих успехов в решении задач, стоящих перед Институтом.

Д-р ист. наук И. С. Миллер и д-р филол. наук С. В. Никольский, работающие в Институте со времени его основания, рассказали собравшимся о периоде создания и становления Института, о его первых славистах и первых трудах.

К юбилею Института была организована книжная выставка, давшая наглядное представление о научной продукции Института за 30 лет. В течение этого времени вышло более 600 коллективных

и индивидуальных монографий, а также большое количество статей в периодических изданиях. В разделах выставки нашли отражение история создания Института и его деятельности, достижения Института в области истории, литературоведения, языкознания (590 монографий), были представлены периодические издания Института. К 30-летию Института подготовлена брошюра, включающая краткую историческую справку об Институте, статью о международных научных связях Института, а также библиографию трудов Института за 1947—1976 гг.

Институт получил поздравительные телеграммы от Института международного рабочего движения АН СССР, профессоров и преподавателей Ленинградского, Калининского и Донецкого университетов. Кроме того, были получены поздравления от зарубежных научных учреждений — Института всеобщей истории ЧСАН, Института европейских социалистических стран САН, Института истории ПАН, Института социалистических стран ПАН, Института литературных исследований ПАН, Института литературы БАН, Института истории ВАН, Института литературоведения ВАН, Института балканистики Отделения исторических наук Югославской АН, Центрального института истории и Центрального института истории литературы Академии наук ГДР и др.

В заключение Д. Ф. Марков еще раз тепло поздравил сотрудников Института славяноведения и балканистики, пожелал им дальнейших творческих успехов и поблагодарил от имени коллектива Института все учреждения, организации и отдельных лиц за сердечные дружеские поздравления в связи с юбилеем Института.

Е. П. Ахсенова

СИМПОЗИУМ ПО СТРУКТУРЕ БАЛКАНСКОГО ТЕКСТА

27—28 октября 1976 г. в Институте славяноведения и балканистики состоялся очередной, четвертый Симпозиум, проходящий в рамках постоянно действующего семинара по балканистике (см. симпозиумы по античной балканистике — 1972, 1975 и Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков — 1974). На этот раз темой была избрана «Структура балканского текста»¹.

¹ Симпозиум по структуре балканского текста. Тезисы докладов и сообщений. Редколлегия: Вяч. Вс. Иванов (отв. редактор), Т. М. Николаева, Т. Б. Менская. М., 1976, 67 стр.

Исследование структуры текста — сравнительно новая область, приобретающая все большую актуальность и значимость. Оно предполагает объединение методов собственно лингвистики текста с методами анализа, принятыми в целом ряде смежных наук. В итоге создается возможность транспонировать словесные тексты в другие, в том числе внеязыковые последовательности, вводя их в круг рассмотрения истории, этнографии, изобразительного искусства и т. п. В этих условиях существенно сформулировать достаточно общие принципы анализа текста, с одной стороны, содержащие не слишком жесткие ограничения, и, с другой стороны, создающие единую

основу для целенаправленных исследований. Принципы такого рода постулировались во введении доклада В. В. Иванова «Текст в современной науке», где, в частности, говорилось о критериях непрерывности и прерывности, в зависимости от чего любой текст — и не только словесный — может рассматриваться как некий континуум, т. е. своего рода непрерывное и неделимое целое, и/или разбиваться на отдельные дискретные единицы, с указанием способов их взаимных сочетаний. В обоих случаях речь идет именно о структуре текста как такового.

Принятие достаточно общего подхода позволило придать внутреннее единство весьма разнообразным докладам, представленным на симпозиуме. Собственно говоря, в выборе темы предписывалось почти единственное, так сказать, «ареальное» ограничение: использование материала балканских языков и балканских традиций (но и в сопоставлении с небалканскими). Выбор прочих параметров — временной период, конкретные языки или традиции, жанры текстов, уровни анализа и т. п. — был полностью предоставлен авторам. Это определило многосторонность затронутых проблем, с трудом поддающихся однозначной рубрикации, но при этом объединенных некоторыми общими постулатами.

Было предложено (см. предисловие к тезисам, стр. 3) проводить анализ текстов на разных уровнях, начиная от собственно лингвистического (грамматика) и кончая высшими, для описания которых требуется привлечение данных о контексте ситуаций в широком смысле (к этому, в частности, может быть отнесена реконструкция текста как на уровне языка, так и в культурно-историческом плане). Собственно лингвистический уровень был представлен четырьмя докладами: В. Б. Ходорковская. Интерпункция и неэтимологическая геминация согласных в древнеиталийской письменности (предложение семантической интерпретации ряда явлений, представляющихся на первый взгляд особенностями графики); Л. С. Баюв. Интерпункция в ликийском тексте (отражение в графике некоторых существенных фонетических признаков); А. В. Жугра. Локальная характеристика глаголов движения в албанском языке (внелексические, контекстные и ситуативные способы выражения пространственных признаков, связанные с вопросами определения связности текста); Т. Н. Свешникова. Ранговая грамматика румынских энклитик (анализ размещения неопознаваемых элементов, формирующего структуру румынской фразы).

Опыт реконструкции текста в широком плане был представлен в докладе В. В. Иванова «Иллирийское *Kav-δολον* как отражение древнебалканского и общевосточноевропейского текста мифа о герое-убийце

Пса-Волка» (и отчасти в тезисах Г. И. Довгяло «Данные древнехеттских документов и соответствующие им параллели у Николая Дамасского»), где на основании данных прежде всего сравнительного языкознания (точнее, исходя из этимологии одного слова — эпонима Кандавл); экстраполированных в смежные области (фольклор и мифология, историко-археологические показания и т. п.), был восстановлен архисюжет (поединок героя с волком как рефлекс поединка со змеем), с учетом его ареальных и временных воплощений и значительным расширением границ его распространения (привлечение древнекитайской традиции в аспекте влияния на нее индоевропейской).

Если доклад В. В. Иванова содержал конкретный образец реконструкции текста, то доклад Г. А. Левинтона «К проблеме реконструкции индоевропейского повествовательного текста» был посвящен теоретическим вопросам кодирования сюжета, в частности, — его свертыванию до формульного выражения или собственного имени. Наличие этих элементов и в текстах с развернутым сюжетом позволяет говорить о том, что в каждом тексте (в поверхностном его выражении) могут быть заключены другие тексты (в пределе все), так же как и сюжет данного текста. Тогда речь может идти о принципиальной самодостаточности любого текста в модели мира и о его обучающих свойствах.

Подход такого рода применялся и в других докладах, характеризующихся стремлением, не выходя за пределы рассматриваемого текста и на основе анализа его формальной структуры, прийти к весьма общим выводам, в частности общесемантического характера. Так, в докладе В. Н. Топорова «Несколько соображений о структуре „Царя Эдипа“ Софокла» (представленным тезисами) сохранилась проекция сугубо формальной структуры текста (собственно говоря, построение его по модели *вопрос — ответ*) на высшие уровни, в конце концов приводящие к основному космогоническому мифу. Это позволило, с одной стороны, представить трагедию Софокла не как литературную обработку, но как создание мифа по его первоначальной схеме и конституирование ее инварианта через соотнесение Эдипа < Диониса с страдающим персонажем основного мифа — младшим сыном Неба, нарушившим завет и наказанным. С другой стороны, было показано, как решение космогонических загадок приводит Эдипа к самопознанию и самонаказанию, т. е. актам свободного выбора, определяющим границы человеческого и интерпретируемым как трансформация космологической проблематики исходного мифа в антропологическую.

Доклады Н. В. Брагинской и Е. Г. Рабинович показывали разные стороны указанного подхода к анализу текста.

Н. В. Брагинская обратилась к исследованию текста с точки зрения его формальной структуры: в ее докладе «Структура диалогического экфрасиса» рассматривались функции описаний произведений искусства (существующих и вымышленных), включенных в различные литературные жанры у писателей ранней и поздней античности, и были высказаны мысли, в частности, о взаимопроницаемости разных видов искусства (в том числе словесных и несловесных) и о связи диалогического экфрасиса с «драматическими» жанрами, где он сопоставлялся с показом, сопровождавшимся пояснительным текстом. Е. Г. Рабинович в докладе «Античные этимологии имени Аполлона как источник» исходила из семантического анализа. На основе особенно актуального сейчас тезиса, что любые варианты семантического толкования этимологий, будь они лингвистически неоправданными, «народными», подверженными временным и пространственным изменениям и т. д., представляют особую ценность для определения внутреннего смысла слова, его валентностей, а через это — глубинных мифологических связей, автор приходит к выводу, что поздние представления об Аполлоне как о губителе, аналоге дьявола (типологической параллелью к которому является Велес, противник Громовержца) объясняются его связью с языческой космологией, предполагающей несвободу воли, а более эксплицитно — связь с неприемлемой для нового мировоззрения категорией пророчеств и прорицаний.

В докладе А. В. Лебедева «Реконструкция космогонии Анаксимандра» содержалась попытка представления космогонической системы Анаксимандра, основанная на предложении новых толкований

ряда терминов (прежде всего *τὸ ἀπείρον*) и новых прочтений, что в итоге позволило автору восстановить «космический цикл» Анаксимандра на словесном уровне. Доклад Ф. Шелова-Коведяева «Замечания к Ptolem. III, 5, 5» был посвящен рассмотрению одного из «темных» пассажей у Птолемея и заключал в себе некоторые наблюдения и предположения о карте расселения племен по Птолемею.

Ряд докладов был посвящен выявлению глубинных мифологических связей в текстах разного рода, как литературных (Л. А. Гиндия. Ритуально-мифологический смысл Od. X, 395—396 — интерпретация эпизода у Кирки как отражения обряда инициации, включающего среди прочего катабасис — сходжение — в подземный мир), так и фольклорных. Исследуя «Восточнославянские игры, связанные с культом пчел», В. Э. Орел обнаружил в них некоторые архаические черты различных культурных традиций (категории дара, обмена), в том числе славянской (связь со свадебными обрядами), а также ряд общих мифологических мотивов (столп, дуб, горение, стограние детей — в связи с Перуном). В докладе Т. В. Цивьян «О структуре одного класса операционных текстов в румынском языке (обработка конопли)» содержалась попытка установить связи специально прагматического текста с одним из мотивов основного космогонического мифа: «Жена и дети Громовержца».

Первый опыт Симпозиума по структуре текста представляется весьма плодотворным и заслуживающим дальнейшего развития и расширения (в частности, включающего такую перспективную область, как балкано-балтийские связи).

Т. В. Цивьян

CONTENTS

- Markov D. F.* For Profundity and Synthetical Character of the Scientific Researches (To the 30th Anniversary of the Institute for Slavic and Balkan Studies at the Academy of Sciences of the USSR). *Bazyłow L.* (Poland). The Institute of the Socialist Countries at the Polish Academy of Sciences. *Baginskii E. S.* The Sanacja and the Constitutional Question in Poland, 1926—1929. *Birman M. A.* The Bulgarian Industrial Proletariat in the Early XXth Century (Number, Structure). *Sverdlov M. B.* The Social System of the Slavs in the VIth — early VIIIth Centuries. *Neporozhnjaja N. A.* The Humanist Conception of Man in M. Lalic's Antifascist Novel. *Belozzerova O. M. J. G.* Tajovsky as a Representative of Critical Realism in the Slovak Prose of the Early XXth Century. *Skupskii B. I.* The Disputable Cases of Dative Self-Dependent in the Gospel Codes 3

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- Korolyuk V. D.* «The Slavs and the West». *Lapteva L. P.* A Book about Jan Arnošt Smoler. *Severnaja O. A.* The Problems of Cultural Construction in the European Socialist Countries. *Solovieva A.* A Bibliography of Works on Jan Neruda. *Danilova A. B.* Вулелић. Мисао и реч Свєрозара Марковића. *Suprun V.* «Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby». *Vinogradova A. I.* Problems of the mediaeval town in the Slovak Marxist Historiography 89

B i b l i o g r a p h y

- Books of the Present State, History, Culture and Languages of the Foreign Slav Peoples Published in the USSR in 1976. The main articles and materials of the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1976. Contents of foreign periodicals 106

SCIENTIFIC LIFE

- Azenova Je. P.* 30 Years of the Activities of the Institute of Slavonic and Balkan Studies. *Tsivjan T. V.* Symposium on the Structure of Balkan Text 123

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, В. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного
редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕНТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 10/II-1977 г. Т-03275 Подписано к печати 13/IV-1977 г. Тираж 1235 экз.
Зак. 1858 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. л. 13,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891